

ГРУКА

ЛЮБОРЬ

Ким Колден

Пролог

Как объяснить или... отрицать любовь

Попросите сто человек объяснить, что такое любовь.

И вы получите сто различных ответов.

Потому что любовь как искусство, она — субъективна.

Постоянно меняется.

Эволюционирует.

Хороший тому пример...

Миранда

Любви не существует.

Это притворство, как Санта или Вегас. Блеск и красота, пока не приглядишься. Тогда увидишь, что под личиной больших возможностей и обещаний скрывается обман.

Только дураки верят в любовь.

А я не дура.

Шеймус

Любовь — странная штука. Она приходит из ниоткуда. В ней нет логики или системы. Она не поддаётся научному объяснению. Любовь — это чистое чувство и страсть. Однако и чувство, и страсть могут быть опасными, потому что они подпитывают не только любовь, но... и ненависть. Сейчас я являюсь экспертом и в том, и в другом. Я знаю об этом из личного опыта.

Я влюбился в Миранду быстро и безрассудно. Мы оба были молоды. Она была умной, красивой и неуловимой. Слухи кружили вокруг неё, как легенда, которую шепотом передают из поколения в поколение, основываясь на людской молве и предположениях. Люди говорили, что она жестока, но я видел в этом силу воли. Люди говорили, что она надменна, а я видел в этом независимость. Люди говорили, что она хитра, а я видел в этом целеустремленность. Меня предупреждали, но я надевал розовые очки и смотрел на нее сквозь призму своей собственной искаженной точки зрения. В этом, наверное, и есть моя самая большая ошибка так же, как и моё милосердие. Я вижу в людях только самое лучшее. В ней все было великолепно. Я ничего не хотел в ней менять. В своей голове и мечтах я возвысил ее до небес.

Но правда в том, что мечты, как сигареты. Мысли о них крутятся в голове, пока не начинаешь думать, что они нужны тебе, что именно этого ты хочешь. Миранда была такой. Она была сигаретой. Я думал, что хотел ее. Думал, что она нужна мне. Но со временем ко мне потихоньку подкралась реальность. Она вскрыла и выпотрошила мои мечты, словно хищница, оставив после себя гниющий скелет.

Реальность может быть жестокой сукой.

Как и Миранда.

А я — дурак...

Который верит в мечты.

Людей.

И любовь.

Фейт

Я прожила двадцать два года без многих вещей. Нельзя скучать по тому, чего у тебя никогда не было. Это распространяется на все аспекты моей жизни, кроме одного. Любви.

Я скучаю по ней, хотя мы никогда не встречались.

Нет, я не идеализирую ее и не считаю недоступным совершенством. Люди — ненадежные создания. Уверена, что и любовь такая же.

Я думаю, что любовью движут инстинкты, когда сердце заглушает голос разума. Ее нельзя предугадать. Но я узнаю ее, когда почувствую, потому что она будет пронзительно прекрасна.

Я очень хочу, чтобы однажды она пришла ко мне.

Глава 1

Билет в рай

Миранда

Флешбэк

— Ты такая сучка, Миранда, — с презрением говорит моя соседка по комнате. Это оскорбление.

Мы ругаемся, как и всегда. У наших споров нет причин, они — результат взаимной нелюбви друг к другу. Я закатываю глаза, сожалея, что стою к ней спиной, и она не может видеть моей ненависти.

— Как будто я этого уже не слышала, — резко отвечаю я, добавив яду своим словам, и поворачиваюсь к ней.

Она со стервозным и самодовольным видом перекидывает свой рюкзак через плечо и выходит из комнаты, громко топая изящными маленькими ступнями, которые больше подошли бы фее, чем человеку. Ее маленький рост и какая-то воздушность раздражают меня больше всего. Кроме того, в глубине души она просто милая. Это автоматически означает то, что мы, как противоположные стороны магнита, отталкиваемся друг от друга.

— Не знаю, что нашел в тебе Шеймус, — бурчит она перед тем, как захлопнуть за собой дверь и лишит меня возможности ответить.

— И я тоже, — шепчу я пустой комнате. Это правда, которую я не хочу, чтобы услышал кто-то еще.

Я никогда не была из тех девушек, которым нужен мужчина. Мужчины не делают меня счастливой, романтика — это полная чушь. Они привносят глупости в мой упорядоченный и строгий мир. Иногда мне нравится играть в кошки-мышки. Я забавляюсь с мышкой до тех пор, пока она не впадает в полубессознательное состояние, а потом впиваюсь в нее своими острыми зубами. Мужчины — простейшие создания. Симпатичные — мои любимые. Мне нравится толочь их самомнение в блестящую пыль.

Но Шеймус другой. Сначала я об этом не знала. Когда он начал добиваться меня, я притворилась скромной и подпустила его к себе; это была часть игры. Но потом мы несколько раз сходили на свидания. И тогда-то это и произошло.

Я была временно ошеломлена.

Очарована.

Шеймус — один из тех редких мужчин, которые не имеют представления о том, как

хорошо они выглядят, насколько умны, добры и просто...приятны. Он именно такой. И почему-то я нашла это невероятно привлекательным. Вот что притянуло меня к нему. Он бескорыстный идеалист и искренне верит в порядочность и человечность. Я не знала, что такие мужчины существуют где-то помимо чертового «Хэллмарк Ченнэл¹». Он вызвал во мне желание быть хорошей. Шеймус — единственный человек, который заставил меня жаждать разбавить светом свою черную душу.

Глупо, я знаю. Но эта мечта жила недолго.

Слава Богу!

Я пришла в себя и поняла, что идеализм и добродетель — это роскошь, доступная немногим. К тому же, они мешают моим жизненным целям, всем до одной. На добрых намерениях и надежде на лучшее невозможно прорваться наверх. Путь к успеху — это целая наука, приправленная просчитанными действиями и тяжелой работой. Люди — это просто пешки. Мораль — препятствие на пути. Власть не для слабаков.

Но вот, что я поняла о роли Шеймуса в моей жизни.

Он мне нужен.

Нужно, чтобы он был рядом.

Он — мой билет в рай.

Способ улучшить карму.

Мое ходячее и говорящее чертово раскаяние.

Находиться с ним в отношениях — это как жить в исповедальне. Я грешу, а он меня прощает. Благодаря связи с ним, я невиновна. К тому же, на него приятно посмотреть.

Меня воспитала бабушка. У нее был средний достаток. Она была юристом и работала на общественное благо, защищая обиженных женщин. Бабушка часто делилась со мной информацией по своим делам, поэтому я рано поняла, что в этом мире выживают и преуспевают только сильнейшие. Она была жестокой. Моя бабушка была ярким примером борца за права женщин и ненавистницей мужчин. Она вдолбила в меня то, что я могу делать то же, что и мужчины... только *лучше*. Она была дерзкой, прямолинейной, несгибаемой, направляющей силой. Полной противоположностью моей матери-тряпке — слабой личности, которую убили пороки и неправильные решения, когда мне было десять лет. Она позволяла другим оказывать на себя влияние и это в конце концов погубило ее. Я не буду такой, как моя мать. Я буду как бабушка. Никто и ничто не сможет сокрушить меня.

Бабушка была человеком, перед которым люди не просто робели. Они подчинялись ей. По своей воле или нет, но подчинялись, и это никогда не переставало удивлять меня. То, что она имела такую власть над другими, не прилагая к этому усилий, и применяла ее, не испытывая угрызений совести, делало ее в моих глазах богиней. Она пережевывала людей, а потом выплевывала их. Я выросла, пытаясь подражать ей. Она заставляла меня учиться на отлично — ничего другого не принималось в расчет — и внушила, что упорный труд — это мой билет ко всему, о чем я мечтаю. Это и немного манипуляций в случае необходимости — еще один полезный трюк, которому она меня научила. Бабушка была единственным человеком, одобрения которого я жаждала. Потому что она была единственной, кем я восхищалась. Она умерла за два дня до того, как я получила письмо о том, что меня приняли в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе. Бабушка никогда не увидит, как наша мечта стала явью — я учусь в престижном университете и получаю высшее образование.

Я восприняла это, как большой фак от вселенной.

И с тех пор, использую все возможности, чтобы вернуть ей его в ответ.

Но Шеймус — совсем другое дело.

Он словно еще один фак. Жестокая проверка, с помощью которой вселенная решила испытать мою решимость. Поэтому я одновременно и люблю, и ненавижу его.

Я жажду вцепиться в него руками и ногами, но не хочу, чтобы его доброта растопила мое жестокое сердце. Потому что это ни к чему хорошему меня не приведет. А у меня есть планы... большие планы.

Глава 2

Всем нравятся невинные овечки

Миранда

Флешбэк

— Наверное, учителя всегда коверкали твое имя в первый учебный день? — спрашиваю я.

Он выразительно кивает головой.

— Его до сих пор коверкают, но клип на YouTube «Как правильно произносить имя Шеймус» оказался в то время очень полезным.

Я с подозрением смотрю на него.

— Ты врешь. Неужели есть такое видео?

— Клянусь богом, поищи. Оно есть.

Я мысленно делаю пометку найти его, как только доберусь до дома.

— Шеймус Макинтайр — это ирландское имя, — закидываю я удочку, чтобы узнать его происхождение.

— Верно. — Судя по тому, как он это произносит, его уже не раз спрашивали об этом. Неудивительно, ведь он ходячее противоречие.

— Разве у тебя не должно быть рыжих волос, зеленых глаз и бледной кожи? Вместе всего этого? Твое имя вводит в заблуждение.

Он смеется, а потом отвечает:

— Семья моего отца — выходцы из Ирландии. Мое имя — это попытка восстановить связь с прошлым. Мама родилась и выросла на Гавайях. По-видимому, я пошел в нее. — Злость, которую я слышала в его голосе, когда он говорил об отце, мгновенно превратилась в уважение при упоминании о матери. Он немного приоткрыл мне свое прошлое до этого. Его отец был ублюдком и бросил их, когда Шеймусу исполнилось восемнадцать. Мать же, судя по его рассказам, могла бы дать фору матери Терезе. Она умерла, когда он учился в старшей школе.

— По-видимому, — соглашаюсь я.

— Мое второе имя — гавайское. Аоули, что означает «синее небо». — В его голосе чувствуется какая-то сентиментальность, — чувство, которое совершенно не присуще мне. Это довольно мило. Шеймус постоянно удивляет меня. Подобные вопросы и ответы только добавляют очки в его пользу. Да, я мысленно веду подсчет всех «за» и «против». Я планирую жить исключительно, Шеймус уникален во многом, он — бесценное, красивое творение, которое хорошо вписывается в исключительность, которую я строю. «Посмотрите, у меня есть то, чего нет у вас».

Мы встречаемся уже несколько месяцев. Он — единственный мужчина, который способен удержать мое внимание. И наоборот. Обычно мне быстро становится скучно. Мужчины начинают угрожать и все такое. Но в *нем* есть странное притяжение, которое не

отпускает меня. Словно вселенная позаботилась о том, чтобы открыть мне глаза, прокричав: «Лучше этого мужчины быть не может! Не будь душой!» Я распланировала свою жизнь на годы вперед. Строгий график и сроки завершения. Самое главное — карьера и идеальный фасад, стоящий за ней.

Я решила, что Шеймус должен стать константой² в моей жизни. Он нужен мне как талисман. Мне наплевать на совесть. У меня, как и у бабушки, ее нет. Шеймус будет моим фасадом. Вызывающий зависть муж и пара ребятишек создают отличную картинку. Волк, окруженный очаровательными, милыми маленькими ягнятами. Всем нравятся невинные овечки.

Поэтому я перестала принимать противозачаточные таблетки.

Шеймус об этом не знает.

Мы разговаривали о браке. И детях. Я покрываюсь мурашками при упоминании об этом, а он выглядит настолько довольным, как будто появился на земле исключительно для произведения потомства, а в его чреслах течет ангельское семя.

Если я забеременею, он женится на мне. И даже, если я не буду той Мирандой, которую он хочет видеть, а настоящая я, в конце концов, засияю во всей красе — Шеймус никогда не оставит нас. Ребенок — моя гарантия.

Глава 3

Мир, который я создаю для себя.

Миранда

Флешбэк

— Я тебя люблю. — Звучат в темноте его слова. Он целует меня в плечо и шею, запечатлевая на них свои обязательства и выражая глубокую привязанность. Это подтверждение того, что он мой. Весь мой. Добровольное эмоциональное рабство — это как пьянящий наркотик. Мне не нравится идея о взаимной любви, но нравится быть любимой. Для тебя открываются громадные возможности, потому что тех, кто любит, очень легко удержать.

Шеймус лежит за мной. Мы обнажены и занимаемся любовью. Он изощряется. Я терплю, но делаю, что нужно, чтобы довести его до разрядки.

Поцелуи, прикосновения, проникновения. Ему хорошо удается передавать свои чувства действиями.

А я отлично имитирую их.

— Вот так, Шеймус. Вот так, — выдыхаю я, когда он входит в меня. «Мне следовало бы наслаждаться этим», — думаю я в то время, пока он движется во мне. Шеймус — крупный, сильный мужчина, который всегда бережно обращается со мной. Он крепко обнимает меня, одной рукой мастерски стимулируя спереди, а другой уделяя внимание телу. Его губы нежно исследуют каждый доступный сантиметр кожи.

Это будет продолжаться какое-то время. Мы обменяемся парой фраз. Наверное, сменим позицию. Достигнем оргазма.

Но вот какое дело.

Мне не нравится секс.

Никогда не нравился.

Зачем мне заниматься им, если вибратор помогает достичь той же цели и быстрее. Я слишком эгоистична, чтобы доставлять кому-то удовольствие. Для других женщин это было

бы кощунством — особенно, учитывая мужчину, который находится рядом со мной. Шеймус — невероятно страстный, внимательный, романтичный и красивый. Я знаю, что напрасно не ценю его. Я видела, какими возбужденными, полными фантазий, взглядами провожают его женщины.

Но моя страсть — это власть. Секс — всего лишь средство. Вагина — мое оружие, которое может поразить любой член. Ослабить его. Покорить. Это инструмент для завоевания.

Кстати говоря. *Я победила!* Хотя моя матка рьяно протестует против этого.

Я беременна!

А на моей левой руке кольцо.

Несмотря на то, что мне хотелось бы пышно отпраздновать свою победу, я выжидаю, позволяя Шеймусу наслаждаться миром, который я создаю для себя.

Да, именно я.

Никаких нас.

У него теперь есть ребенок.

Мне нужен лишь фасад.

Глава 4

Бог любит троицу

Шеймус

Настоящее

Развод.

Разрыв священных уз.

Конец мечты.

Смерть семьи.

Это все обо мне.

Впервые она попросила меня о разводе в конце нашего первого свидания. Это была шутка, после которой последовал первый поцелуй.

Во второй раз это случилось, когда она рожала второго ребенка. Из-за того, что все происходило очень быстро, ей отказались давать обезболивающие. Она сказала, что ненавидит меня, прокляла мой член и заявила, что моя сперма — это творение дьявола. Думаю, ей просто было больно.

В третий раз, когда она попросила меня о разводе, все было серьезно.

Бог любит троицу.

Развод — это все, о чем я думаю. Я живу им. Он управляет моими мыслями, особенно в такой день, как этот. Мы с детьми переезжаем на новую квартиру. Без Миранды.

Из-за *развода*.

Как такое с виду неопасное слово становится все уродливее и уродливее каждый раз, когда я прокручиваю его в голове? Это ведь просто слово, семь маленьких букв. Буквы должны быть безвредными. Но эти объединили силы и словно нападают на меня, если я думаю о них. Нападают на мое сердце. На моих детей. На мою гордость. Они измазали и грязи мою чистую душу.

Господи, спасибо, что у меня есть дети. Они — моя жизнь. Моя цель. Они — мое все.

— Папочка, поторопись, я хочу писать. — Моя пятилетняя дочь Кира стоит на

лестничном пролете, скрестив ноги, и держит за руку своего брата. Она очень похожа на мать: такие же волнистые волосы цвета карамели, миндалевидные глаза цвета моря во время шторма и губы, по форме напоминающие сердце.

— Иду, милая. — Медленно поднимаюсь по лестнице, держа в руках большую коробку.

— Кинь мне ключи, пап. Я отведу Киру в туалет, — приходит на помощь Кай. Снова. Он всегда был невероятно развитым, а уход матери только еще больше заставил его повзрослеть. Одиннадцатилетний мальчик не должен выполнять родительские обязанности. А он выполняет. И никогда не жалуется. Может, он увидел, что наш брак распадается еще до того, как это поняли мы сами? Уж точно до того, как это понял я.

Мы никогда не были идеальной семьей, но я даже не подозревал об измене.

Я был в шоке, когда мне вручили документы на развод.

Я отрицал происходящее в течение всего судебного процесса.

И в глубине души надеялся, что она ждет меня дома. Через несколько недель после того, как она переехала в Сиэтл, чтобы быть с ним.

С ним.

С мужчиной, который не только украл у меня жену, но и у детей мать.

Вы не находите, что это звучит горько?

Да?

Хорошо, потому что так оно и есть.

Я опускаю коробку на четвертую или пятую ступеньку и вытаскиваю из кармана ключ от квартиры номер три, нашего нового дома. Я бросил его слишком сильно: он ударяется о дверь позади Кая и падает возле его ног. Сын поднимает ключ, и я слышу, как он шепчет сестре:

— Пошли, Кира, бегом.

Она хихикает и прыгает на месте, словно разогреваясь перед спринтом. Мне не удается сдержать улыбку, глядя на этих двоих.

Я снова поднимаю коробку и смотрю в окна квартир под нами — номер один и номер два. В обеих опущены шторы. На секунду мне становится интересно, кто там живет. Семьи? Может быть, сверстники, с которыми могут играть мои дети? Неожиданно, я спотыкаюсь. Падение смягчает коробку, которую я несу. Мне стыдно, что ноги не всегда слушаются меня.

Я оборачиваюсь и осматриваю парковку и лестницу. Никаких свидетелей. Я сразу же расслабляюсь. Пульс начинает замедляться и я, наконец, делаю выдох, облегченный выдох, который пытается ухватиться за соломинку, больше известную под названием «достоинство». Наверное, стоило найти квартиру на первом этаже, но упрямство не позволило мне рассматривать этот вариант.

Как только я встаю и поднимаю коробку, выходит Кай.

— Тебе помочь, пап? Или мне пойти и принести другую из машины?

— Бери другую, дружок. И посмотри, сможешь ли ты уговорить Рори выйти из машины, — прошу я Кая, забывая о своем раздражении.

Рори — мой девятилетний сын. Он не рад нашему переезду. Как и тому, что нас оставила мама. В разговоре он не стесняется презрительно называть ее Мирандой.

Кай спускается по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Он высокий и атлетически сложенный парень, зеркальное отражение меня в его возрасте. Генетическая копия с темными глазами и угольными волосами, золотисто-коричневой кожей, широкими плечами и длинными, нескладными конечностями.

Когда я захожу в квартиру, Кира уже сидит на подлокотнике дивана. В одной руке мягкая игрушка, кот Огурчик, а в другой — пульт от телевизора. Она со скоростью света переключает каналы.

— Тебе помочь, Кира?

Она отвечает, не отводя взгляд от мелькающих на экране картинок:

— Нет, папочка. У меня все под контролем.

Я улыбаюсь и качаю головой, понимая, что она столько раз слышала эти слова от меня, что они отпечатались у нее в памяти. Для меня они — мысленное напоминание о необходимости быть уверенным в себе. Когда их произносит она, это похоже на самонадеянность. И мне это нравится.

— Тук-тук, — раздается из открытой двери чей-то певучий голос.

Я ставлю коробку на диван рядом с Кирой и, повернувшись, вижу нашу хозяйку, миссис Липоковски, которая стоит на потрепанном и выцветшем коврике. Буквы на нем, за исключением «W» и «E» на конце, уже стерлись. Коврик, как и все остальное в этой мебелированной квартире, старый и потертый. Я не жалуясь, есть в этом месте, которое моя семья следующий год будет называть домом, какой-то характер и очарование.

Миссис Липоковски и ее муж владеют этим небольшим кирпичным зданием с момента его постройки в 1972 году. В нем есть небольшой магазинчик, которым они управляют, две крошечные квартиры на первом этаже и две побольше — на втором, в одной из них живет миссис Липоковски. Здание находится в трех кварталах от пляжа и двух — от старшей школы имени Джона Ф. Кеннеди, где я работаю психологом. Идеальное месторасположение.

— Здравствуйте, миссис Л. Рад вас видеть. Заходите.

Она заходит и сразу же берет мою руку в свои. Материнский, дружеский жест. Она делает так каждый раз, когда я вижу ее, а значит, практически каждый день, потому что в течение недели во время обеда я выживаю на сэндвичах из ее магазина.

— Вижу, ты уже устроился, Шеймус. Тебе что-то нужно?

Я осматриваюсь по сторонам с отсутствующим видом.

— Нет, думаю, что у нас все есть. Спасибо.

Она гладит меня по руке, привлекая к себе внимание. Я перевожу взгляд на ее «вареную» футболку с изображением Дженис Джоплин³. Миссис Липоковски каждый день носит что-нибудь «вареное»: футболки, штаны, юбки, шорты, шарфы. Назовите любую вещь, и она у нее есть в «вареном» виде. Моя квартирная хозяйка — хиппи до мозга костей. Не думаю, что в ее гардеробе или стиле жизни что-то менялось с шестидесятых годов. Некоторые назвали бы ее устаревшей, а я — подлинной. Она такая, какая есть. И мне это нравится. Подлинность — редкая штука в наше время. Люди либо не знают, кто они такие, либо боятся поделиться этим с миром — я сам подпадаю под обе категории: я не знаю и я боюсь. Раньше все было не так. Жизнь сломала меня. Я долго боролся, но после развода проснулся и понял, что не помню того мужчину, каким я был. Время и обстоятельства изменили меня. Я должен найти себя снова.

— Заходи вечером к нам, и я угощу тебя чашечкой своего травяного чая. Он успокаивает нервы. — Она подмигивает и тепло улыбается мне. Мне сразу становится интересно, что за травы она туда кладет.

— Хорошо.

— Если будут вопросы по поводу квартиры, я в магазине. — Миссис Липоковски смотрит на мою дочь и говорит:

— Кира, ты тоже спускайся, и я угощу тебя солеными огурчиками.

Кира, при упоминании ее имени и соленых огурчиков, мгновенно наострила уши. Это ее любимая еда, за которой следует телевизор и коты.

— Пять ломтиков? — возбужденно спрашивает она.

Миссис Л. Кивает.

— Пять ломтиков для пятилетней девочки.

Кира встает на диван и торжествующе вскидывает вверх руки, продолжая сжимать пульт и кота Огурчика.

— Ура!

— Привет, мальчики, — произносит миссис Липоковски, привлекая мое внимание к входной двери, в которую входит Кай с коробкой в руке и Рори.

— Здравствуйте, миссис Липоковски, — вежливо отвечает Кай.

— Привет, миссис Липоковски, — говорит Рори с безупречным британским акцентом. Месяц назад он открыл для себя Гарри Поттера и доктора Кто и сразу же влюбился во все британское. Его акцент поначалу напоминал смесь псевдо-австралийско-английских звуков, но в удивительное короткое время трансформировался в идентичный произношению Шерлока Холмса. Иногда, общаясь с ним, я даже забываю, что мой маленький мальчик вовсе не Бенедикт Камбербэтч.

Миссис Л. Одобрительно улыбается мне.

— Ты хорошо справляешься, Шеймус. Вы все очень сильные. — У нее нет детей, но по тому, как она смотрит на моих, я понимаю, что к этому приложила руку изменчивая судьба, а не она с мужем.

— Спасибо, — отвечаю я, радуясь в душе этому комплименту. Дети — это моя гордость и радость. Я люблю и поощряю их индивидуальность. Это одна из вещей, на которую у нас с Мирандой были разные взгляды. Ей нравится однотипность. Мне нет.

— Всем пока. Увидимся за обедом. Сэндвичи с меня, Шеймус.

В любое другое время я бы стал спорить и отказываться от такого великодушного жеста, потому что моя гордость не может принять благотворительность. Но дома совершенно нет еды, кроме полупустой упаковки сметаны, луковых чипсов и теплой бутылки «Санни Ди». К тому же, мне нужны деньги, чтобы сходить в магазин после обеда.

— Спасибо. Тогда скоро увидимся, — отвечаю я. Это выходит у меня неловко и немного с вызовом.

Как только она ступает на коврик, мои мысли возвращаются к квартирам на первом этаже и опущенным шторам. Я начинаю говорить, даже не успев сформулировать в голове вопрос. Обычно я думаю перед тем, как открыть рот; осторожно подбираю слова, потому что годы работы с подростками научили меня, что лучше всего не говорить первое, что приходит на ум.

— Кто живет внизу? Семьи? С детьми? Женатые? Одиночки? — На последнем слове у меня краснеют щеки, и я замолкаю, потому что, скорее всего, произнес его с каким-то отчаянием и крайней нуждой. Но я не испытываю ни того, ни другого. Не знаю, смогу ли я снова с кем-то встречаться. Развод сокрушил меня. Мое сердце, возможно, никогда больше не доверится так, чтобы влюбиться во второй раз. Помните, что я говорил раньше по поводу горечи? Горечь — практически мое второе имя. Наверное, мне стоит отзывать на Горечь, а не на Шеймус, подражая Принсу и Бейонсе. Одно содержательное имя — просто Горечь.

На ее лице расплывается явно нахальная улыбка, она видит в этом мольбу о женщине, а

не обычный вопрос, заданный из желания устроить социальную жизнь детей, а не свою.

— Две *одинокие* женщины. Фейт из второй квартиры — беззаботная молодая леди. Она очень энергична и у нее доброе сердце. А Хоуп из первой... — пытается подобрать правильные слова миссис Л., — ведет немного затворнический образ жизни. Она старше тебя и редко выходит на улицу. Зато она тихая, как церковная мышь, ты даже и не заметишь, что она тут живет.

Я застопорился на их именах — Фейт и Хоуп — Вера и Надежда. Это больше не имена, а понятия, которые были мне незнакомы в последние месяцы. Понятия, которые поджали хвосты между ног и дали деру, как только горечь, как ураган, стала сметать все на своем пути.

Поняв, что не дождется от меня ответа, миссис Л. вежливо машет на прощание рукой и спускается по лестнице.

— Пока, Шеймус, — кричит она.

— До свидания, — отвечаю я, раздраженный своей ненамеренной грубостью.

Две секунды спустя Кай закрывает входную дверь и объявляет:

— Давайте распаковывать вещи.

Я киваю, соглашаясь с мини-версией ответственного взрослого, который стоит передо мной.

— Давайте распаковывать вещи.

Вечером, после ужина, я оставляю Кая на пару минут за старшего и иду к миссис Л. на чашку чая. Она приоткрывает дверь и выглядывает из нее, а, увидев, что это я, распакивает полностью. Запах, который стоит в квартире, сложно с чем-то спутать.

— Здравствуйте, миссис Л., я хотел бы воспользоваться вашим предложением и попросить чашечку чая. Можно просто налить в кружку, и я выпью его дома. Не хочу оставлять детей надолго одних. — Я все еще стою за дверью, на коврике, и вижу свое окно и входную дверь.

— Конечно, — говорит она. — Подержи вот это, а я пока возьму чашку.

С этими словами она вручает мне косяк и уходит на кухню.

— Черт, — ворчу я, пытаясь понять, что делать с этой контрабандой. Захожу внутрь, чтобы не стоять в проходе, где меня легко увидеть. Мистер Липоковски лежит на диване и смотрит местные новости. Он выглядит очень расслабленным, наверное, так они отдыхают. «О вкусах не спорят», — думаю я про себя.

Миссис Л. возвращается меньше, чем через минуту и обменивает косяк на кружку чая.

— Спасибо, миссис Л.

— Всегда пожалуйста, Шеймус. Надеюсь, тебе понравится. — Она показывает мне знак «мир»⁴ и закрывает дверь.

Глава 5

Подарок на новоселье

Шеймус

Настоящее

— Черт возьми, кто съел все хлопья?

— Следи за языком, Рори, — напоминаю я ему, а мысленно говорю себе: «Только не смейся. Только не смейся».

Он трясет над тарелкой пустую коробку, но все, что из нее вылетает — это крупинки зерен и сахарная пудра. Рори смотрит на меня, не веря своим глазам.

— Прости, дружище. Твоя сестра съела остатки за завтраком, пока смотрела телевизор. Хлопья — один из немногих продуктов, которые употребляет Кира. Помимо этого, в список входят макароны с сыром, соленые огурчики, бананы, хот-доги и сэндвичи с болонской колбаской.

Он бурчит что-то себе под нос, подходит к мусорному ведру и с трагичным выражением лица выбрасывает в него коробку. А потом поворачивается ко мне и говорит:

— Это отстой.

Не знаю, к чему конкретно относятся его слова: к ситуации в целом или к коробке в мусорном ведре, но, тем не менее, киваю головой, соглашаясь с ним.

Он кивает мне в ответ, явно польщенный моей солидарностью, и берет два кусочка хлеба, чтобы сделать на завтрак тосты.

Неожиданно кто-то стучится в дверь. Это не обычный стук костяшками пальцев, а целая последовательность ударов различной продолжительности и интенсивности. Звук настолько странный, что я не тороплюсь открывать дверь. Интересно, это своеобразная просьба войти в квартиру или азбука Морзе? Наконец, я прихожу в себя и иду встречать гостя.

Незнакомка, которая стоит передо мной, одета в белый топ без лямок с большим красным сердцем на нем и поношенные джинсовые шорты. У нее длинные дреды различных оттенков синего, зеленого и фиолетового. Это смотрится настолько ярко, что ей могла бы позавидовать радуга. Моей первой реакцией было мгновенное стопроцентное мужское одобрение. Она привлекает внимание — лицо ангела с удивительно пропорциональным телом. Девушка протягивает руку, будто предлагает мне ее пожать, но потом я замечаю, что она держит в ней манго.

— Доброе утро, сосед.

Я перевожу взгляд с манго на ее искрящиеся голубые глаза и прихожу в себя после неожиданного появления этой богини.

— Доброе утро.

Она улыбается, что делает ее еще моложе. Невиннее. Дружелюбнее. Я переключаюсь с режима «мужчины, восхищающегося женщиной» на режим «сосед, приветствующий соседку».

— Это для вас. — Она трясет манго, как маракас. Ее бедра движутся в такт ритму, который слышит только она сама. — Небольшой подарок в честь новоселья.

— Манго? — говорю я и неохотно беру его в руки. Надеюсь, мое удивление не показалось ей слишком грубым.

Она пожимает плечами, привлекая мое внимание к татуировке на ключице: *«Дай жизни второй шанс»*.

— Простите, знаю, что это немного нетрадиционно, но у меня больше ничего нет.

Моя рука рефлекторно пытается вручить ей манго обратно.

— Тогда заберите его. Если у вас больше ничего нет. — Это прозвучало глупо. Она же говорила образно. Думай, прежде чем говорить, Шеймус.

Девушка в ответ улыбается, аккуратно кладет обе ладони на фрукт в моей руке и медленно отодвигает его, пока он не упирается в мою грудь.

— Это подарок. Сохраните его. В нескольких милях отсюда есть магазин. — Она поднимает бровь, словно собираясь поделиться со мной секретом. — Он называется

супермаркет. Там есть другие манго. — Ее улыбка смягчает поддразнивание. Сам того не осознавая, я начинаю хихикать вместе с ней.

— Хорошо. Спасибо за... манго в честь новоселья... — Я замолкаю и поднимаю брови, молча интересуюсь ее именем.

— Фейт, — отвечает девушка и пружинистой походкой направляется к лестнице. Это напоминает мне о Кире, когда она играет. Та же самая беззаботность. Фейт оборачивается и машет мне рукой. — Рада была познакомиться...

— Шеймус.

— Рада была познакомиться с тобой, Шеймус, — произносит она так, словно действительно рада этому. Как мило с ее стороны. Неподдельная искренность — большая редкость в наше время.

— Я тоже был рад с тобой познакомиться, Фейт. — Смотрю на манго в своей руке и повторяю следующие слова только для себя: «Как мило». Вот только горечь не терпит даже мимолетного внимания и тут же предает его забвению.

Я закрываю дверь и несу манго на кухню.

— Что это? — спрашивает Рори.

— Подарок на новоселье от соседки, — отвечаю я, убирая его в холодильник.

— Выглядит как фрукт, — сухо произносит он.

— Так оно и есть.

Рори хрустит тостом, ожидая дальнейших объяснений.

— Манго, — говорю я.

— Это странно.

— Да, немного, — соглашаюсь я и быстро добавляю. — Но очень мило. — Не хочу, чтобы мои дети стали называть соседку странной на второй день проживания в этом доме.

Глава 6

Надеюсь, ваш день такой же замечательный, как и у меня

Шеймус

Настоящее

— Кира, милая, сегодня тебе нужно надеть нормальную одежду. Это же первый день в садике.

Она склоняет голову вправо. Кира всегда так делает, когда размышляет над ответом. Она оспаривает все.

— Я хочу надеть это.

— Это ночная рубашка, она не для садика⁵, — возражаю я, одновременно делая три сэндвича с болоневой колбасой для ланч-боксов⁶.

— Это платье, — мило произносит она, хлопая ресницами.

— Хорошая попытка. Но это ночная рубашка, на которой изображена кошка с короной и есть надпись: «Я чувствую себя принцессой». Нет. Ты не наденешь это. — Не то, чтобы у них был строгий дресс-код, но я знаю, что мне позвонят сразу же, как только она переступит порог садика.

Кира сползает со стула, хватая со стола кота Огурчика и с решительным видом направляется в свою комнату. Судя по всему, ночная рубашка сменится на что-то столь же неподобающее. Уверен в этом. Кира послушная девочка, но есть в ней бунтарская жилка. Проблемы решаются с легкостью, но с неожиданными поворотами. И всегда с милой

улыбкой, которой я не могу отказать.

— Хочешь, я помогу тебе выбрать? — кричу я ей в спину. Одеться занимает у нее целую вечность.

— Нет, я справлюсь, папочка.

Я кладу несколько дополнительных ломтиков соленого огурца на ее сэндвич, а потом заворачиваю все три сэндвича в бумажные пакеты и раскладываю их по ланч-боксам вместе с бананом и соком. Выхватываю из кучки макулатуры на столе рекламную листовку пиццы, рву ее на три части и пишу на каждой из них записку, не забывая украсить ее сердечками. Это приведет парней в смущение. Закончив, засовываю их в ланч-боксы к остальной еде.

Надеюсь, ваш день будет таким же замечательным, как и вы.

Люблю,

Папа.

Когда я захожу в гостиную, Рори уже сидит на диване с рюкзаком на коленях и зачем-то регулирует лямки. Он всегда был непоседливым.

— Было бы круто, если бы в новой школе была команда по квиддичу.

— Да, круто. К сожалению, Академия Монтгомери не для волшебников. Мне жаль, дружище. — Я подыгрываю ему, потому что вижу, что он нервничает. Все-таки первый день в новой школе. Ему нравится, когда я называю его «дружище». Об этом говорит гордая улыбка, которая появляется на его лице каждый раз, когда я это делаю.

— Как думаешь, а есть хоть маленький шанс, что я — волшебник? Может, мои силы пока еще не проявились? — с надеждой спрашивает Рори.

— К сожалению, нет. Ты — Магл. Никаких волшебных сил. Кроме чувства юмора. — Я подмигиваю ему и выхожу из гостиной, чтобы проверить как дела у Киры и Кая.

— Я бы предпочел превращать людей в лягушек, а не заставлять их смеяться, — вопит он мне в спину.

— Ква-ква, — кричу я ему в ответ.

Он смеется. Мне нравится это слышать. Я чувствую себя победителем, когда вызываю на его лице улыбку.

Кира стоит в детской комнате в розовой юбке в желтый горошек, в синей клетчатой рубашке, лимонного цвета шлепках и в сияющей короне. Я бы, наверное, разочаровался, если бы ее наряд сочетался по цвету.

— Вы прекрасно выглядите, принцесса. Карета уже ожидает вас. Берите свой рюкзак, мы отправляемся, — говорю я, кланяясь.

Она хихикает, поднимает с полу рюкзак и выходит в коридор.

Я стучусь в закрытую дверь ванной комнаты.

— Ты готов, Кай?

Он открывает дверь и поднимает большие пальцы вверх, показывая, что скоро закончит чистить зубы.

В половину восьмого мы загружаемся в машину и едем в школу. Они в свою, а я — в свою. Их школа — это Академия Монтгомери, где ведется обучение, начиная с подготовительного и, заканчивая, восьмым классом.

До развода мы жили в двадцати милях отсюда. Поэтому нам пришлось поменять школу.

Я чувствую себя виноватым, но так было удобнее. К тому же, мы можем позволить себе эту квартиру. А в старом районе — нет. Но я все равно чувствую себя виноватым. Эта вина, как якорь, удерживает меня на месте, затрудняя любое движение вперед.

Глава 7

Пугающе человеческая

Шеймус

Настоящее

— А это не наша соседка? — спрашивает Кира.

— Она выглядит выжатой, — добавляет Рори.

Мне понадобилось несколько минут, чтобы рассмотреть людей, собравшихся на пляже, и перевести слово «выжатый» на американский английский. Когда я вижу Фейт, которая стоит на ящике из-под молока в нескольких шагах от пляжа, то все приобретает смысл.

— Да, это Фейт. И да, она выглядит уставшей. — Детям нравится новая соседка. Они видели ее мельком и теперь думают, что она милая и смешная.

Фейт держит в руках плакат с надписью: «Бесплатные обнимашки». В ней все кажется измученным: ссутулившаяся спина, полуприкрытые глаза, опухшее лицо. Кроме искренней улыбки, которая сияет на ее лице. Это маяк, который влечет к себе людей. Мы с детьми наблюдаем за тем, как к ней один за другим подходят желающие обняться. Каждый раз она сходит с ящика кладет плакат на песок и прижимает их к себе. Некоторые люди с энтузиазмом обнимают ее в ответ, а некоторые — стесняются. Иногда объятия короткие, а иногда длятся по пять-десять секунд. Вы можете сказать, что это совсем не долго, но, когда вступаешь в физический контакт с незнакомцем, пять-десять секунд кажутся вечностью. Мои эмоции колеблются между глубоким почтением, неодобрением и опасением за ее безопасность. Но больше всего меня удивляет то, что Фейт обнимает всех, без исключения, сильно, с любовью и от всего сердца. Своим прикосновением она передает каждому желающему частичку своей доброты. Она самый пугающе гуманный человек из всех, кого я встречал за долгое время.

Мне бы хотелось сказать, что она самая красивая женщина, но я... боюсь. Потому что в основе того, что она делает, лежит... любовь.

А любовь для меня — это страх.

И развод.

Черт.

Говорил же, что я озлоблен.

Кире не терпится побежать к Фейт, чтобы обняться. Она сама любительница этого и даже в пять лет способна распознать родственную душу.

— Папочка, можно мне обнять Фейт?

Мой рот говорит «нет», а голова согласно кивает.

Я даже не осознаю противоречивости этого, пока она не морщит лоб и не переспрашивает:

— Можно мне обнять Фейт?

В этот раз я просто киваю головой.

Она бежит по песку, а мы с ее братьями остаемся ждать на месте. Кира встает в очередь позади пожилой женщины с двадцатилетним парнем. Когда подходит ее черед, Фейт сразу же узнает мою дочь и, опустившись на колени, крепко прижимает ее к себе. Кира обнимает

ее в ответ и утыкается лицом в шею Фейт. Сначала она ерзает, не в силах сдержать свое возбуждение, но через десять секунд успокаивается и довольно замирает. Так она прижимается ко мне каждый вечер. Это объятие, которое говорит о доверии, о любви и о чувстве безопасности. Оно растапливает мое сердце. Наблюдать за тем, как она дарит его едва знакомому человеку — потрясающе. Дети отлично разбираются в людях. В них преобладают инстинкты, но со временем цинизм разрушает их до тех пор, пока они не становятся бесполезными для большинства взрослых. Хотя, вполне возможно, что с возрастом мы просто учимся хорошо игнорировать их.

Кира возвращается с таким сияющим видом, словно ее сердце пылает настолько ярко, что освещает ее изнутри. Я тихо благодарю Фейт за этот момент. За опыт, который напомнил ей о том, какой магией обладает доброта, когда она наполняет твоё существо.

Кира хочет, чтобы мы тоже сделали это. Она говорит, что мы все должны обнять Фейт. Мы с Каем и Рори дружно отказываемся. Хотя, на какую-то долю секунды мне захотелось, чтобы мои мальчики почувствовали то же, что было даровано их сестре. Их мать оставила нас вот уже месяц назад, и она никогда не любила объятия. Но мое желание быстро испаряется, когда я вижу, что сыновья прогулочным шагом направляются домой.

В этот момент моя горечь превращается в грусть.

Глава 8

Мне было чертовски больно, и мы назвали его Каем.

Миранда

Флешбэк

Я никогда не осознавала насколько нуждаюсь во внимании Шеймуса, пока не лишилась его. Дело не в том, что оно умиротворяет меня. Просто Шеймус всегда рядом: восхищается мной и серьезно воспринимает наши отношения и брак. Он лелеет и подпитывает его: своими вдумчивыми комментариями, поддержкой, похвалой, комплиментами, прикосновениями, сексом, добротой и заботой. Во всем этом я чувствую его любовь. Не чрезмерную, но искреннюю.

Я с жадностью беру все, что он предлагает; это подпитывает мое ненасытное эго. И я частично отвечаю ему тем же. Чтобы держать его на крючке.

Но когда родился ребенок, я почувствовала перемены, мгновенную смену объекта внимания. Я не хочу его ни с кем делить. Оно мое.

В тот момент, когда доктор достал это покрытое слизью, пронзительно кричащее существо из моего тела и сказал: «Это мальчик», — на лице Шеймуса вспыхнула такая любовь, какой я не видела никогда. Я бы не поверила в это, если бы не была тому свидетелем.

Из моих легких словно выкачали воздух. Они положили ребенка на мою грудь, но все что я могла — это смотреть как Шеймус влюбляется. Не в меня, а в крошечного человечка, которого я вынашивала девять месяцев. Он должен смотреть с обожанием на меня. Это я только что принесла жертву. Но он не смотрел, потому что никогда больше не увидит ничего, кроме своего ребенка.

Я почувствовала, как Шеймус погладил его по голове с такой нежностью, какую, наверное, не получал еще ни один человек в мире. Это должно было выглядеть трогательным.

Но причиняло ужасную боль.

— Давай назовем его Каем, в честь моего дедушки. Это означает «океан» или «море», — мягко, с благоговением и со слезами на глазах произнес Шеймус.

Мне все еще нечем было дышать. Предательство, которое выкачало из легких весь воздух, не оставило мне сил, чтобы говорить, поэтому я просто кивнула. И мы назвали его Каем.

Глава 9

Растяжки — это на всю жизнь

Миранда

Флешбэк

— Завтра я возвращаюсь на работу. — Знаю, это не те слова, которые он желает услышать. Шеймус хочет, чтобы я полностью использовала шесть недель отпуска по уходу за ребенком, которые предлагает своим работникам «Маршалс Индастриз».

— Прошло всего три недели, Миранда. Воспользуйся оставшимся временем. — Он держит в руках спящего Кая; довольный малыш, довольный папа, идеальная семейная картинка.

— Мне не нужно оставшееся время. Я хочу вернуться к обычной жизни. Думаю, только это мне поможет. — Сразу же после рождения Кая, я симулировала послеродовую депрессию и стала утверждать, что только работа сможет привести меня в чувство. Я всего в шаге от работы моей мечты и не могу терять времени. Мои сослуживцы могут воспользоваться этим преимуществом. Будь я проклята, если позволю им это. Отпуск не входит в мои планы, а вот двенадцать-четырнадцать часов работы в день — да. Именно это способствует повышению по карьерной лестнице и в заработной плате.

Шеймус вздыхает про себя. Я это вижу. Но он также пытается оказать поддержку моему хрупкому, выдуманному, эмоциональному состоянию.

— Ты уверена, что это поможет?

Я киваю. Чертовски уверена. Это мой фасад, где все безупречно играют свои роли. Шеймус получил степень первого июня, за две недели до рождения ребенка. Он начнет работать в школе только в середине августа и сейчас посвящает все свое время Каю. Я ни разу не притронулась к бутылке, не поменяла подгузник, не искупала ребенка и не проснулась посреди ночи, чтобы покормить его. Это мой выбор, но Шеймус невероятно рад быть папой и делать все вышеупомянутое за меня. Он словно чертов святой покровитель отцовства.

Поэтому я выхожу на работу. Оставляю родительские обязанности Шеймусу, чтобы самой сосредоточиться на карьере.

Вся эта морока с рождением ребенка оказалась пустячным делом.

Если не считать растяжек — эти сукины дети остаются на всю жизнь.

Глава 10

Забывшие и отвергнутые, и это меня бесит

Шеймус

Настоящее

Я наблюдаю за тем, как Кай сжимает в руке мой мобильный и прикладывает его к уху, отчаянно надеясь, что в этот раз она ему ответит.

Он стоит на коврике перед входной дверью. Я сижу на диване, подмечая и подслушивая все, что происходит на улице через открытое окно.

Когда срабатывает голосовая почта и ему предлагают оставить сообщение, у него расстроено опускаются плечи, а у меня сжимается сердце. Взволнованным голосом он говорит:

— Привет. Это Кай. Просто звоню, чтобы узнать, как у тебя дела. Снова. Судя по всему, ты занята... Снова. Пока.

В его голосе слышится затаенная грусть. Сомневаюсь, что она это заметит.

Прошло уже две недели с тех пор, как она разговаривала со своими детьми. Сейчас у нее медовый месяц на юге Франции, с ним. Ровно четырнадцать дней назад Миранда прислала мне сообщение о том, что они только что поженились и теперь отправляются на три недели в Европу. Она обещала звонить детям через день. Я умолял ее не давать обещаний, которые она не сможет выполнить.

Миранда не позвонила ни разу.

Вместо этого ей звонит Кай.

И оставляет сообщения, когда она не берет трубку.

В таких случаях мне хочется позвонить ей и сказать: «*Ты эгоистичная сука и ужасная мать*», но вместо этого я отправляю ей сообщение: «*Дети скучают по тебе и хотят пообщаться*». Или хочется закричать в трубку: «*Ты разрушила мою гребаную жизнь*», но вместо этого я делаю глубокий вдох и печатаю: «*Пожалуйста, позвони сегодня детям. Им нужно услышать твой голос*».

Мои дети начинают чувствовать себя забытыми. Отвергнутыми.

И меня это бесит.

Кай заходит в квартиру и отдает мне телефон.

— Спасибо, пап. Я собираюсь покидать мяч.

На одной из стен здания висит баскетбольное кольцо. Я киваю, но все, чего мне хочется — это кричать. За всех нас.

Черт ее побери.

— Компания нужна? — спрашиваю я, хотя и знаю, что он ответит. Кай из тех детей, которым нужно одиночество, чтобы привести в порядок свои чувства. Мы с ним поговорим об этом после обеда.

Он качает головой и, пытаясь храбриться, отвечает:

— Нет, я хочу просто покидать мяч.

Глава 11

Скотч — напиток для стариков

Шеймус

Настоящее

Миранда вернулась с медового месяца и, судя по всему, готова лично попытаться исполнить функцию родителя.

Я сижу в машине и наблюдаю за тем, как она увозит моих детей.

Я больше не думаю о них, как о наших.

Они *мои*.

Я их кормлю.

Даю им кров.

Разговариваю с ними.

И самое главное — люблю. Каждую минуту каждого дня.

Она же ушла.

Она не захотела с ними жить, а меньше всего — любить.

Ее ничтожные попытки общаться по телефону были просто жалкими.

Я пытаюсь не заикливаться на этом, иначе стану обвинять ее во всех грехах.

Больше, чем я уже это делаю.

Это изматывает меня, вытравливая доброту, которая раньше, словно кокон, окутывала мое сердце. Темное уродство ненависти пробивается даже в самые укромные его уголки, уничтожая все хорошее. Интересно, через сколько времени я превращусь в одну сплошную ненависть?

Я пытаюсь бороться с ней ради своих детей.

Но эта сука поступает подло; она дерется грязно, вонзая нож в спину любого проблеска надежды.

Я трясу головой, пытаюсь избавиться от этих мыслей, и делаю несколько глубоких вдохов.

Миранда приехала, чтобы провести двадцать четыре часа с моими детьми. Сейчас восемь часов утра, суббота. Завтра в это же время я заберу их на парковке возле кофейни, чтобы она успела на десятичасовой рейс.

Я не знаю, что мне делать. Я не оставался без детей наедине с самим собой уже больше одиннадцати лет. На секунду мне приходит мысль, что я могу просто сидеть в машине и ждать, когда они вернуться.

Но, в конце концов, завожу мотор и еду обратно в квартиру.

Я поднимаюсь по лестнице и внезапно меня начинает охватывать паника, как будто я потерял что-то важное. Моментальный страх, который ассоциируется не только с потерей, но и незавершенностью. Паника усиливается, пока не становится очевидным, насколько я привязан к своим детям. Я — их отец. Их опекун. *Я их родитель.* Я уже не помню, как быть кем-то еще. У меня сжимается сердце. Боль. Тревожная. Пронизывающая. Неужели у меня сердечный приступ.

— Шеймус, ты в порядке?

Я поднимаю голову. Яркий свет заставляет меня прищуриться и тогда моему взору предстают обеспокоенные сапфировые глаза, которые смотрят прямо на меня. Это Фейт. Я инстинктивно киваю, чтобы успокоить ее. На ее лице выражение страха и тревоги. В этот момент я понимаю, что ладонями касаюсь грубой цементной поверхности ступенек. Я упал то ли от паники, то ли из-за своих бесполезных ног. Не знаю почему, но я упал.

— Я в порядке, — еще раз уверяю ее я.

Она кладет руку на мою спину и шепчет, словно пытается смягчить свои слова:

— Ты упал, и у тебя идет кровь. Позволь мне проводить тебя в твою квартиру.

— Мне не нужна помощь! — слишком громко вскрикиваю я, а потом добавляю уже тише, — мне не нужна никакая помощь. — Заявление, которое в начале звучало раздраженно... в конце окрашивается смущением. Я смотрю в ее обеспокоенные глаза, ожидая увидеть в них отвращение и боль, а вместо этого вижу сочувствие и понимание.

Она еще раз гладит меня по спине, а потом хватает за руку и помогает встать.

— Нам всем нужна помощь. Невозможно все делать самому, — шепчет она, когда мое ухо оказывается вровень с ее ртом.

Когда мы заходим в квартиру, я хочу извиниться, но вместо этого иду в ванную комнату,

чтобы помыть кровоточащие колени. Чувствую себя последним придурком.

Вернувшись, обнаруживаю, что она стоит на том же самом месте возле двери. Я думал, что она уже ушла, но нет. Я жду, что Фейт начнет подбадривать меня или читать проповеди, но вместо этого она, к моему удивлению, говорит:

— Давай выпьем.

Я смотрю на часы на DVD-проигрывателе — восемь сорок пять.

— Не слишком рано для того, чтобы пить?

Она пожимает плечами.

— Нет. Я работала всю ночь и через пару часов пойду спать. Так что, считай это рюмкой алкоголя на ночь. — Не знаю, чем она зарабатывает на жизнь, но ничто не указывает на то, что эта женщина только что вернулась с работы. Ее дреды собраны в толстый низкий хвост, на ней спортивные штаны и футболка. Когда Фейт помогала мне подняться по лестнице, я обратил внимание на то, что от нее пахнет мылом и свежестью, как будто она только что приняла душ.

Я так скучаю по своим детям и ненавижу бывшую, что не могу больше ни о чем думать. Мозг кричит, чтобы я отказался, но вместо этого говорю:

— Да пошло оно все, давай выпьем.

На ее лице расплывается самая зловещая улыбка из всех, что я видел. Меня понимают.

— Черт, да, Шеймус! Я знала, что в тебе есть что-то бунтарское.

Ей понадобилось две минуты, чтобы сбегать в свою квартиру и принести бутылку дешевой водки и еще более дешевого скотча.

Мы сидим на диване, и я передаю ей пластиковый стакан с покемоном. Она с одобрением изучает его.

— Пикачу всегда был моим любимчиком.

— Тогда у тебя сегодня удачный день. Прости, но у меня нет стеклянных бокалов и рюмок для взрослых.

— Не бери в голову. Какая разница из чего пить? Лучше выбери свою отраву, — говорит она, показывая на кофейный столик.

— Водка. Скотч — напиток для стариков.

Она смеется и злость, и напряжение немного отпускают меня.

— Раньше я любила скотч.

— Как такое возможно? Тебе ведь еще нет шестидесяти пяти?

— Точно, только для того, чтобы наслаждаться бокалом скотча, совсем не важны годы, — с серьезным выражением лица говорит она, отчего мне становится смешно.

— Ты имеешь в виду детским стаканом скотча?

— Именно так, — подмигивает она.

Я наливаю ей скотч, а себе водку. Мы чокаемся.

— До дна! — Она произносит это искренне, а я бездушно.

За первой мы быстро выпиваем еще по два бокала каждый своей отравы.

Потом я выпиваю еще один.

Мы сидим, а алкоголь разжижает нашу кровь и здравый смысл.

— Чем ты занимаешься? — медленно и уже невнятно спрашиваю я. Обычно я выпиваю не больше бутылки пива. Можно сказать, что в этом плане я все еще девственник. Голова пока работает, но в глазах начинает двоиться.

Она улыбается, из-за скотча ее глаза выглядят немного сонными.

— Что? — переспрашивает Фейт.

— Чем ты занимаешься? Ты сказала, что работала всю ночь.

— Я танцую в стрип-клубе, — подняв брови, объясняет она, ожидая, что я на это отвечу. В любое другое время я бы осудил ее, но не сейчас.

— Ты стриптизерша? — Алкоголь сделал меня любопытным.

Она кивает.

— Почему?

— А почему бы и нет?

— Туше. Но ты красивая, умная, молодая женщина. Ты могла бы заниматься чем угодно.

Где угодно. Почему это?

Она ставит стакан на кофейный столик и удобно, устроившись на подушках, отвечает:

— Это часть моего поиска.

— Что за поиск требует необходимости раздеваться на потеху публики?

— Он называется «жизнь», — просто отвечает она.

Когда она так говорит, все это имеет смысл. Наверное, водка затуманивает не только мой взгляд, потому что в трезвом состоянии я бы с ней не согласился. Я работаю психологом в старшей школе и моя святая обязанность — удерживать женщин подальше от шеста.

Фейт начинает теревить пальцами дреды. Не знаю, может, это нервное, но она не выглядит как человек, который стыдится своего занятия.

— Чтобы что-то понять, я должна попробовать это. По своей природе я очень критична. Но когда ты смотришь на мир по другую сторону объектива, то открываются возможности для самопознания. Перспективы меняют все. Если у меня есть выбор, то я предпочитаю сочувствие жалости. Тут-то и начинается мой поиск. В последние несколько лет я многое перепробовала, чтобы понять людей и их жизненные ситуации. Я пыталась сделать так, чтобы моя жизнь имела смысл. Но мне еще нужно много над этим работать. Мое прошлое все еще требует анализа и прощения. А для этого необходимо много времени. Поиск. Когда я чувствую, что что-то поняла и выросла как человек, то двигаюсь дальше, вперед. С надеждой на новые перспективы.

Не знаю, то ли я очарован, то ли сошел с ума, но водка сделала мой разум свободным, поэтому я говорю:

— Для этого нужно большое мужество. Обычно люди любой ценой избегают заглядывать внутрь себя. Они опускают занавески и прячутся за ними.

Фейт медленно с серьезным видом качает головой. Мне кажется, что ей хочется возразить, но вместо этого она пристально смотрит на меня. На ее глазах появляются слезы; я настолько парализован этим зрелищем, что могу только смотреть на нее в ответ. Все гораздо серьезнее, чем она говорит. Но я не давлу на нее. Я позволяю людям делиться со мной секретами только, когда они готовы к этому. Она же пока не готова.

Фейт несколько минут смотрит на бутылки, а потом безмолвно спрашивает, не хочу ли я выпить еще.

Я киваю, она наливает.

Мы чокаемся, в этот раз не говоря ни слова, и пьем.

Когда я опять откидываюсь на подушки, она встает и пьяной походкой направляется в ванную комнату.

Вернувшись, устраивается вплотную ко мне, кладет голову на мое плечо и спрашивает:

— Ты женат, Шеймус?

— Почему ты спрашиваешь?

Фейт берет мою левую руку и тычет ею в лицо.

— А, — говорю я, когда замечаю полоску от обручального кольца. — Она сука и вышла замуж за другого.

Она переплетает наши пальцы и опускает руки на мое бедро.

— Это объясняет, почему я еще ни разу не видела ее. Думала, может, ты вдовец, потому что всегда грустный.

Я качаю головой, несмотря на то, что она не может этого видеть, потому что ее собственная голова все еще лежит на моем плече.

— Думаю, ты путаешь горечь с грустью.

Фейт поднимает голову и смотрит на меня. Снова. Это не какой-то поверхностный взгляд, потому что Фейт ничего не делает поверхностно, она словно смотрит в самую глубь тебя. Я ощущаю себя ранимым и обнаженным, поэтому отвожу глаза, но почему-то моментально начинаю паниковать, как тогда, на лестнице, когда почувствовал, что потерял что-то важное. Я возвращаю свой взгляд обратно. И это чувство проходит.

— Как давно ты уже без нее?

— Без Миранды? — говорю я, но быстро поправляюсь, потому что Фейт не знает ее имени. — Без бывшей жены?

Она кивает.

— Физически? Несколько месяцев. Эмоционально? Несколько лет. Может быть, целую вечность. Черт, я не знаю.

Фейт подтягивает ноги так, чтобы встать на колени рядом со мной и вынуждает меня повернуться к ней. Я не могу сопротивляться ей. Она из тех людей, которых невозможно игнорировать, даже если очень постараться.

— Ты все еще любишь ее? — прямо спрашивает она.

— Миранда — сука, — отвечаю я, и имея, и не имея этого в виду... в равной мере.

— Сукам тоже нужна любовь.

Не знаю, когда мы вдруг превратились из подвыпивших в полностью пьяных людей... Я смеюсь, но невесело, потому что все неожиданно совершенно изменилось. Я чувствую это.

— Я не люблю ее.

— Ты лжешь. Может она тебе и не нравится, но ты все еще любишь ее, — опускаясь на пятки, говорит Фейт.

Я резко выдыхаю, осознавая, что она права. И мне становится больно. Это острая боль признания, которое не хочет быть выпущено на волю.

— Это правда. Но как такое возможно?

— Время, обязательство, дети и куча других причин.

Я отпускаю ее руку, встаю и подхожу к окну, которое выходит на улицу. Мне приходится держаться за подоконник, чтобы не упасть.

— Причин, чтобы ненавидеть ее, гораздо больше.

— Расскажи мне свою историю, Шеймус. Историю Шеймуса, Миранды и их трех очаровательных ребятишек. Я хочу ее услышать.

Я поворачиваю голову и смотрю через плечо на Фейт. Она все еще сидит боком, опустив зад на пятки. Такая спокойная и восприимчивая. Поэтому я начинаю.

— Мы познакомились с Мирандой в университете. Она была выпускницей, а я учился на втором курсе. Я несколько месяцев преследовал ее, пока она не сдалась и не согласилась

сходить со мной на свидание. Миранда была хорошенькой и умной. Очень умной. Она получила степень по финансам и сразу же после окончания университета ей сделали несколько хороших предложений. — Я отворачиваюсь к окну и погружаюсь в свои воспоминания. — Ты когда-нибудь встречала человека, который получает все, что хочет.

— Да. — Впервые я замечаю нотку чего-то похожего на ненависть в голосе Фейт.

— Миранда была именно такой. Сначала я думал, что это результат ее упорной работы и удача. Много удачи. Но чем дольше я ее знал, тем больше видел все ее манипуляции. Она отлично притворяется. Всегда притворялась. Она говорит людям то, что они хотят услышать. И знает, что сказать еще до того, как они сами понимают это.

— Серебряный язык ⁷— это серьезный дар.

Я усмехаюсь, удивляясь выбору ее слов, но Фейт права.

— Это и правда серьезный дар. Очень губительный дар.

— Она была хорошей матерью?

Это та часть истории, в которой я всегда ощущаю свою вину.

— Нет, не особо. Она все время работала. Это было ее оправданием. Она поднималась по карьерной лестнице. У нее была цель — стать вице-президентом до того, как ей исполнится тридцать. Поэтому я был единственным родителем. Миранда скорее походила на тетюшку, которая забегала с визитами по выходным на пару часов. Она уходила на работу до того, как вставало солнце. Я будил детей и кормил их завтраком. Отводил в садик, а потом сам ехал на работу. Я забирал их из садика. Снова кормил. Купал. Играл и читал им книжки. И укладывал спать до того, как она возвращалась домой...

— Судя по всему, тебе повезло больше, чем ей. У тебя было счастье, а у нее — только тяжкая ноша.

Я моментально соглашаюсь с ее словами.

— Дети — это мое счастье. Я даже не сомневаюсь в этом. Но как бы мне хотелось, чтобы они знали, что такое мать.

— У них есть мать. Просто она неидеальная. Как и большинство родителей.

Меня раздражает то, что она словно защищает ее.

— Но так не должно быть! — кричу я. — Они ее гребаная плоть и кровь! А она относится к ним, как к чему-то второстепенному!

Все, что я копил годами и держал внутри, начало изливаться из меня.

Фейт не выглядит пораженной моим взрывом эмоций.

— Именно так она и обращалась с тобой? Как с чем-то второсортным?

Я ничего не говорю, потому что не хочу снова кричать.

— Будем считать, что ты ответил «да». Полагаю, Миранда бросила тебя? Она первой подала на развод?

Я киваю.

— Почему?

— Потому что-то внутри меня произошел сбой.

Фейт опускает руку мне на плечо, и я чуть не подпрыгиваю от неожиданности. Ей удалось встать с дивана и подойти ко мне совершенно незамеченной.

— В тебе нет никакого сбоя.

Я качаю головой, потому что Фейт не понимает.

— Нет, есть. У меня рассеянный склероз⁸.

Она пожимает плечами.

— В этом нет ничего страшного. Ты просто начинаешь жить по другим правилам. Я не хочу показаться равнодушной. Это не так. Скорее всего, тебе приходится сталкиваться с проблемами, некоторые из них, возможно, неприятны, но ты привыкнешь. Никто не идеален. У всех есть проблемы. Запомни это. — Фейт трясет меня за плечи и улыбается. — Главное, ты жив, Шеймус. Ты жив! — радостно кричит она.

Я наблюдаю за ней такой счастливой и убедительной, и ее настроение передается и мне. Алкоголь и Фейт притупляют горечь. Развеивают её. Я знаю, что это временно, но... хоть так.

— Давай устроим пикник пока ты не заснула? С меня ланч, а с тебя ужин?

— Отличное предложение. Ты делаешь сэндвичи, а я схожу возьму воды и, может, еще чего найду, чтобы поесть.

— Встретимся внизу через десять минут.

Мы располагаемся на одеяле под деревом напротив нашего дома. Я принес сэндвичи с арахисовым маслом, а Фейт зеленые оливки и крекеры. Все начинается на пьяную голову, а заканчивается почти на трезвую.

На самое удивительное, что, когда Фейт уходит спать, я возвращаюсь в квартиру, чтобы дождаться завтрашнего утра, не чувствуя себя переполненным горечью.

А еще, кажется, у меня появилась подруга.

Подруга — стриптизерша.

Милая, мудрая стриптизерша.

Милая, мудрая стриптизерша, которая обратила мое внимание на то, что я все еще ношу обручальное кольцо.

И я снимаю его.

Потому что уже пора.

Глава 12

Победа. Гребаная победа.

Миранда

Флэшбек

Со временем я привыкла, что любовь и внимание Шеймуса сосредоточены на ребенке, потому что я поднималась по карьерной лестнице. Перед первым днем рождения Кая я пробилась в топ-менеджеры. Все шло по плану. С каждым повышением поднималась и зарплата. За двенадцать месяцев я увеличила свой годовой доход в четыре раза. Деловой мир был моей стихией. У меня был новый, купленный в кредит, Мерседес. Мы переехали в наш первый огромный дом, оформленный только на мое имя.

Я побеждала.

Только это было не так.

Я получила еще один фак от вселенной.

Не знаю, что изменилось, но я стала дерганой и возбужденной. Мне стало казаться, что все происходит недостаточно быстро. Я хотела скорости, прогресса, а окружающий мир не поспевал за мной.

Именно тогда я обратилась к Шеймусу. Мне нужно было снова завоевать его, физически и эмоционально, а простейшим способом был секс. Секс вызывал в Шеймусе восхищение. Он никогда не отключался во время секса, для него это всегда был акт любви. И впервые за долгое время я хотела заняться им, надеясь, что это заполнит образовавшуюся во мне пустоту. Я хотела, чтобы он снова смотрел на мое обнаженное тело своими темными,

наполненными страстью, глазами. Я хотела почувствовать его желание и возбуждение. Я хотела почувствовать, как его сильное тело находит ритм, который доводит меня до экстаза. Я хотела услышать, как он выкрикивает мое имя в момент, который могу подарить ему только я.

Поэтому мы стали трахаться.

Часто.

Это вышло мне боком.

Я полюбила секс.

Очень.

Я жаждала этого.

Я словно сексуально пробудилась.

Это открыло дверь к измене. Существовал предел того, что я могла давать и брать от Шеймуса. С ним я всегда чувствовала себя сдержанной. Меня больше интересовало мое удовольствие, чем его, а достижение того и другого ограничивало мои желания. Но сейчас мой мозг был переутомлен, постоянно возбужден и наполнен темными фантазиями, которые я не посмела бы просить удовлетворить Шеймуса. Поэтому я обратилась за добавкой вне брака, к молодому мужчине, который недавно начал работать в отделе, которым я руководила. Красивый, хорошо сложенный и наделенный непомерным самомнением, что позволило легко его соблазнить. Я потворствовала его эго, и он стал жертвой собственной наивности. В результате я получила первобытный, животный, экспериментальный секс, когда и где мне этого хотелось.

Измена стала моим наркотиком.

А Шеймус продолжал боготворить меня.

Победа. Гребаная победа.

Моя сексуальная жизнь была идеальной.

Пока все не закончилось второй беременностью.

Я была невнимательной и забывала принимать таблетки. Шеймус никогда не пользовался презервативами. Слава богу, моя «сексуальная игрушка» всегда это делала, или я оказалась бы в полном дерьме. Мне пришлось сразу же уволить бедного идиота под предлогом сокращения штата. Больше он был мне не нужен.

Шеймус был невероятно рад, когда я рассказала ему о беременности. Все было так же, как и с Каем. Из меня словно выкачали весь воздух. Меня снова заменили. Уверена, что теперь, когда этот маленький детеныш появился на свет, в сердце Шеймуса больше не останется места для меня.

Фасад, который я пыталась создать и которым хотела дергать за ниточки как кукловод, с каждым днем казался все больше похожим на мираж. Иногда он есть. А иногда нет. Дни, когда его нет, пугают меня.

Глава 13

Предатель

Миранда

Флэшбек

Во время второй беременности я с головой погрузилась в работу, чтобы подняться на еще одну ступеньку карьерной лестницы до того, как снова окажусь в отпуске.

Ребенок появился на свет на четыре недели раньше срока. Роды были сплошным адом.

Проклятая боль охватила меня так быстро, что они отказались давать мне эпидуральную анестезию⁹, на которой я настаивала. Они сказали, что это небезопасно. Думаю, медсестры просто болезненно наслаждались моей агонией. Суки. Я громко и безжалостно обругала всех, кто находился в родовом зале, включая Шеймуса. Никто не избежал моего гнева.

Вторые роды оказались душераздирающим повторением первых.

— Это мальчик, — тем же самым торжественным голосом объявил доктор. На моей груди лежала липкая миниатюра человеческой формы. Я наблюдала за тем, как на глазах Шеймуса появляются слезы, и каждая черточка его лица начинает светиться любовью и гордостью. Полость за рёбрами, которая дала приют жизненно важным органам, отвечающим за дыхание и поддержание жизни, мгновенно опустела, в то время как Шеймус пытался справиться с переизбытком воздуха, который поставляли ему взволнованные возбужденные легкие и торжествующее сердце.

Я снова потерпела поражение. От своей собственной плоти. Гребаный маленький предатель. Я лежала и смотрела на Шеймуса, мысленно умоляя его: *«Пожалуйста, посмотри на меня. Пожалуйста, скажи, что любишь меня»*. Это не сработало. Он видел только этого предателя, который свернулся на моей груди.

— Тебе нравится имя Рори? — Он улыбался так мило, что я могла поклясться — у этих двоих происходил телепатический разговор, и они уже были связаны крепкими узами на всю жизнь.

Я не ответила на его вопрос. Я не думала об именах. Я не хотела признавать этого ребенка еще до родов. И теперь, когда все закончилось, чувствовала себя опустошенной.

— Простите, но я вынужден забрать его у вас, чтобы осмотреть. Так как он родился недоношенным, ему нужно дополнительное внимание.

«Заберите его. Пожалуйста. И если уж вы об этом упомянули, то мне тоже не мешает гребаное дополнительное внимание», — хотелось сказать мне. Но я не сказала. Я продолжала смотреть на красивое лицо Шеймуса, которое скривилось, когда он понял, что у этого маленького мальчика могут быть осложнения, потому что он так рано появился в этом мире.

Мне тоже стоило бы расстроиться по тем же самым причинам, но ничего подобного. Я была расстроена за себя.

Рори провел четыре недели в Детской больнице до того, как его разрешили забрать домой. Я вернулась на работу через три недели. К счастью, у Шеймуса были летние каникулы в школе, и он взял на себя заботу об обоих мальчиках.

В этот раз послеродовая депрессия была реальной. Я всеми силами избегала любых эмоций и это стало душить меня. Мне выписали таблетки. Они помогали справиться с перепадами настроения, но так и не привили мне любви к моим сыновьям.

Я видела, как Шеймус смотрел на меня. Вопросы типа «Что тебе нужно?» и «Как я могу помочь» были постоянным дополнением к нашим редким разговорам. Я знала, что он искренне хочет мне помочь, но также понимала, что, помогая мне, он думал, что помогает мальчикам. Помогает семье. Потому что Шеймус был абсолютно семейным парнем.

Я начала обижаться на то, что меня осуждают, даже если это делалось с хорошими намерениями с его стороны. Я стала чувствовать себя слабой и ранимой. У нас у всех была роль в моем маленьком театре, но послеродовая депрессия все портила.

Каю сейчас три года, а Рори один. Я приняла тот факт, что родила этих детей, и этого достаточно. Их отец любит мальчиков за нас обоих. У меня есть билет в рай — Шеймус. Он всегда отведет от меня зло. Неосознанно искупит все мои грехи. Слава богу, он не оставил меня. Он слишком ослеплен любовью к мальчикам, чтобы видеть меня настоящую.

Фасад остается нетронутым.

Глава 14

Нам нужен был герой

Шеймус

Настоящее

— Шеймус! — Судя по приглушенному крику, кто-то оказался в беде. Кому-то нужна помощь.

Мгновенно просыпаюсь, откидываю одеяло и немного неуклюже соскакиваю с кровати. Я стою в коридоре напротив детской комнаты, пытаюсь вспомнить чей был крик о помощи — мужской или женский.

Мой полусонный мозг склоняется в сторону женского, когда я слышу его снова:

— Шеймус! — Вслед за этим кто-то тарабанит в мою дверь.

Сердце начинает стучать как сумасшедшее, но в то же время я расслабляюсь, поняв, что это не мои дети звали меня. Они в безопасности и спят. Я тащусь к двери, потому что уставшие и онемевшие ноги — не лучшее средство передвижения.

Открываю дверь и вижу Фейт, которая стоит на коврик в мокрой пижаме. Она тяжело дышит, но я не знаю то ли это от бега по ступенькам, то ли потому, что она напугана.

— Слава богу, Шеймус, нам нужна твоя помощь. В квартире Хоуп прорвало трубу, а Липоковских нет дома. Вода везде, и мы не знаем, как перекрыть ее.

Я опускаю взгляд на свое нижнее белье, понимая, что стоило подумать о скромности *до того*, как открывать дверь, а не сейчас, когда Фейт стоит передо мной и просит о помощи. Уверен, сейчас ей было бы наплевать, даже если бы я спустился голым, лишь бы перекрыл воду. Однако я еще ни разу не встречал Хоуп. А нижнее белье — не подходящий наряд для знакомства, даже во время бедствия.

Натягиваю шорты и говорю Фейт:

— Оставайся здесь с детьми, пожалуйста.

Она быстро кивает.

Я спускаюсь по лестнице, пытаюсь не упасть в темноте. На тротуаре, перед дверью квартиры номер один стоит кресло, маленький столик и комод. Когда я стучусь в незапертую дверь, она приоткрывается на несколько дюймов.

— Эй, есть кто дома? — громко кричу я, не желая заходить в незнакомый дом без приглашения.

Из помещения, которое я принимаю за ванную комнату, выходит высокая и чрезвычайно худая женщина. Первое, на что я обращаю внимание в ней — это безысходность. Она выглядит как человек, которого жизнь была так часто, что жалость стало его постоянным спутником.

— Прорвало трубу. Я не знаю, как остановить воду.

Я захожу в квартиру, не представившись.

— Где у вас подсобка?

Она показывает на дверь рядом с кухней.

Я иду в подсобку по промокшему насквозь ковру. Главный вентиль подачи воды находится в подсобке рядом с печью и водонагревателем, как и у нас в квартире. Слава богу!

Когда мы слышим, что вода прекращает бежать, Хоуп облегченно вздыхает.

— Слава богу, — потупив взгляд, шепчет она.

Я киваю и подаю ей руку.

— Меня зовут Шеймус. Я живу этажом выше с тремя детьми. Уверен, вы уже заметили нас. — Я чувствую необходимость извиниться за тот шум, который мы создаем. — Мы пытаемся все делать тише, но простите, если телевизор работает слишком громко или если вы слышите, как сыновья играют в догонялки.

Женщина неохотно берет мою руку кончиками пальцев и пожимает ее.

— Меня зовут Хоуп, — говорит она, глядя на свои мокрые ноги.

— Я видел, что вся ваша мебель на улице. Пойду принесу вентилятор и полотенца и помогу вам все убрать. — Если Фейт согласится посидеть с детьми в квартире, я могу помочь Хоуп.

— У меня в кладовке есть вентилятор, — произносит она. Я понимаю, что Хоуп предлагает решение проблемы, но то, как она это делает, кажется странным. Словно она делает какое-то случайное заявление. По каким-то причинам это кажется совершенно не в тему.

— Хорошо. Поставьте его на кухне, там, где сухо и включите. Я скоро вернусь, — потому что боюсь, что она поставит его на промокшем ковре, включит и ее ударит током.

Хоуп кивает.

Я шлепаю по промокшему ковру к двери. Выйдя на улицу, разминаю плечи, закрываю глаза и дышу влажным ночным воздухом. Напряжение, сковывающее тело из-за внезапного притока адреналина, начинает спадать. Хорошо, если бы от любого стресса можно было бы избавиться столь же просто. Медленно поднимаюсь по лестнице, потому что меня снова начинает охватывать усталость.

Дверь в мою квартиру широко распахнута. Фейт, скрестив ноги, сидит на полу в гостиной, положив ладони на колени. У нее закрыты глаза, и я вижу, как поднимается и опускается ее грудная клетка. Ее губы немного двигаются, как будто она что-то говорит, но не слышно ни звука.

Довольно неловкая ситуация. Не уверен, стоит ли прерывать ее или просто подождать, когда она почувствует мое присутствие. В конце концов, я прочищаю горло — это мой способ выходить из подобных ситуаций.

Она еще несколько секунд шевелит губами, а потом открывает глаза и встает.

— Ну? Отключили воду?

Я киваю, но перед глазами все еще стоит образ Фейт, сидящей на полу.

— Что ты делала? Медитировала? Молилась?

— Наверное, и то, и другое, хотя мне не нравится такое определение. Мне больше подходит многозадачность, — подмигивает Фейт.

Не знаю, появилась ли на моих губах улыбка или нет, потому что я слишком устал, но вот внутри она заставила меня смеяться.

— Мне нужно взять вентилятор и полотенца, чтобы вернуться и помочь Хоуп привести все в порядок.

— Почему бы тебе не отдать их мне, и я помогу ей? Я не против? Так я буду чувствовать себя полезной, — говорит Фейт.

— Но я сказал Хоуп, что вернусь, чтобы помочь ей, — возражаю я, потому что ненавижу подводить людей, особенно, если пообещал им что-то.

Фейт улыбается, и я понимаю, что она не собирается сдаваться.

— Завтра утром тебе нужно идти на работу, а детям в школу. Мне нет. Отдыхай, Шеймус.

— Ты уверена? — Мне не хочется отступить, но она права. Через несколько часов нужно вставать на работу.

Фейт кивает.

Я настаиваю на том, чтобы спустить вентилятор и полотенца самому. Объясняю ситуацию Хоуп и говорю, что ей поможет Фейт. Также прошу ее подняться и постучать ко мне в квартиру, если им что-нибудь понадобится.

Хоуп кивает, но не произносит при этом ни слова.

Мы с Фейт встречаемся у меня на пороге.

— Спасибо за то, что помог сегодня Хоуп. Прости, что пришлось разбудить тебя. Нам нужен был герой.

Приятно чувствовать себя нужным.

— Всегда пожалуйста. Спокойной ночи, Фейт.

Она закрывает за собой дверь, но оставляет небольшую щелку.

— Спокойной ночи, Шеймус, — шепчет она в нее.

Глава 15

У тебя красивые колени, стыдно их разбивать

Шеймус

Настоящее

Суббота, семь часов утра, а значит, гарантированы две вещи:

Первая: Кира проснулась уже около часа назад и смотрит мультфильмы, сидя на диване.

Вторая: Я, полупроснувшись, сижу на диване рядом с Кирой и смотрю мультики... сквозь закрытые веки.

Я не просыпался позже шести часов утра вот уже одиннадцать лет.

Я не жалею. Мои дети будут маленькими лишь однажды. Мальчики сейчас спят, но я уверен, что скоро проснутся и они.

— Папочка, а мы пойдем сегодня на пляж?

Я отвечаю со все еще закрытыми глазами.

— На улице идет дождь? — Вчера вечером по местным новостям ведущий прогноза погоды сообщил, что сегодня ожидается дождь.

Она подходит к входной двери и открывает ее; полагаю, точная оценка погоды требует непосредственного погружения, а не простого выглядывания в окно.

— Что это? — с любопытством спрашивает Кира, глядя на землю. Любопытство — не всегда хорошо, особенно, если оно исходит от Киры. В ней нет страха. Ее бесстрашие связано с доверием. С безоговорочной верой в то, что мир — хороший и в нем не может случиться ничего плохого. Но даже если происходит что-то плохое, как когда ее в три года укусила пчела, потому она выглядела слишком неотразимой и привлекательной для ее маленьких пальчиков, или, когда ее мать бросила семью и переехала в другой штат, Кира никогда не теряет доверия и веры, оставаясь такой же бесстрашной.

Я подхожу к двери, чтобы взглянуть на ее «это».

На коврике лежит трость. Она деревянная и, несмотря на то, что не выглядит

громоздкой, кажется довольно крепкой, как будто служит своей цели и служит хорошо. Судя по всему, у нее было для этого много возможностей. Лак и краска на ручке стерлись, а наконечник заработал себе немало боевых шрамов. Под тростью лежит конверт с моим именем.

Когда я вижу свое имя, меня одновременно охватывает несколько чувств.

Первое — смущение, потому что кто-то думает, что мне нужна трость. Это вызывает у меня неприятные ощущения.

Второе — злость, потому что кто-то думает, что мне нужна трость. Это вызывает у меня ярость.

Третье чувство кажется немного чуждым, предателем, который вторгся в мое горькое существование. Это облегчение, потому что кто-то думает, что мне нужна трость. Оно успокаивает меня.

Но облегчение охватывает лишь на наносекунду, ведь я упрямый тридцатичетырехлетний мужчина и отказываюсь пользоваться тростью.

Трость кричит о беспомощности и слабости.

Это не для меня.

Может, я и не чувствую ног ниже талии, кроме изредка случающегося покалывания, но не стану пользоваться тростью, как какой-нибудь разбитый старик.

— Кира, дорогая, не могла бы ты сделать мне одолжение и убрать это в мою комнату? — Мне хочется облить ее бензином и поджечь на коврике в акте неповиновения и протеста. Но я не могу не увидеть иронию в том, что ее положили на коврик, который больше не говорит «WELCOME».

Она поднимает трость одной рукой, а конверт другой.

— А что насчет письма? На нем твое имя, — прочитав его, говорит Кира.

— Просто положи его на мою кровать вместе... — Я не могу даже произнести этого слова, — с этим.

После обеда мы играли в настольные игры и смотрели фильмы по «Нетфликс» пока на улице безостановочно шел дождь.

Дети уже в кроватях. Когда я обнял и поцеловал их на ночь, то увидел три счастливых и довольных лица. Я уже давно не видел, чтобы они так улыбались. Слишком давно. Даже Кай широко улыбался. А Кай всегда делает только то, что думает и чувствует. Честность словно родилась вместе с ним и проникла в каждую клеточку тела. Когда он что-то чувствует, то это сразу видно. И сегодня он был счастлив.

А это делает счастливым меня.

Я забываю о горечи.

И даже намеке на нее.

Пока не вхожу в свою комнату и не вижу трость, которая лежит на кровати.

Во мне мгновенно начинают бурлить эмоции, раздражение, в первую очередь. Кто-то посмел судить обо мне. Я даже подумал, что это могла быть Миранда, что было глупо, так как она живет в другом штате. К несчастью, она не гнушается совать свой нос в мои дела или принижать мое достоинство. У нее всегда это хорошо получалось. Боже мой, что я вообще увидел в ней?

Я открываю конверт и по мере прочтения записки, снова испытываю облегчение.

И смущение.

Но не злость.

Шеймус,

Сегодня я была в магазине подержанных товаров и увидела это. Подумала, что это уберезет тебя от еще одного пораненного колена. Знаю, ты крепкий парень, но у тебя такие привлекательные колени, что стыдно их разбивать. К тому же, мне грустно видеть твою боль.

Фейт

Фейт. Конечно, это была Фейт. Трость оставили с хорошими намерениями. Не для того, чтобы посмеяться.

Но я не буду пользоваться ей. Я упрямый. Это все равно, что повесить на себя табличку: *«Я беспомощный»*.

Я прячу ее в шкаф, возле задней стенки, за стопкой журналов и туфлями. А когда больше не вижу ее, то облегчение тает в воздухе и все, что остается — это смущение. Оно тычет в меня и дразнит. Я не знаю, откуда оно появилось, потому что это совершенно новый вид смущения. Ветка, которая растет на дереве смущения, но не сук, на который бы я забирался. Она кажется шаткой и слишком тонкой, чтобы выдержать мой вес. Это смущение связано с влечением и сексуальностью. Это понимание того, что мужчины с проблемами со здоровьем, мужчины, которым нужна трость для того, чтобы жить, особенно в моем возрасте, не являются желанными, отчего я чувствую, что проиграл этой болезни что-то еще. Чувствую, что потерял способность привлекать противоположный пол.

Я понимаю, что, когда Фейт говорит «привлекательные», она не хочет унижить меня. Но то, что она симпатичная женщина, которая использовала это слово в своей записке, обрушивает на меня лавину прозрения, что я на пути к одиночеству, целибату и пожизненному холостячеству. Я знаю, что она ничего не имела под этим в виду. Просто иногда одно-единственное слово подстегивает мысль. А мысль, оказавшись на перекрестке, может пойти по пути позитива или же выбрать негатив.

В последнее время мои мысли всегда поворачивают налево и выбирают негатив.

Иногда я мыслю иррационально, я знаю это, но даже иррациональная мысль кажется очень и очень реальной, когда ты находишься в дерьме.

А я нахожусь именно в нем.

В дерьме.

Глава 16

Обычным и нормальным, я бы хотел быть таким парнем

Шеймус

Настоящее

После ужина мы с детьми ходили на пляж. Фейт снова стояла на ящике из-под молока и дарила объятия всем желающим. Когда я увидел ее, меня вновь охватил страх. Сожаление стало вторым чувством.

Кира получила свое объятие.

Остальные из нас — нет.

Мы с Фейт не разговаривали с того инцидента с тростью на прошлой неделе. Я не могу смотреть на нее, потому что знаю, кем она видит меня. Я парень, который падает с лестниц и ранит себя.

Я не хочу иметь рассеянный склероз.

Я не хочу никаких симптомов.

Я не хочу ограничений.

Я не хочу чувствовать боль.

Я не хочу чувствовать смущение.

Я просто хочу быть парнем, который поднимается по лестницам и про него никто и ничего не думает, потому что это кажется обычным и нормальным.

Вот, кем я хочу быть.

Глава 17

Да пошел этот фасад

Миранда

Флешбэк

Я всегда хотела стать вице-президентом до того, как мне исполнится тридцать. Должности очень важны, они показывают восхождение по карьерной лестнице. А с восхождением приходит власть.

Сейчас я настолько близка к цели, что практически чувствую ее. Мои потрясающие инстинкты снова со мной. Год, после рождения Рори, я боролась, чтобы взять себя в руки, но теперь я вернулась с твердым намерением не позволить ничему и никому пустить под откос мою мечту.

Вице-президент «Маршаллс Индастриз» через три месяца уйдет на пенсию. Начались интервью и поиски человека на его место. Он эксцентричный старикашка, чье время пришло и ушло еще десятилетие назад. Последние несколько лет я делала все, что могла, чтобы он хорошо выглядел в глазах совета директоров, а заслуги за это приписывали мне. Это довольно тяжело, потому что когда ты дирижер и симфония в одном флаконе, то сложно добиться того, что публика была внимательной и замечала и то, и другое. Моя публика это заметила.

Президент, Лорен Букингэм, — очень влиятельный мужчина. Он следит за работой «Маршаллс Индастриз» из своего офиса, который находится в сотнях миль отсюда, в Сиэтле. Никто не общается с ним лично, если только его не вызывают к нему.

В прошлом месяце вызвали меня.

Он старше меня на двадцать лет. Привлекательный в той мере, которую дают большие деньги и хорошее воспитание. Блеск в его глазах словно кричал: «Я могу купить и продать тебя», и это выглядело чертовски сексуально для меня. Простое пожатие его руки завело меня больше, чем все, что я когда-либо пробовала. Власть и могущество в его прикосновении ощущалось как смертельный удар током, что было чрезвычайно эротичным.

Интервью прошло хорошо.

Ужин еще лучше.

Я вернулась домой, будучи уверенной, что прошла во второй этап.

Сегодня второй этап.

Шеймус пожелал мне удачи, когда я уезжала в аэропорт.

Но она мне не понадобится. Я сама разберусь со всем. Именно это у меня получается лучше всего. Завершать сделки.

Из аэропорта меня забирает на тонированном внедорожнике личный водитель мистера

Букингэма. Когда мы проезжаем выезд в деловую часть города, где находится его офис, я спрашиваю.

— Мистер Букингэм попросил вас доставить меня в его резиденцию, — отвечает он.

Я не могу сдерживать самодовольную ухмылку, которая слегка приподнимает кончики моих губ. Пудрюсь, освежаю на губах помаду и распускаю верхние четыре пуговицы на шелковой блузке. Несколько месяцев назад я сделала подтяжку груди, потому что возраст и беременности плохо сказались на ней. Сейчас она выглядит феноменально, и я не против показать ее, чтобы усилить свое преимущество. Во время последней встречи между нами пробежала химия, я почувствовала это. И можете быть уверены, сегодня я воспользуюсь этим в своих целях.

Его резиденция больше похожа на поместье, расположенное за элегантным кованым забором и автоматическими воротами. В тот момент, когда я вижу его роскошный дом, меня непроизвольно охватывают видения о том, как я живу в нем с ним, и мы вместе управляем его империей. Мои мысли и тело просто вибрируют от желания. Желания, которое вызвано властью и деньгами. Желания, ради которого я пойду на все.

Да пошел этот фасад, за которым я живу. Я хочу это. Это моя судьба.

Водитель останавливается на круговой подъездной дорожке и подводит меня к входной двери, а потом запрыгивает в машину и исчезает за домом с моими чемоданами.

В дверях меня сухо приветствует пожилая особа с царственной осанкой. Она внимательно осматривает меня с головы до ног, и я сразу начинаю сожалеть, что расстегнула четыре пуговицы, а не две.

Но только до того момента, как в громадный холл заходит мистер Букингэм, и я замечаю, как его глаза медленно опускаются на мои шпильки и ползут вверх по загорелым ногам к краю, бесспорно короткой, но дизайнерской юбки, а потом перескакивают и оценивающе останавливаются на декольте. Он поднимает брови и сексуально ухмыляется. Даже когда брови возвращаются в свое исходное положение, он продолжает ухмыляться и, встретившись со мной взглядом, произносит:

— Миссис Макинтайр, так приятно вас видеть снова.

Пожилая женщина недовольно фыркает и, не сказав ни слова, уходит.

Мистер Букингэм наклоняется слишком низко, чтобы это можно было посчитать приличным, и шепчет:

— Это моя мама, пожалуйста, извините ее. Иногда она забывает.

Я игриво улыбаюсь и спрашиваю:

— Забывает?

— О том, что я взрослый мужчина.

Я киваю, продолжая улыбаться.

— Который может оценить изысканную женщину, когда ее видит, — подмигнув, продолжает мистер Букингэм. В его взгляде такая сила, что я чувствую себя запертой в ловушке. Неспособной пошевелиться. Это проверка. Я знаю это. Он ожидает моей реакции.

Он ожидает, что я растекусь перед ним лужицей, что, полагаю, и сделали бы большинство женщин. Они приняли бы его комплимент с таким энтузиазмом, что выглядели бы безропотными дурами. *«В эту игру можно играть вдвоем»*, — думаю я, с вызовом поднимая бровь.

Он игриво улыбается и фыркает в ответ.

— Я знал, что вы понравитесь мне с самого начала, Миранда. Мы хорошо сработаемся.

Мое сердце делает сальто. Должность теперь моя, а я ведь пробыла здесь всего лишь пять минут.

Остаток дня мы проводим за обсуждением рабочих дел. Изучаем отчеты. Мистер Букингэм предлагает мне гипотетические сценарии, который могут губительно сказаться на фирме, и интересуется, как бы я разрушила их. Задает вопросы о том, чтобы бы я изменила, если бы у меня были на то соответствующие полномочия. Спрашивает, кем я себя вижу через пять, десять и двадцать лет. Я уверенно отвечаю на каждый вопрос. Я профессионал и четко вижу, в каком направлении должна двигаться эта компания, чтобы процветать. Я хочу, чтобы она не просто росла, а стала лучшей в своей сфере. Я хочу уничтожить конкуренцию.

Он одобрительно улыбается. Эта улыбка не из тех, чтобы успокоить меня и просто слушать. Нет, ему нравится то, что я говорю. Он чувствует страсть в моих словах. Они отражают его собственные мысли.

Мистер Букингэм просит остаться меня на ужин.

Я остаюсь.

Потом он просит меня остаться на бокал вина.

Один бокал превращается в два.

Потом в три.

Третий бокал приводит к не столь невинному перемещению на небольшой диван в гостиной: игривые колкости, прикосновения и взгляды во время разговора.

Когда беседа переходит в косвенные намеки, он предлагает мне четвертый бокал. Я отказываюсь и откровенно спрашиваю:

— Ты пытаешься раскрепостить меня?

Я знаю, когда мужчина испытывает сексуальное желание. Я хорошо научилась его определять. Голодные глаза, раздувающиеся ноздри, тяжелое дыхание, напряженные мышцы, и это, не считая его члена, который впечатляюще выпирает из брюк. Он хочет меня настолько сильно, что готов взять прямо здесь, на диване в своей гостиной.

— Может быть, — облизнув губы, произносит он.

Я расстегиваю еще одну пуговицу на блузке и шепчу:

— Для меня нет запретов, а те, что были, я оставила за дверью.

Он не просит меня остаться и присоединиться к нему в постели.

Но я это делаю.

В первый раз, когда он кончает, я становлюсь его новым вице-президентом.

Каждый последующий раз он в экстазе выкрикивает мое имя.

На следующее утро я уезжаю с подписанным в тройном экземпляре договором и Лореном под моим каблуком.

Миссия выполнена.

Глава 18

Обычно она не вздыхает

Шеймус

Настоящее

— Я хочу полной опеки.

Эти слова звучат как удар, который ставит меня на колени. Они останавливают мое дыхание, перед глазами все начинает плыть. Они лишают меня всех мыслей, и голова наполняется кипящей, добела раскаленной, лавой. Это быстро сменяется яростью и

неистовым желанием защитить то, что принадлежит мне любой ценой.

— Только через мой труп.

Миранда вздыхает. Громко. Обычно она этого не делает. Это ее способ выразить крайнюю степень раздражения. Я удивлен, что она так быстро воспользовалась им. Это убеждает меня, что она рассчитывала с легкостью одержать победу. Что я не буду сопротивляться ее решению.

Ага, не буду!

— Шеймус, будь реалистом. Ты не сможешь обеспечить им нормальный уровень жизни.

Во мне все еще бурлит негодование, и я не могу вымолвить ни слова, потому что все, что вертится в моей голове — это «Пошла ты на хрен». Я не могу произнести этих слов, потому что именно этого она и ждет, поэтому просто спрашиваю: «Что?», чтобы потянуть время и собраться с мыслями.

Она снова вздыхает. Но этот вздох уже другой, за ним чувствуется дьявольская ухмылка, словно она с волнением ждала момента, чтобы выплеснуть свою ненависть.

— У них на всех одна спальня. На прошлой неделе Кира была одета, как странствующий клоун. Рори разговаривает, как безумец. Кай замкнут и зол. Они ходят в общественную школу...

Я обрываю ее, потому что не могу слушать это. Она явно переживает только о своем новом имидже, а не о детях. Я все еще не знаю, что сказать, потому что «пошла ты на хрен» — это не вариант, поэтому я снова повторяю «Что?».

Она продолжает говорить, как будто я вообще не произнес ни слова.

— Ты физически не можешь быть родителем. И мы оба знаем, что тебе будет становиться всех хуже и хуже.

В этот момент я теряю терпение.

— *Пошла ты на хрен.* Я в состоянии вырастить своих детей.

— *Наших* детей, — поправляет она. — И нет, не в состоянии.

— *Моих* детей, — произношу я сквозь сжатые зубы.

— Ты угрожаешь мне? — Ее тон говорит мне о том, что дьявольская усмешка все еще на своем месте. Она не оскорблена, она наслаждается этим.

— Нет, констатирую факт.

— Мой адвокат свяжется с тобой. — Это конец. Звонок обрывается.

Конечно же, она оставила за собой последнее слово. И, естественно, это было «*Мой адвокат свяжется с тобой*». Мне даже было бы не по себе, если бы наш разговор закончился без этой фразы. Некоторый люди говорят: «Пока». Миранда говорит: «*Мой адвокат свяжется с тобой*».

Со временем люди меняются, на это влияет множество факторов. Они способствуют обогащению или эрозии наших идеалов и моральных норм. Власть и сила, по мнению Миранды, возвысили ее до неприкосновенного статуса. До уровня, когда порядочность — это скорее исключение из правила, а обращаться с другими, как с дерьмом, считается в порядке вещей. Это погубило ее. И у меня такое чувство, что погубит нас всех.

Глава 19

Возможно, тебе тоже нужна табличка.

Шеймус

Настоящее

Миранда снова в городе.

Она забрала моих детей до воскресенья, ровно на двадцать четыре часа. Я не хотел отпускать их с ней, потому что отвратительные ощущения, которые начали зарождаться в животе, казалось, растеклись по венам, вызывая в теле невыносимое жжение от боязни того, что она может забрать их с собой в Сиэтл. Поэтому, чтобы успокоить страхи, я последовал за ней в «Хилтон». Сначала я хотел поставить машину на противоположной стороне дороги и следить за Мирандой, но потом решил, что это немного экстремально и уехал.

Я направился напрямиком на пляж и сидел на одном месте пока не село солнце. Вода всегда оказывала на меня успокаивающий эффект. Не знаю, может, это шум прибоя или вид бьющихся о берег волн, но именно по этой причине я всегда буду жить возле воды. А еще потому, что так я чувствую себя ближе к маме.

К тому времени, как я возвращаюсь домой, ощущаю себя так, словно принял успокоительные таблетки. В первые за долгие годы я расслаблен.

Как только встаю на коврик возле своей двери, слышу пыхтение мотороллера Фейт, который останавливается возле ее квартиры. Опускаю руку в карман и ищу ключи. Не знаю почему, но сердце пускается вскачь. Как будто участвует в скачках. Или пытается убежать.

— Ты избегаешь меня, Шеймус? — кричит Фейт, заглушая мотор. Я знаю, что она кричит, потому что очень хорошо и ясно слышу ее, хотя она и находится этажом ниже.

Сердце продолжает скакать галопом, но я не отвечаю. *Где мои чертовы ключи?*

— Ну? — Она движется. Я слышу ее шаги на лестнице.

Я прекращаю искать ключи, и мой пульс начинается замедляться, как будто кто-то сильно натянул вожжи. Я стою и жду, но не поворачиваюсь.

Она кладет руку мне на спину. Ее прикосновение немного боязливое и извиняющееся так же, как и шепот.

— Прости, если мой подарок обидел тебя.

Обычно я легко принимаю извинения в независимости от их искренности или моего отношения к ним. Я просто говорю: «Все в порядке», чтобы забыть об этом моменте, даже если это совсем не так. Но сейчас я все еще чувствую себя умиротворенным после пляжа, поэтому во мне достаточно спокойствия, чтобы сказать правду, не жестко и бескомпромиссно, а честно и искренне.

— Я не хочу пользоваться ею.

Ее рука все еще лежит на моей спине. Все еще боязливо и словно извиняясь.

— Но она нужна тебе. Я уже месяц смотрю, как ты страдаешь, — шепчет она.

— Я не хочу ее, — повторяю я. Я не зол, это признание. Я продолжаю стоять спиной к ней, так легче говорить.

— Почему? — Никогда не слышал более спокойного голоса. Спокойного не в плане громкости, а потому что он дарит невероятный комфорт.

Это побуждает меня поделиться с ней своим самым большим страхом.

— Это болезнь прогрессирует стадиями. Я чувствую, что если сдамся и стану пользоваться тростью, то передо мной замаячит перспектива неизбежности инвалидного кресла. Я не хочу передвигаться в инвалидном кресле. Это пугает меня. — Я практически никогда не разрешаю этой мысли появляться в голове; не могу поверить, что только что выразил ее словами перед другим человеком.

— Не позволяй страху управлять собой. — Она больше не шепчет, но ее голос все также спокоен и дарит комфорт. Мягкое местечко, куда можно приземлиться, если я упаду.

— Я не позволяю. — Мои слова звучат скорее, как вопрос.

Вопрос, на который она отвечает.

— Позволяешь. Рыбак рыбака узнает издалека.

— Ты ничего не боишься, — фыркаю я. — Может мы и не совсем хорошо знакомы, но я достаточно о тебе знаю. Ты исследуешь жизнь. Ты активно участвуешь в ней. Ты даришь новым соседям манго и помогаешь женщине из соседней квартиры устранить потоп. А еще ты обнимаешь незнакомцев на пляже. Ты ничего не боишься.

Ее рука медленно гладит меня по спине; это успокаивает, как волны.

— Это не значит, что я не боюсь, — хриплым голосом говорит она, словно открывая мне настоящую, «обнаженную» часть себя.

— Почему ты тогда обнимаешься на пляже? — спрашиваю я, чувствуя, что ее голос не изменится.

— Это началось как часть исследования, — сделав глубокий вдох, отвечает Фейт. — Потому что все заслуживают любви. Объятие — это выражение любви, которое начинается физически, а потом, если ты полностью откроешься, перетекает в эмоциональную связь. Это самая чистая и невинная форма человеческого взаимодействия. Для этого нужно всего лишь два человека, которые могут даже не знать друг друга. Два человека, которые хотят обменяться объятиями. Все очень просто, но некоторые люди никогда не получают их. *Никогда не получают их*, — словно признание, спокойно повторяет она.

Ее последние слова разбивают мне сердце и побуждают задать следующий вопрос.

— Ты сказала, что все началось как часть исследования. Значит, исследование феномена объятий закончилось и трансформировалось во что-то еще. Тогда почему ты продолжаешь это делать?

— Потому что это напоминает мне о том, что я не одинока. — В ее голосе звучит грусть и страх — то, что я не могу игнорировать.

Поэтому я поворачиваюсь и, не раздумывая, обнимаю ее.

— Ты не одинока, — шепчу я. Фейт, также не раздумывая, обнимает меня в ответ. Я мысленно представляю себе, как она обнимала на пляже Киру. Я знаю, как это выглядит, а теперь знаю, как ощущается — сильным и всеохватывающим снаружи, но мягким и нежным внутри. Я чувствую, как напрягаются ее мышцы, потому что они воспринимают это серьезно. Я чувствую, как с каждым ее вдохом и выдохом умиротворенность и спокойствие Фейт наполняют меня. Физически я гораздо массивнее, но она словно обволакивает меня всем своим существом. Своей энергией. Я каждый день несколько раз обнимаю своих детей, но прошли годы с тех пор, как делал это со взрослым. Миранда никогда не была любительницей объятий.

Где-то через минуту мы отстраняемся друг от друга, и Фейт улыбается мне со слезами на глазах.

— Спасибо. Наверное, тебе тоже нужна табличка. — Она хлопает носом и тычет в меня пальцем. — У тебя отлично получается.

— Правда?

— Я переобнимала множество людей, Шеймус. Ты только что занял верхнюю строчку в моем списке. — Ее глаза говорят мне, что это правда.

Я киваю и хочу сказать ей, что после детей, чьи объятия самые ценные вещи в моей жизни, ее — лучшие из всех, что у меня были.

Самые лучшие.

До этого я не знал людей, которые могли бы обнимать твою душу своей.

Фейт может.

Глава 20

Он больше не идеальный

Миранда

Флешбэк

— Миссис Макинтайр, вам срочный звонок из школы Шеймуса. Думаю, вы должны принять его, — говорит Джастин, моя ассистентка, стоя в дверном проеме моего кабинета. Ее голос звучит взволнованно и озабоченно.

У меня нет времени для беспокойства.

— Пусть оставят сообщение, — отдаю приказ я.

— Это Шеймус. Его забрали в больницу. — Я поднимаю голову и вижу, что она сверлит меня своим взглядом.

Я вздыхаю. Первой мыслью становится то, что придется раньше уходить с работы и забирать мальчиков из садика. А я не помню где их садик. Черт возьми, у меня нет на это времени.

— Соедини меня, — раздраженно говорю я.

— Миссис Макинтайр? Это Джанет. — Она говорит так, как будто я должна знать кто она такая.

— У меня нет времени на болтовню. Что случилось? — спрашиваю я, одновременно просматривая почту на ноутбуке.

Я слышу, что она ошеломлена даже по телефону.

— Это касается Шеймуса. Его забрали в больницу. Он говорит, что не чувствует ног и что это началось утром. Он напуган и попросил позвонить вам, потому что вы так и не ответили на его сообщения на мобильный.

Я поднимаю со стола телефон и смотрю на пропущенные звонки и голосовые сообщения. Двенадцать. Все от Шеймуса. Снова кладу его на место.

— Я была занята. Встречи и дела компании, — ровно говорю я. Как она смеет так разговаривать со мной.

— Он находится в центральной больнице, — добавляет она.

Я молча кладу трубку и смотрю на время на экране ноутбука. Четыре часа. Садик работает до семи. Наверное. Я нажимаю на кнопку на коммутаторе¹⁰, чтобы вызвать Джастин.

— Да? — спрашивает она, все еще взволнованным голосом.

— Узнай, в какой садик ходят мальчика. И во сколько они закрываются. — Сказав это, отпускаю кнопку.

Через десять минут раздается звонок от Джастин. Я поднимаю трубку, и она сразу же начинает говорить, потому что знает, что я не люблю тратить время на приветствия.

— Садик называется «Большие сердца». У меня есть адрес и телефон. Они работают до половины шестого.

— До половины шестого? — недоверчиво интересуюсь я. — Так не может быть. Перезвони, тут, должно быть, какая-то ошибка.

— Я только что звонила им, и они подтвердили, что закрываются в пять тридцать, — вызывающе произносит она. Джастин — девушка напористая и прямолинейная, что мне обычно нравится, потому что она использует эти качества на других и в мою пользу. Но меня

совершенно не устраивает, когда все становится ровно наоборот.

— Перезвони. Еще раз, — сквозь сжатые зубы произношу я.

Джастин снова перезванивает в садик. А потом мне. Пять тридцать. Черт. У меня нет на это времени. Мне нужно ответить на письма, закончить отчет и отправить его Лорену до полуночи.

Я уезжаю из офиса в пять тридцать, чтобы забрать мальчиков.

Когда я появляюсь в садике, на часах уже шесть. Меня приветствует женщина, которая сидит в кресле со спящим на ее коленях Рори.

— Чем могу помочь? — измученно, но со спокойствием, которое могут демонстрировать незнакомцам только искренние и любящие сердца, спрашивает она. «Какая дура», — думаю я.

— Вы держите моего сына.

Как только я произношу это, из-за двери с надписью «Для мальчиков» появляется Кай. Наверное, это туалет.

— Где папа? — шокировано спрашивает он.

— В больнице. Собирай вещи. Быстрее. Нам нужно уходить. — Наверное, стоило быть помягче, чтобы не пугать его, но я слишком раздражена.

— В больнице? — робко произносит он. Кай всегда был мягкосердечным. Как его отец, в нем нет ни капли от меня.

— Да, поторопись.

Женщина смотрит на меня так, как будто проезжает мимо ужасной автокатастрофы — челюсть отвисла, а глаза чуть не вываливаются из орбит.

— Боже мой, Шеймус в порядке? — дрожащим голосом спрашивает она. — Я пыталась позвонить ему на мобильный, но он не отвечал. Это так непохоже на него. Потом я пыталась связаться с вами, миссис Макинтайр, но тоже неудачно.

Когда я ехала сюда, у меня в сумке звонил телефон. Но я проигнорировала его, поэтому приходится лгать.

— Мне никто не звонил. Наверное, неправильный номер.

— Он в порядке? — повторяет она.

— Не знаю. Уверена, что в порядке. Его жизни ничего не угрожает, если вы спрашиваете об этом. — Отсутствие чувствительности не значит, что он на грани смерти.

Она как-то странно смотрит на меня, явно удивляясь моему спокойствию, и говорит:

— Мне нужно увидеть ваше удостоверение личности, чтобы отпустить мальчиков.

Я поднимаю голову к потолку, начиная раздражаться все больше и больше.

— Черт возьми, я их мать. Зачем вам мое удостоверение личности?

— Того требуют правила безопасности, — отвечает она, беря Рори на руки и вставая.

Я роюсь в сумке в поисках кошелька и одновременно инструктирую ее:

— Разбудите его и поставьте на пол.

— А вы не хотите донести его до машины?

Я закатываю глаза, показывая, что мне надоел этот разговор.

— Нет, не хочу. Ему три года. Он может ходить сам.

Взглянув на мое удостоверение, она начинает ласково разговаривать с ним. Рори открывает глаза и недоуменно осматривается.

— Милый, пришла твоя мама, чтобы забрать тебя домой. Ты можешь проснуться, сладкий?

Рори несколько раз моргает, а потом переводит взгляд на меня.

— Мама? — спрашивает он с таким видом, словно в это невозможно поверить. Он всегда был самым прямолинейным из двух мальчиков. Без сомнения, это от меня. Он знает, как задевать меня за живое.

— Да, Рори. Пошли. — Последние пять минут материнства просто измотали меня; не знаю, как Шеймус справляется с этим дерьмом каждый день.

— А где папа?

За меня отвечает Кай.

— Он в больнице. Нам нужно убедиться, что с ним все в порядке. — По его щекам градом катятся слезы.

Рори начинает извиваться в руках женщины, и она ставит его на пол. Он сразу же идет к брату и обнимает его. Это потребность утешать — от Шеймуса. Хорошо, что именно он смотрит за детьми, а не то, возможно, эти двое начали бы тыкать друг друга ножами вместо вот таких объятий.

Когда мы добираемся до машины, я открываю дверцу «Мерседеса» и подвигаю водительское сиденье вперед, чтобы мальчики могли заползти назад.

— А как же детские сиденья, мама? — спрашивает Кай.

— Черт, — бурчу я про себя. Я не подумала об этом. Они никогда не ездили в моей машине. — Сегодня поедем без них. Пристегни брата, — распоряжаюсь я.

Уже почти восемь часов, когда мы появляемся в отделении скорой помощи центральной больницы. В ней пахнет антибиотиками, дезинфицирующим средством, физиологическими жидкостями и... страданием. Ненавижу больницы. Они напоминают мне о бабушке. Она умерла через четыре дня после аварии, из-за которой получила несовместимые с жизнью повреждения. Машину вела я. Переднее колесо взорвалось и нас закрутило на дороге. Пассажирская сторона врезалась в дерево. Большое, мощное, вековое дерево, которое одержало победу над железным монстром.

Я была в порядке.

Она нет.

Судьба — она такая штука.

Четыре дня я сидела рядом с ней в отделении интенсивной терапии, умоляя бороться и не оставлять меня.

Четыре дня отвратительное зловоние, исходившее от ее искалеченного тела и комнаты, забивали мне нос. Оно было предвестником неизбежной смерти.

Четыре дня я наблюдала за тем, как она страдала, пока ее жизнь поддерживали трубки, иголки и прочие приспособления. Тело бабушки отвергало все попытки спасти ее.

Четыре дня я слушала, как она плачет — моя сильная, безжалостная бабушка сокрушенно плачет и прощается со мной.

Я ненавижу больницы.

Я бы сожгла это здание до основания, если бы могла избавиться от своих воспоминаний. Они преследуют меня. Каждый день. Но здесь, в самом центре этой твари, они становятся просто нестерпимыми.

Кай стоит рядом со мной и держит за руку Рори.

Поговорив с женщиной в регистратуре, узнаю, что Шеймус все еще на приеме у невролога. Мы устраиваемся на стульях и ждем доктора.

Через пять минут Рори объявляет, что он голоден и ему нужно в туалет.

Я отправляю Кая с ним в уборную, а сама покупаю мальчикам пепси, пачку чипсов и конфеты из автомата. Ну разве я нет мать года?

Мы ждем еще около часа и, наконец, медсестра приглашает нас следовать за ней.

По мере продвижения вглубь больницы, запах становится все сильнее. Я чувствую, как подступает тошнота и не уверена, чем это вызвано — психической или физиологической реакцией тела. Воспоминание о криках бабушки так явно звучит в моих ушах, что сердце начинает стучать, как сумасшедшее.

Шеймус полулежит на кровати под простынями. На нем больничная рубашка, в правую руку воткнута игла для капельницы, но трубки почему-то нет. Мне стыдно признаться, что меня это так расстраивает, поэтому я боюсь смотреть ему в лицо. Я боюсь, что он будет отличаться от того идеального мужчины, которого я знала столько лет. Потому что сейчас, в этой палате, меня наводнили ужасные воспоминания о бабушке, и я чувствую нутром, что что-то неправильно. Что он больше не идеальный. И никогда уже им не будет.

— Привет, — тихо говорит Шеймус. Мальчики бегут к нему.

Я жду, когда они займут место возле его кровати, и он начнет общаться с ними, чтобы изучить его лицо. А потом задаюсь вопросом... когда я в последний раз... действительно смотрела на него? Это было уже очень давно. В последнее время я вижу его лишь мельком. Мы коротко говорим, а я думаю в это время о своем. Могу заметить графический узор на его футболке или поросль на подбородке, если он не брился или обратить внимание на то, что ему пора подстричься. Но я ни разу по-настоящему не смотрела на него так, как сейчас.

Он очень бледен и явно встревожен. Его глаза выглядят так, словно они не закрывались несколько дней и все это время видели только неприятности и разочарование. У него взъерошенные волосы, он выглядит старше, хотя искра, которую могут зажечь в нем только мальчики, все еще сияет в его взгляде. Сегодня в нем нет жизни, одна лишь оболочка. Это вновь возвращает меня к ужасным воспоминаниям о бабушке. К моему кошмару. Я не могу этого вынести. Я не смогу. Что бы это ни было, я не смогу.

Я поворачиваюсь и выхожу из комнаты.

— Миранда! — кричит мне вслед Шеймус. Он словно говорит мне «пожалуйста», «помоги», «ты нужна мне». Все те вещи, от которых я обычно бегу.

Неожиданно я слышу в его голосе бабушку в ее последние дни, поэтому возвращаюсь к его кровати. Когда он берет мою руку в свою, я спрашиваю:

— Что случилось? — Из глаз вот-вот польются слезы. Я не плакала со дня похорон бабушки.

Шеймус пожимает плечами.

— Врачи пока не уверены. Они взяли кровь на анализы, сделали МРТ и спинномозговую пункцию, чтобы сузить спектр возможных причин. — Он переводит взгляд на мальчиков, как будто не уверен, что стоит говорить об этом перед ними, а потом сглатывает и качает головой. — Я не чувствую ног, Миранда. Я весь день сидел за столом, пытаюсь понять, что происходит, и стараюсь не паниковать, но ничего не прошло. — По его щеке скатывается слеза. — Я не знал, что еще делать. Я пытался дозвониться до тебя. — Он снова сглатывает. — Мне пришлось попросить одного из учителей, чтобы он привез меня сюда. Я не мог вести машину, это было небезопасно. — Шеймус закрывает глаза и отворачивает голову, из-под закрытых век продолжают капать слезы.

В этот момент входит доктор. Он представляется и говорит, что Шеймус должен

остаться под наблюдением в больнице на ночь, пока не будут готовы и обработаны результаты его анализов.

Мы проводим ночь в больнице вместе в Шеймусом, потому что мне не удастся уговорить мальчиков оставить его, чтобы прийти утром. Пока они спят на одной кровати, я работаю на своем ноутбуке.

Утром нам оглашают диагноз — рассеянный склероз.

Неврологическое заболевание.

Неизлечимое.

Я была права, он больше не идеальный.

Глава 21

Мое тело было занято саморазрушением

Шеймус

Настоящее

Я на ощупь отключаю будильник на телефоне, не желая пока открывать глаза и начинать новый день.

Когда я, наконец, делаю это, в комнате почему-то темнее, чем обычно.

Что-то подсказывает мне, что так быть не должно.

Я начинаю волноваться.

Так быть не должно.

Я смотрю на потолок, а потом перевожу взгляд из одного угла комнаты в другой. Меня охватывает леденящий ужас.

Я закрываю глаза и пытаюсь избавиться от него, но он поселился в моем горле, позади адамова яблока и угрожает лишить меня дыхания, будто в наказание за то, что я отказываюсь признавать очевидное. Вчера ночью мое тело было занято саморазрушением, и оно хочет, чтобы я заметил это.

Когда до меня доходит, что страх просто так никуда не уйдет, я открываю правый глаз. Все выглядит, как и всегда. Это должно было бы успокоить меня, но нет... потому что я знаю, что когда закрою его и открою левый...

Ничего.

Я ничего не вижу.

Вокруг меня полная темнота.

Если бы у кошмаров был цвет, то он был бы черным. Настолько черным, что перекрывал бы все вокруг, не оставляя ни малейшего просвета.

— Почему я? Почему я? Почему я? — шепчу про себя я. Я повторяю эти слова снова и снова, пока не начинаю плакать, не в силах больше говорить. Пока слова не заглушают тихие рыдания в подушку. Я давно научился тихо плакать и держать все в себе. Когда слова становятся невозможными, начинает работать мозг. *«Почему мое тело ненавидит меня? Чем я это заслужил? Когда у меня будет передышка? Я просто хочу гребаную передышку! Я больше не могу терпеть!»*

Когда слезы перестают течь, мой мозг переходит в режим «отцовства». Даже, несмотря на все проблемы со здоровьем, он не забывает об этом. Мне нужно принять душ, разбудить детей и придумать как отправить их в школу, чтобы я мог заняться собой.

Умывшись и одевшись, я бужу детей и ставлю на стол тарелки, ложки, коробку с

хлопьями и молоко. Вернувшись в их спальню, вижу, что Рори уже в душе, Кай одет, а Кира сидит на краю кровати с закрытыми глазами и с Огурчиком подмышкой. Она выглядит так, словно спит сидя.

— Кай, мне нужно сбежать к миссис Липоковски. Я вернусь через минуту, пожалуйста, проследи, чтобы все приступили к завтраку. Он на столе.

Кай кивает. По утрам он не особо любит разговаривать.

Как только я переступаю порог квартиры, начинаю чувствовать себя неудачником. Находиться в открытом пространстве, в мире: очень страшно. Это место, где люди навешивают ярлыки. Это место, где люди обращают внимание на то, что ты отличаешься от них.

С большим трудом иду к соседней двери. Не знаю, то ли это мое воображение, то ли ноги хуже слушаются сегодня, то ли меня выбила из колеи проблема со зрением, но я чувствую себя так, словно мертвецки пьян. Как бы я хотел, чтобы это было правдой. Быть пьяным в стельку точно предпочтительнее *этого*.

На мой стук в дверь никто не открывает. Наверное, они внизу, в магазине, готовятся к открытию.

Что, черт возьми, мне делать?

Фейт. Попробую поговорить с Фейт.

Я не могу сохранять равновесие, — неприятный побочный эффект кошмара с левым глазом, — поэтому сажусь и сползаю со ступенек, как ребенок. К тому моменту, как добираюсь до двери Фейт, чувствую себя униженным до нельзя. Если бы не дети, я бы, вероятно, закрылся в квартире и больше никогда из нее не выходил.

Дважды стучусь и уже поворачиваюсь, чтобы уходить, как она открывает дверь.

— Доброе утро, сосед, — сонно бормочет Фейт.

Я перехожу к делу, даже не поприветствовав ее.

— Прости, — произношу я, поворачиваясь к Фейт. Она жадно впивается взглядом мне в лицо, отмечая признаки отчаяния, разъедающие его. Фейт молча склоняет голову набок, но ее глаза все говорят за нее: в них грусть и легкое потрясение и желание оказать помощь. — Что я могу сделать для тебя, Шеймус? Только скажи. — Ее тихий и нежный голос. Место, куда я приземлюсь, если внезапно упаду.

Фейт стоит в пижаме — потрепанной свободной футболке, которая едва прикрывает ее нижнее белье. На ней написано: «Наши ребра накормят тебя до отвала. Барбекю от Рика». Отвратительный заголовок отвлекает меня от тяжелых мыслей и мне моментально хочется обнять Фейт, потому что впервые за утро, каждая клеточка моего тела не кричит от страха, и потому что передо мной сейчас находится самый лучший в мире специалист по объятиям.

Я обнимаю ее.

Она обнимает меня в ответ.

Я пытаюсь сдержаться и не заплакать.

Но у меня ничего не выходит и мои слезы орошают ее отвратительную футболку.

— Ты не могла бы отвезти детей в школу, а меня в больницу?

Фейт выпускает меня из своих объятий.

— Конечно, — кивнув, говорит она. — Конечно.

Я быстро вытираю слезы.

— Когда нам нужно выезжать?

— Через пятнадцать минут, — посмотрев на часы, отвечаю я.

Она опять кивает, как китайский болванчик, думая при этом о чем-то своем.

— Хорошо. Встретимся возле твоей машины через пятнадцать минут.

— Спасибо. — Я тысячи раз произносил это слово, но до сегодняшнего момента, не понимал, что оно означает на самом деле. Мне кажется обыкновенного «спасибо» недостаточно в подобной ситуации.

Фейт все еще кивает.

Я подхожу к лестнице и оглядываюсь на ее дверь. Она так и стоит, продолжая смотреть на меня. Я не хочу, чтобы она видела, как я поднимаюсь по ступенькам. Не хочу, чтобы она стала свидетельницей моей борьбы. Поэтому я останавливаюсь.

— Шеймус? — тихо зовет меня она. — Ты помнишь о моем подарке, который разозлил тебя?

Я киваю.

— Я не пытаюсь сказать тебе что делать, но, если ты еще не покрошил его на зубочистки, сегодня можно было бы устроить тест-драйв.

Я опять киваю, и меня охватывает облегчение.

Следующие несколько часов проходят как в тумане.

Я в мягких выражениях объясняю ситуацию детям, несмотря на то, что сам не понимаю, что происходит. Если кратко, то я говорю им, что у меня проблема с глазом и что Фейт везет меня в больницу, чтобы доктор мог решить ее.

Я беру трость.

Звоню на работу и сообщаю, что заболел.

Мы садимся в машину, и Фейт подбрасывает детей до школы.

А потом везет меня в больницу.

Несколько часов мы проводим в ожидании в приемном покое.

Меня принимает невролог.

Он подтверждает, что слепота — результат рассеянного склероза.

Но есть шанс, что это временно.

Однако, может быть, и навсегда.

Он консультируется с моим врачом и выписывает мне рецепт.

Фейт везет меня в аптеку.

Аптекарь выдает мне стероиды в обмен на взмах моей практически пустой кредитной карточки.

Фейт везет меня в школу, чтобы забрать детей.

А потом всех нас домой.

Когда она заглушает мотор, а дети выскакивают из машины и бегут по лестнице в квартиру, я продолжаю сидеть, не зная, что делать дальше. Я провел с ней целый день, а мы не сказали друг другу и пару слов. Она сделала все, что было нужно, без инструкций и указаний, пока я был погружен в горестные думы. Мне, как и утром, хочется сказать ей: «Спасибо». Но, как и утром, это кажется недостаточным. Поэтому я поднимаю на нее взгляд и со всей искренностью и благодарностью, которую чувствую, говорю:

— Огромное-преогромное больше, чем спасибо.

Фейт явно сбита с толку. Об этом говорит морщинка между сведенными бровями. У нее очень выразительное лицо. Я наблюдал за ним весь день и видел целую гамму различных эмоций.

— Огромное-преогромное больше, чем спасибо? — спрашивает она.

— Простого «спасибо» недостаточно, чтобы выразить мою признательность, — разъясняю ей я.

В ее глазах вспыхивает понимание. Морщинка между бровями разглаживается, и на лице появляется нежная улыбка.

— Огромное-преогромное больше, чем рада была помочь.

Я улыбаюсь ей в ответ и делаю глубокий выдох.

— У меня есть несколько замороженных пицц. Как насчет того, чтобы устроить пятничную вечеринку?

— Я могу готовить, Фейт. Ты уже и так сильно помогла мне. — Мне не по себе, что я отвлек ее от дел на целый день.

— Я знаю, что можешь. Но, это я прошу тебя об одолжении. Может, мне не хочется быть сейчас одной? — Она продолжает улыбаться, но в ее глазах появляется грусть.

Теперь мы поменялись местами. Теперь помочь ей должен я. И у меня *получится*. Я отстегиваю ремень безопасности и согласно киваю.

— Хочешь пятничную вечеринку с пиццей — будет тебе вечеринка.

Оставшийся вечер проходит в квартире номер три. Мы впятером едим пиццу. Даже Кира попробовала кусочек, что было довольно знаменательным событием, учитывая то, что это не ее обычная еда. Потом поем в караоке. Кирино исполнение «Hello» Адель, было настолько драматичным, что вызвало на наших лицах улыбки. Ну, а в заключение, смотрим диснеевский мультфильм, который мы видели дюжину раз, но все равно любим.

Это было самое лучшее окончание самого худшего дня в моей жизни.

Глава 22

Она такая сука

Шеймус

Настоящее

Из глубокого и приятного сна меня вырывает припев из «Evil Woman» в исполнении Electric Light Orchestra. Я поставил этот рингтон на звонки от Миранды. Знаю, это по-детски но он помогает мне отвечать на ее звонки с равнодушным «Алло», вместо агрессивного «да пошла ты».

— Где, черт возьми, тебя носит? — визжит она.

Я открываю глаза и пытаюсь прийти в себя, приспособиться к частичной слепоте и ее словесной агрессии одновременно. Должен признаться, ничто из этого мне не нравится, поэтому я снова закрываю глаза и только потом отвечаю.

— Что?

— *Где, черт возьми, тебя носит?* — громче повторяет она. — Я жду уже десять минут.

Черт.

Черт.

Из-за вчерашнего, у меня вылетело из головы, что в эти выходные Миранда будет в городе, чтобы встретиться с детьми. Думай, Шеймус, думай. Я не могу дать ей понять, что забыл об этом, потому что она использует это против меня. Но и вести машину мне не безопасно, пока я еще не привык к своему новому зрению.

— Я уже собирался звонить. Тебе придется самой забрать детей из дома.

Она фыркает. Фыркает настолько раздраженно, что я практически ощущаю, как ее недовольство проскакивает через трубку и бьет меня по щеке.

Я на одном дыхании говорю ей адрес и отключаюсь, а потом сразу же бужу детей и, пока они одеваются, собираю в их рюкзаки сменную одежду. Вечеринка с пиццей закончилась поздно, поэтому они очень медленно двигаются. Но чем дольше я наблюдаю за их поведением, тем больше понимаю, что причина совсем не в вечеринке. Я хорошо знаю своих детей. Их медлительность — это акт неповиновения, они не хотят никуда идти. Вчерашние улыбки на их лица сменило выражение вынужденного обязательства.

— Что такое, приятель? — спрашиваю я Рори. Он самый откровенный из моих детей и не станет ничего скрывать.

— Я не хочу никуда идти с Мирандой.

Вы можете подумать, что это заявление должно было привести меня в восторг. Но это не так. Оно разбивает мне сердце.

— Почему? — мягко спрашиваю я.

— Она не обращает на нас внимания, папа. Миранда привозит нас в гостиницу. Мы плаваем. Она работает — все время болтает по телефону и печатает на ноутбуке. Зачем вообще забирать нас?

Я смотрю на Кая в ожидании подтверждения. Он кивает.

— Мне жаль, — говорю я. Очень жаль. Мне хочется сказать им что-нибудь еще и успокоить их, но в этот момент раздается стук в дверь. Я сжимаю плечо Рори, чтобы он знал, что я услышал и понял его. — Она здесь. Хватайте свои сумки.

Я открываю дверь, готовясь встретиться лицом к лицу с самим дьяволом и тут же понимаю, что мне предоставили отсрочку. Это Фейт.

— Доброе утро, соседи. — Она стоит на коврике с надписью «W... E» и улыбается.

— Доброе утро, соседка, — одновременно отвечаем мы. Радостное приветствие, произнесенное нерадостными голосами в унылое утро.

Фейт хмурится.

— Может мне стоило просто сказать «утро» и опустить часть про «хорошее»?

Мы все отходим от двери, чтобы она могла войти.

Кира усаживается на подлокотник дивана с зажатым под мышкой Огурчиком.

— За нами должна приехать мама. — Даже моя доверчивая, счастливая маленькая девочка кажется сегодня не в духе.

Фейт устраивается рядом с ней и кладет руку на спину Киры. Я знаю, что она делает — дотрагивается до нее, чтобы усилить значение своих слов. Когда два человека касаются друг друга, слова звучат громче и легче воспринимаются. Это прямой способ передачи информации из одного тела в другое.

— Но это же замечательно, Кира. Уверена, твоя мама очень скучает по тебе, ведь она живет так далеко и нечасто тебя видит.

Кира пожимает плечами совсем не как пятилетняя девочка, а как умудренная жизненным опытом женщина.

В этот момент снаружи раздаются шаги. Четкие отрывистые постукивания шпилек о цемент. Я задерживаю дыхание, готовясь к ее появлению и нежеланному общению.

И вот появляется она. Моя бывшая. Стоит на коврике с надписью «W... E».

Никто не двигается и не приветствует ее. Тогда Миранда намеренно откашливается, чтобы привлечь к себе внимание, хотя взгляды всех присутствующих и так сосредоточены на ней. Этим самоуверенным актом она пытается установить свое превосходство. Миранда пристально смотрит мне в глаза и меня охватывает беспокойство. Ее угрозы об опеке вот

уже несколько недель остаются только угрозы. Однако она, как спящая медведица, к которой опасно поворачиваться спиной.

Я разворачиваюсь к Каю, который стоит рядом со мной и обнимаю его.

— Веди себя хорошо, дружок. Увидимся утром.

— Увидимся утром, папа. Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя.

Когда я отпускаю Кая, то же самое повторяется с Рори и Кирой.

Они подходят к двери, но Кира возвращается и обнимает Фейт. Это объятие приводит в действие цепную реакцию в глазах Миранды. Очевидно, до этого она не замечала сидящую на диване Фейт. Сначала в ее взгляде читается потрясение, но оно быстро сменяется удивлением, за которым следует ревность и, наконец, в нем начинает полыхать адский огонь. Миранда закипает от злости.

— Кто ты? — резко и требовательно интересуется она, пытаясь запугать Фейт.

Но та не реагирует на это. Когда они с Кирой заканчивают обниматься, Фейт встает с дружелюбной улыбкой подходит к двери и протягивает руку.

— Я Фейт.

— Это наша подруга и соседка, — объясняю я. — Она живет внизу. — Я чувствую необходимость защитить Фейт, потому что Миранда, дай ей шанс, сожрет ее живьем.

Миранда отказывается пожимать протянутую руку и, закатив глаза, смотрит на детей.

— Пошли, — командует она.

Дети выходят и спускаются следом за ней по лестнице.

Когда они все загружаются в машину и уезжают, Фейт пристально смотрит на меня.

— Шеймус?

— Да? — Атмосфера в комнате кажется испорченной недавним присутствием Миранды.

Фейт кривит рот, как будто обдумывает, что сказать.

— Она такая сука, — извиняющимся тоном, наконец, произносит она.

Я улыбаюсь и согласно киваю.

В кармане раздается сигнал о новом сообщении — несколько строчек из «Темы Дарта Вейдера¹¹».

Фейт вопросительно приподнимает брови.

— Миранда, — отвечаю я.

Она улыбается и соглашается с моим выбором мрачной и зловещей музыки для смс-оповещения.

Ты трахаешься с ней? — написано в сообщении.

Я начинаю смеяться. Так громко и сильно, как не смеялся уже давно.

Фейт с улыбкой смотрит на меня.

— Что? — спрашиваю я.

— У тебя замечательный смех, Шеймус. Тебе следует почаще отпускать его на волю.

— Она несет бред. — Продолжая улыбаться, я поворачиваю экран к Фейт, чтобы она могла прочитать сообщение, предметом которого ей удалось стать.

Мне не следовало это делать.

Не следовало делиться с ней.

Это становится особенно очевидным, когда я вижу выражение унижения и опустошения на лице Фейт.

Несколько секунд она смотрит в пол, а потом переступает порог квартиры, встает на коврик с надписью «W... E» и, глядя мне в глаза говорит:

— Смешно, но мне нужно идти. До встречи, Шеймус.

Она так быстро спускается по лестнице, что я не успеваю спросить ее о том, что произошло.

— Фейт! — кричу я.

Ответом мне становится звук открывающейся и закрывающейся двери.

Я выхожу и сажусь на верхнюю ступеньку, размышляя о том, что делать дальше.

Миранда ревнует, потому что думает, что я сплю с Фейт.

Как по мне, так это смешно, потому что она не имеет на это никакого права.

Фейт же думает, что я нахожу мысль о том, что *мы с ней* можем заниматься сексом смешной и безумной.

Господи Иисусе. Чувствую себя придурком из-за того, что мы не так друг друга поняли. Я снова перечитываю сообщение и пытаюсь представить себе буквально, что означает «трахаться с ней». Я еще ни разу не делал этого... не фантазировал о Фейт. Потому что она мой друг. И я не знаю сколько ей лет. Но она явно слишком молода для меня. А еще потому, что Фейт красивая, здоровая и энергичная. Она заслуживает большего, чем я могу ей дать.

Однако сейчас, сидя на ступеньках, я закрываю глаза и позволяю себе погрузиться в фантазии. Она обнаженная. Я обнаженный. В моей кровати. Боже, как же она великолепна. Мои руки обхватывают ее полную, тяжелую от желания грудь. У нее такая нежная кожа. Мы страстно целуемся в ритме движения наших тел. Я нахожусь в ней. Она такая узкая. Ее бедра с радостью принимают мои толчки. Мы занимаемся сексом, доставляя удовольствие не только друг другу, но и себе. Я и не знал, что секс может быть таким. Между поцелуями она со стоном произносит мое имя. *Черт. Я близко... близко... близко.*

Черт.

Я вот-вот кончу.

В гребаные шорты.

На ступеньках перед входом в квартиру.

А ведь я даже не касался себя.

Черт.

Давно же у меня не было женщины, если яркая, мысленная фантазия может довести меня практически до финиша.

Я собирался спуститься вниз и попытаться поговорить с Фейт, но, может быть, это знак, что мне нужно вернуться домой и дать нам обоим время побыть одним.

Глава 23

Непрошенный захватчик вызывает новую одержимость

Миранда

Флешбэк

Меня все больше угнетает диагноз Шеймуса. Он пытается жить как и прежде, принимая то, что вытворяет его тело. Пытается вести себя так, будто ничего не произошло: заботится о мальчиках, работает.

Я пытаюсь не обращать внимание на его болезнь. Отрицать ее.

Но не могу.

Она здесь, в нашем доме, как непрошенный захватчик. Она деформировала его образ,

деформировала фасад.

Поэтому я с головой окунаюсь в отношения с Лореном. При каждом удобном случае улетаю с Сиэтл и провожу время с ним.

— Мистер Букингэм примет вас, — говорит грудастая помощница Лорен, поднимаясь с кресла, чтобы проводить меня в офис.

— Я знаю дорогу, — произношу я, останавливая ее.

Когда я захожу в кабинет, Лорен разговаривает по телефону. Я закрываю за собой дверь на ключ. Он одобрительно улыбается и с плотоядным блеском в глазах наблюдает за тем, как я раздеваюсь перед ним. Лорен продолжает общаться по телефону, но поднимает трубку, чтобы его собеседник не стал свидетелем наших откровенных игр. Он отключает звук на несколько секунд, чтобы поприветствовать меня и поцеловать в щеку, пока я расстегиваю его ширинку. Наши любовные свидания начали проходить иначе. Соблазнение стало моей новой одержимостью. Теперь я могу развести его на секс где угодно.

— Продолжай, — говорю я с сексуальной усмешкой и восстанавливаю громкую связь.

Когда я обхватываю его член губами, Лорен замирает. Через несколько секунд звук на телефоне снова отключается, и я оказываюсь лежащей на столе. Мы трахаемся быстро и грязно, как он любит. Без презерватива, как люблю я.

Я прекратила принимать таблетки. У меня появился новый план. Я полна решимости родить ему ребенка и заставить его полюбить меня. Беременность уже однажды помогла мне выйти замуж. Уверена, это сработает снова.

Мне больше не нужен фасад, он разрушен и теперь не привлекает меня. Я хочу Лорена и его империю; *это* моя судьба.

А я всегда получаю то, что хочу.

Глава 24

Липкая лента

Шеймус

Настоящее

— Шеймус, ты не мог бы зайти в офис? — Это Джанет, школьный секретарь. Она позвонила мне по телефону и ее голос звучит нервно.

— Конечно. Сейчас приду.

Я иду так быстро, как позволяют мои ноги и трость, а когда захожу в школьный офис, меня встречает сочувствующая улыбка от Джанет и громкий голос, который исходит от незнакомца, стоящего возле ее стола.

— Шеймус Макинтайр?

Сразу вспоминаю как не так давно стоял на этом самом месте, когда мне вручили бумаги на развод. Чувствую себя как липкая лента для мух, на которую тянет все плохие новости.

— Подпишите, пожалуйста, вот это. — Слишком громко. Почему он не может говорить потише? Теперь все присутствующие в офисе смотрят на меня. Джанет выглядит так, будто хочет выставить вокруг нас щит и отразить внимание.

Я расписываюсь и обращаю внимание на обратный адрес на конверте. Я узнаю его, это адрес юриста Миранды.

Очередной сюрприз.

По силе, сравнимый с ядерным взрывом.

Она сделала это.

Она хочет добиться полной опеки.

Сука.

Глава 25

Шутка

Миранда

Флешбэк

Я беременна!

Аллилуйя!

От Лорена.

Раз в месяц я занимаюсь обязательным сексом с Шеймусом, но никогда во время овуляции. Да, черт возьми, я отслеживаю всю эту хрень. И посещаю Лорена именно тогда, когда он может сделать мне ребенка.

Я деликатно довожу до сведения Лорена новость о своей беременности.

Он в ярости, которая способна воспламенить воздух и сжечь нас заживо.

— Как, черт побери, ты умудрилась забеременеть? Ты ведь на таблетках!

— Таблетки не дают стопроцентной гарантии, — тихо отвечаю я, умалчивая о том, что они вообще не эффективны, если их не принимать во внутрь. Чувствую себя ребенком, которого отчитывают за его тупость. Никогда не ощущала себя такой маленькой и слабой. Мне это не нравится.

Он твердо смотрит мне в глаза и, даже не моргнув, приказывает:

— Делай аборт. Я не хочу детей.

У меня замирает сердце.

— Я не могу этого сделать. Я хочу ребенка. — Но не любого. Только от него. Мне нужно то, что будет связывать меня с Лореном. Он передумает. Он осознает. Однажды он поймет, что мы принадлежим друг другу.

Лорен с отвращением улыбается и качает головой:

— Прекрасно. Оставляй его, но моего имени на свидетельстве о рождении не будет. Записывай ребенка на мужа. Пусть он воспитывает его.

Эти слова причиняют мне боль. Это какая-то шутка. Так не должно было быть.

Но я приму его решение. По крайней мере, он не сказал, что между нами все кончено. Я никогда не проиграю. Однажды я заставлю его передумать.

Глава 26

Чертова жалкая губка

Миранда

Флешбэк

Третьи роды проходят под анестезией. Я не чувствую никакой боли, только давление. Два толчка и в комнате раздается громкий крик.

— Девочка, — говорит доктор. Ух ты, что-то новенькое.

Я знаю, что должна посмотреть на Шеймуса. Именно это я делала в предыдущие два раза. Я наблюдала за его реакцией, даже несмотря на то, что она причиняла мне боль. Но когда медсестра кладет ребенка мне на грудь, я смотрю на маленькое тельце. Оно покрыто чем-то липким, отчего мне хочется вырвать, и вопит так, как будто ему не нравится снаружи

и хочется вернуться туда, где тепло. Это очевидное неудовольствие вызывает на моем лице улыбку — я бы тоже сделала что-то в этом роде. А потом я перевожу взгляд на крошечное лицо: даже с открытым ртом и крепко сжатыми глазами она похожа на меня. Это немного смягчает меня; наконец-то, хоть один ребенок похож на свою мать.

— Привет, малышка, не плачь, — воркующим голосом произносит Шеймус.

Она икает и ее плач стихает, как будто голос Шеймуса успокаивает ребенка. Ну конечно, он ведь у нас святой.

Его большая рука лежит на ее маленькой спине. Он уже ее защитник.

— Мы так рады, что, наконец, ты с нами, дорогая.

Ребенок полностью успокаивается и открывает глаза.

— Она похожа на тебя, Миранда. Такая же красавица, — полным эмоций голосом произносит Шеймус.

Я улыбаюсь, думая про себя: *«Джекпот! Вот как я должна чувствовать себя после родов! Я должна ощущать хотя бы какую-то связь. А он должен выказывать мне свое восхищение. Наконец-то!»*

— Как мы ее назовем? — спрашивает Шеймус.

В предыдущие два раза у меня не было сил, чтобы говорить. Я была слишком подавлена негативными эмоциями и ревностью. Но только не сейчас.

— Кира. В честь моей бабушки. — Шеймус ничего о ней не знает, кроме того, что она воспитала меня. Но не потому, что он не спрашивал, а потому, что я отказывалась говорить о ней и хранила все воспоминания в себе.

— Кира — идеальное имя, — соглашается он.

Как только Шеймус берет ее на руки и начинает баюкать, медсестра говорит:

— Никогда не видела более гордого папочку. — И мое кратковременное счастье сразу начинает рушиться.

Она не его.

Лорен должен был разделить со мной этот момент.

Эта идеальная картинка — фикция. Иллюзия.

Она моя.

Не наша.

Только моя.

И это ужасает меня.

Что если Шеймус обо всем узнает до того, как Лорен передумает? Что если мне придется растить ее самой?

Мне становится плохо и кружится голова. Обычно я с легкостью справляюсь с подобным состоянием, но сегодня все по-другому. Наверное, это гормоны.

Все только ухудшается по мере того, как я наблюдаю за поведением Шеймуса. Он разговаривает с Кирой так тихо, что я не слышу его, но вижу, как шевелятся губы и знаю, что каждое слово, которое он произносит — это обещания. Обещания, которые он будет сдерживать до самой своей смерти. Я чувствую любовь, которая исходит от него. И она вся для нее. Также, как все его внимание. И все его обязательства. Еще один ребенок завоевал его сердце.

А ведь она даже не его.

Если бы у меня была совесть, я бы рассказала об этом Шеймусу.

Меня охватывает чувство потери. Не нашей, а моей — потери мечты о новой жизни с

другим мужчиной. Никогда еще мне не было так одиноко.

Я рада, что попросила их перевязать мне маточные трубы после родов. Я отказываюсь проходить через эту хрень еще раз ради мужчины.

Как только меня перемещают в палату, я требую антидепрессанты. Медсестра говорит, что ей нужно проконсультироваться с доктором.

— Начхать на консультацию, дайте таблетки, — огрызаюсь я. Она быстро выходит и сразу же появляется Шеймус. Уверена, его прислала медсестра.

Я отсылаю его за чизбургером и картофелем-фри из забегаловки, которая ему нравится, и которая находится в нескольких милях отсюда. Я никогда не ем подобного дерьма, но сегодня не собираюсь отказывать себе ни в чем. Как только Шеймус покидает палату, я достаю из сумки телефон и звоню Лорену.

— Миранда. — От его голоса у меня всегда начинают порхать в животе бабочки. Как и сейчас, несмотря на все то, через что я проходила последние несколько часов: рождение ребенка, после травмированная растянутая кожа, перевязка труб.

— Привет. — Единственное жалкое слово, которое звучит неубедительно и жестко. Неожиданно мне хочется плакать. Разразиться самой настоящей истерикой, а не просто выпустить пару ничтожных слезинок.

— Джастин сказала, что тебя сегодня не было на работе. Все в порядке? — Мне хочется услышать в его голосе сочувствие и беспокойство, но в нем чувствуется только нетерпение. Он занят и хочет закончить этот разговор. Я веду себя точно также... со всеми, кроме него.

Я делаю глубокий вдох, чтобы взять себя в руки и отвечаю.

— Это девочка. Она похожа не меня.

Молчание. Он встречает эту новость молчанием.

— С нами все в порядке, — добавляю я, мечтая о том, чтобы именно он задал этот вопрос.

Снова молчание.

Я сглатываю ком в горле.

— Что ж, не буду тебя задерживать. Я просто хотела, чтобы ты знал. — С этими словами я заканчиваю разговор до того, как он услышит мои рыдания.

Когда возвращается Шеймус, я все еще плачу. Он опускает пакеты с едой на стол, забирается в кровать и прижимает меня к себе.

Прижимает так, словно я стою утешения.

Словно я *не* воплощение дьявола.

Прижимает так, словно любит меня.

Наверное, я не заслуживаю ничего из этого, но впитываю все в себя, как чертова жалкая губка.

И думаю: *«Да пошла ты на хрен, вселенная».*

Глава 27

Остались только мы

Шеймус

Настоящее

Миранда только что забрала детей из квартиры, чтобы провести с ними время. Я отказался доставлять их ей. На самом деле мне хотелось забаррикадироваться и не впускать ее во внутрь. Или посадить детей в машину и уехать далеко-далеко. И никогда не возвращаться.

Судебное заседание по вопросу опеки пройдет через две недели. Она думает, что я соглашусь и подпишу все бумаги, чтобы избежать битвы, потому что Миранда знает, что у меня нет денег на адвоката. Но ради детей я бы продал свою гребаную душу. Миранда всегда была эгоцентричной и эгоистичной, но, чем больше власти она получает, поднимаясь по карьерной лестнице и чем больше денег зарабатывает, тем более безрассудной становится. Она не может просто строить отношения и общаться. Жизнь — это соревнование... которое она считает выигранным, даже если оно еще в процессе. Поимей противников — большую часть времени они даже не знают, что их имеют и что им нужно бороться всеми силами, которые у них есть пока не стало слишком поздно.

Еще не слишком поздно.

Я веду борьбу.

Я брожу из угла в угол, чувствуя себя запертым в четырех стенах. Мне нужно покинуть квартиру на несколько часов. Сэндвичи из магазинчика Миссис Л. - хороший повод. Я уже несколько недель не перекусывал ими, живя на бутербродах с ореховым маслом и желе. Они дешевые. А это как раз то, что подходит мне больше всего в эти дни. Но сегодня я трачусь на десятифутовый сэндвич с запечённой говядиной с очень острой горчицей и перцем. Может он поможет мне перестать чувствовать себя таким жалким.

Миссис Л. продала мне десятифутовый сэндвич по цене шестифутового. Я ощущаю себя королем. И у меня слегка поднимается настроение. Когда я выхожу из магазинчика солнце молит меня составить ему компанию. А его тепло дарит объятие.

Объятие.

Усевшись за столик возле магазинчика, я начинаю думать о Фейт. Я скучаю по ней. И по ее улыбке. По ее легкому характеру. И по ее яркости — нет, дело не в цвете волос, а в эффекте, который оказывает на меня ее присутствие. На фоне серости моего мира, она напоминает разноцветную радугу.

Мой мир.

Серый.

Фейт — его полная противоположность. Она беззаботно сияет, непроизвольно умоляя меня заметить ее. Я всем сердцем чувствую влечение, но бессознательно пытался отрицать его.

Я стучусь в дверь Фейт, но она не открывает, поэтому пишу записку на чеке из магазина, мысленно убеждая себя в том, что это не свидание.

Ужин? Квартира № 3. 7:00.

Грунт под зданием слегка проседает и с правой стороны двери есть небольшая щель, куда я и просовываю записку.

Поднявшись в свою квартиру, я ложусь на диван и мгновенно засыпаю. Мне очень нужен этот сон, чтобы забыть обо всех переживаниях недели.

Тук-тук... тук... тук-тук.

Это фирменный стук Фейт, случайный и импровизированный. Он никогда не представляет собой какую-то определенную последовательность.

Я моргаю, чтобы проснуться, но сердце стучит так лихорадочно, что я прихожу в себя только когда сажусь и беру трость.

— Иду! — кричу я, хотя мы и видим друг друга, потому что она заглядывает в окно рядом с дверью.

Когда я открываю ее, Фейт стоит по центру коврика, между оставшихся букв «W» и «E»,

и смотрит на них.

— We — мы, — говорит она. — Думаешь, это что-то значит?

Несмотря на то, что я уже полностью проснулся, вопрос застигает меня врасплох. Фейт поднимает голову и смотрит на меня своими голубыми глазами. Я уже забыл какие они глубокие, ее глаза.

— Что ты имеешь в виду?

Она не двигается.

— Я имею в виду, что других букв нет. Их как будто убрали специально. Остались только «we» — мы.

Ее слова звенят у меня в ушах. *Остались только мы.* Она. И я. Я пожимаю плечами.

— Наверное, так оно и есть. Сегодня остались только мы. Ты и я. — Она улыбается, а я чувствую необходимость извиниться. — Прости. Ты меня не поняла. Я смеялся над ее ревностью, а не над тобой. Мне стоило сделать это раньше. Жизнь была...

Она обрывает меня, приложив палец к моим губам и повторяет: «Мы». А потом заходит в квартиру и говорит:

— Что у нас на ужин, Шеймус?

Фейт следует за мной на кухню.

— Не уверен, — отвечаю я, почесывая шею. — Его еще нужно приготовить. Я уже неделю не был в магазине.

— Мне все равно что есть. — Фейт всегда такая милая. Интересно, это результат воспитания или она сама по себе такая? Или она над этим работает?

Я открываю шкаф и холодильник и исследую их содержимое.

— Можно приготовить рамен¹², макароны с сыром, кашу или сэндвич с колбасой. О, или тост. Или любое другое сочетание вышеупомянутого.

Оглянувшись через плечо, чтобы посмотреть на ее реакцию, я вижу, что она улыбается.

— А как насчет сэндвича с колбасой и макаронами с сыром?

— Ты хочешь, чтобы в сэндвиче были макароны и сыр?

— Ага, — подтверждает она. — Я еще никогда не пробовала их в таком варианте. Только нужно поджарить колбасу. Мне не нравится холодное «грязное» мясо. Меня от него тошнит.

Я удивленно смеюсь, потому что это можно понять по-разному и мне не хочется опозориться, но я ничего не могу с собой поделать.

— «Грязное» мясо?

Она смеется вместе со мной и немного краснеет.

— Да, «грязное» мясо. Колбаса, хот-доги, пепперони. Никогда не знаешь из чего они сделаны. Поэтому это «грязное» мясо.

Румянец на щеках очень ей идет.

— Понял. Пожалуйста, не упоминай об этом при Кире. Она живет на колбасе и хот-догах и мне не хочется, чтобы эти продукты были исключены из ее и так ограниченного списка еды.

Фейт жарит колбасу, а я готовлю макароны с сыром. Мы даже поджариваем хлеб, поэтому все ингредиенты наших сэндвичей горячие.

Когда мы садимся с тарелками на диван, Фейт изучает свой сэндвич.

— Шеймус, это круто и бюджетно.

Я поднимаю брови и осматриваю комнату.

— Если ты не заметила, то именно так я и живу.

Она смеется и впивается зубами в сэндвич.

— О, я это заметила, — прожевав отвечает Фейт. — Я тоже так живу.

— А откуда ты, Фейт? — решаю спросить я, пока мы едим.

— Из Канзас-Сити.

Я мгновенно перестаю жевать и смотрю на нее, потому что она явно шутит. Фейт не выглядит как выходец со Среднего Запада.

— Правда?

— Правда. Я выросла там. А переехала сюда всего несколько месяцев назад.

— Что привело тебя в Калифорнию? Ты забралась далеко от дома.

Фейт улыбается так, будто знает, что я удивлюсь, когда она ответит на мой вопрос.

— Исследование.

— Ну конечно, исследование. А твои родители все еще живут в Канзас-Сити?

Она качает головой, продолжая жевать сэндвич.

— Где они живут?

— Я воспитывалась в чужой семье.

Ее слова, даже несмотря на то, что за ними не стояло никакого негатива, вводят меня в состояние волнения. По работе я часто сталкиваюсь с патронажной системой. Большинство опекунов — это любящие, заботливые люди, которые хотят лучшего для своих детей. Но, как это часто случается в жизни, попадаются и червивые яблоки. Те, которые портят и пятнают репутацию хороших. Те, кому нельзя позволять общаться с другими людьми, а тем более с детьми.

— Как это было? — В ожидании ее ответа у меня сводит желудок.

— Скажем так, некоторые семьи были лучше других. — Фейт видит мои обеспокоенные глаза и быстро добавляет. — Некоторым людям очень хорошо удается заставить тебя чувствовать себя значимым. Как будто ты представляешь какую-то ценность. А некоторые — просто предоставляют тебе кров и еду. — Она пожимает плечами. — Я выжила. И очень благодарна тем семьям, которые действительно заботились обо мне. Благодарность — это не подарок получателю, а дар дающему.

— Сколько тебе лет, Фейт? — Сейчас я любопытен как никогда.

— Двадцать два.

— И когда ты только успела набраться мудрости? — Это правда, она действительно мудрая.

— Старая душа, — подмигивает она. — Взросление в патронажной системе засчитывается как два года к одному. В этом смысле мне уже сорок четыре.

Мне нравится ее чувство юмора.

— Рад это знать. Может мне стоит начинать называть тебя мадам? Именно так я обращаюсь к женщинам в возрасте.

Фейт угрожающе качает головой.

— Нет. Даже когда мне исполнится девяносто лет, я никому не позволю называть себя мадам.

Я доел свой сэндвич — который получился на удивление вкусным — и жду, когда она закончит свой, а потом задаю еще один вопрос.

— Сколько тебе было лет, когда ты попала в эту систему?

— Два года.

— Значит, ты не помнишь своих настоящих родителей?

Она качает головой, давая мне понять, что я что-то упустил или неправильно понял.

— Если коротко, то мама отказалась от меня при рождении. Мои приемные родители... были не совсем готовы к заботе о ребенке и после того, как спала новизна, они поняли, что маленькие дети — это работа.

У меня начинает ныть сердце. Ныть, потому что я вспоминаю о своих детях.

— А тебе известно, как ты оказалась в патронажной системе?

— Социальный работник, занимающийся моим делом, разрешил мне изучить досье, когда мне исполнилось восемнадцать лет. Безнадзорность и жестокое обращение. Черным по белому. Я рада, что детские воспоминания с возрастом забываются. — Фейт смотрит на меня и продолжает, — Один из самых лучших подарков, которые я получила от жизни — не помнить самое худшее. Но это объясняет некоторые шрамы, которые у меня есть.

Я морщусь при мысли о боли, от которой она, без сомнения, страдала.

— Мне жаль.

— Не нужно меня жалеть, Шеймус. Я не помню этого...

— Но это не извиняет того, что они с тобой делали, — прерываю я Фейт, чувствуя необходимость защитить ее. Я вспоминаю, как она дарит объятия незнакомцам на пляже с нежностью и добротой, которую ничто и никогда не должно было омрачать.

— Я говорю это не потому, что не помнить — значит извинять. Они оба получили тюремный срок. Я никогда больше не разговаривала с ними. Я хочу сказать, что забытые воспоминания — это акт сочувствия, которым одарила меня вселенная. Акт, который сохранил мне кучу средств, которые иначе пришлось бы потратить на психологическую помощь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Знаешь, ты просто невероятная!

— Нет, — качает головой Фейт. — Я просто девушка, которая боролась изо всех сил за свое имя.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда мне исполнилось восемнадцать лет, я поменяла имя на Фейт Хепберн. Предвосхищая твой вопрос, скажу, что это в честь Одри и Кэтрин, потому что они обе были замечательными женщинами. К тому же, это красивое имя.

— Твоя правда, — соглашаюсь я. — Ты веришь в Бога? Поэтому взяла себе имя Фейт — вера?

— Нет.

— Тогда во что ты веришь?

Она смотрит на меня сияющими, но слегка уставшими глазами и отвечает:

— В жизнь.

Я киваю. Ну конечно. Для нее самое главное — это жить и набираться опыта.

— А что насчет тебя, Шеймус? Во что веришь ты? — Не успеваю я ответить, как Фейт быстро добавляет. — Ты не можешь сказать, что в детей. Это и так очевидно.

Черт, именно это я и собирался сказать. Единственный другой ответ, который приходит на ум слишком унылый, чтобы облачать его в слова.

— Ну? — подталкивает она меня.

— Я не знаю, — обманываю я, не желая продолжать этот разговор.

— Ты знаешь. Я вижу это по твоему лицу и по тому, как ты ссутулился. Я вижу это по

тому, как ты опустил взгляд.

Я поворачиваю голову и смотрю на нее, а потом вздыхаю и откидываюсь на диванную подушку.

— Я верю в конец; в конец своему здоровью, конец своего здравого ума и конец своего счастья. Миранда сделает все, чтобы добиться этого. Она собирается лишить меня всего. Я ненавижу ее, Фейт. Я по-настоящему ненавижу эту женщину. — Фейт прищуривается, как будто пытается понять, что происходит, и я отвечаю на ее вопрос. — Через две недели состоится суд, на котором она будет бороться за то, чтобы получить полную опеку над детьми.

— Что? Она не может забрать у тебя детей.

— Это на усмотрение суда. Но это несправедливо. Какие-то незнакомцы будут решать будущее мое и моих детей. А все потому, что Миранда хочет мести и хочет показать свою власть и богатство. Я уже говорил, как сильно ненавижу ее? — Последнее предложение — это смесь злобы и сарказма, потому что иначе я бы расплакался. Или закричал. Или кулаком проделал дыру в стене. Сейчас я на грани того, чтобы совершить любое из вышеупомянутых действий.

— Ты должен бороться. Изо всех сил, — говорит Фейт с решимостью, которую мне хотелось бы чувствовать в своем сердце. С решимостью, которая не оставляет места сомнению.

Но у меня его слишком много. Сомнение — это внебрачный ребенок страха. Я ненавижу страх. Поэтому в моем сердце сомнение идет бок о бок с решимостью. Оно не перевешивает его. Они сосуществуют.

Я согласно киваю.

— Я не могу потерять их, Фейт. — Мой голос полон грусти и неверия в свои силы.

— Ты не потеряешь, — уверяет меня она. А потом встает и, подойдя к входной двери, открывает ее. Она наклоняется и поднимает с полу коврик с буквами «W» и «E» и закрывает дверь. А потом направляется ко мне и кладет коврик прямо передо мной. Встав на него, Фейт улыбается и говорит:

— Мне нужно обнять тебя. Прямо сейчас.

Я беру руку, которую она протягивает, чтобы помочь мне.

Фейт опускает взгляд на коврик, на котором мы оба стоим, а потом смотрит мне в глаза.

— Мы, — говорит она. — Ты не одинок, Шеймус. Я с тобой.

Я обнимаю ее и позволяю себе выплеснуть все плохое. Нет, не на Фейт. Я откачиваю весь негатив из головы, через тело к ногам и наружу, как будто вытаскивая пробку из ванной. Я чувствую, как исчезает страх и напряжение, даже если всего лишь ненадолго.

Я ощущаю, что она делает то же самое. Объятие, которое начиналось скорее, как физический акт, потому что нам обоим нужно было убедиться, что мы здесь и друг для друга, постепенно превратилось в что-то более эмоциональное и поддерживающее.

— Огромное-преогромное больше, чем спасибо, — шепчу я ей в ухо.

— Огромное-преогромное, — тихо отвечает она. Я чувствую, что в нас обоих что-то изменилось. Ее слова были не просто принятием моей признательности, в них также было признание. Признание желания.

Моя совесть и я — расходимся во мнениях. Я слишком чувствую *женщину*, которая прижимается ко мне. Женщину, с которой я хотел бы забыться, даже если только на сегодня. Я мысленно очерчиваю границы. Границы, которые мне не следует переходить. Но мой рот

работает над этим будто отдельно от меня.

— У тебя есть парень, Фейт? — тихо спрашиваю я, уткнувшись во впадинку между ее ключицами.

— Нет, — шепчет она.

Я слышу ее ответ. И понимаю, что он означает. Меня бросает в жар ее нерешительный, грустный голос, в котором слышится надежда. Надежда, которая умоляет о последствиях... незамедлительных последствиях.

Последствиях, которые заставляют меня забыть о границах и прикоснуться губами к ее коже. Она слегка приподнимает плечи, а потом тихо выдыхает.

Я ловлю губами ее выдох ... а потом провожу кончиком языка вдоль ее ключицы к основанию шеи.

Она в ответ сжимает в кулаках мою футболку.

Я всегда считал, что физическая близость — это своего рода разговор и любовный обмен. Но у меня еще никогда не было партнера, который был бы добровольным собеседником.

До этого момента.

Кончики пальцев слегка проводят по внутренней стороне руки, от запястья к плечу, вызывая мурашки.

Теплое дыхание на коже в перерывах между поцелуями чуть ниже уха, вызывает дрожь.

Смена позы, когда одна нога оказывается между двумя другими, которые обнимают ее в ответ.

Начало поцелуя, нежного и нерешительного, который приветствуют раскрывшиеся навстречу губы.

Взаимное избавление от футболок.

Прикосновение в обмен на прикосновение.

Поцелуй в обмен на поцелуй.

Сердце в обмен на сердце.

Доверие в обмен на доверие.

Мы обмениваемся всем этим, пока не приближаемся, а может даже слегка пересекаем, границу, которую я до этого мысленно нарисовал. Я не отдаляюсь, но и не продолжаю дальше. Она тоже не требует большего и, кажется, вполне довольна продолжить разговор, не вмешивая в него секс.

Даже когда мы перебираемся на диван, и она садится мне на колени, наше общение не опускается ниже талии. Темп и глубина меняются как волны в океане, за которыми я люблю наблюдать. Некоторые накатывают слабые и легкие. А некоторые — высокие, с белыми верхушками и обрушиваются с бешеным неистовством. Отлив и прилив происходят так естественно, что я, даже не колеблясь, иду на поводу своих инстинктов. Колебание требует сомнения и неопределенности, но ничего из этого невозможно, когда я прикасаюсь к Фейт.

Примерно час спустя наши тела начинают сливаться друг с другом и нас накрывает блаженное сытное покрывало изнеможения. Медленно, очень медленно, мы останавливаемся. Фейт кладет голову мне на плечо, упираясь лбом в шею, а я опускаю на нее свой подбородок. Наши тела довольно принимают эту позу как предшественницу финального объятия.

— Огромное-преогромное спасибо. — Это последнее, что слышу я, перед тем как мы оба засыпаем.

Глава 28

Ботокс, пальто и судьба

Миранда

Флешбэк

Шеймус со своим рассеянным склерозом проходит то взлеты, то падения. Иногда заболевание вроде идет на убыль, а потом возвращается и так по сумасшедшему, неправильному и нелогичному кругу. Не то, чтобы я особо поддерживала его. Когда я дома, что происходит нечасто, то вижу, как он борется. К ногам вернулась чувствительность, но ее отсутствие заменила боль. Он не жалуется, но я замечаю, как это сказывается на нем, когда он двигается или ходит. Его походка перестала быть легкой и превратилась в неуверенную. Это некрасиво. Знаю, это звучит черство, но даже несмотря на то, что его лицо все еще выглядит божественно, я не могу принять физическую не совершенность Шеймуса.

На год, после рождения Киры, я вернулась к мужу, потому что Лорен не хотел меня в сексуальном плане. Я не обращала внимание на отсутствие влечения, потому что в темноте нашей спальни могла заниматься сексом с Шеймусом, а думать при этом о Лорене.

Но это продолжалось не слишком долго. Через несколько месяцев я начала приводить себя в порядок. Ботокс и персональный тренер делают меня еще привлекательнее, чем обычно, а когда я появляюсь перед дверью Лорена в одном пальто, он, не теряя времени, снимает его и грубо берет меня прямо напротив стены в коридоре.

Я остаюсь у него на два дня. Кажется, новость о том, что я теперь стерильна, заводит Лорена. Его аппетит ненасытен, как будто он месяцами изнывал от желания вкусить то, что могу ему дать только я. Моя судьба снова на правильном пути.

Отъезжая на такси от его дома, я показываю вселенной еще один фак. Однажды я вернусь сюда. С новой фамилией. Или сгорю дотла, пытаюсь добиться этого.

Глава 29

Шантаж — это звучит слишком грубо

Миранда

Флешбэк

Мне тридцать три года. У меня очень успешная карьера. Я вице-президент технологической компании, которая за последние несколько лет увеличила свои доходы в десять раз — все благодаря моему руководству и управлению. Моя репутация в бизнесе говорит за себя. Я создала ее, четко следуя своему мастер-плану: деньги, имя, власть.

Я ничего не боюсь.

Главное, что *боятся меня*.

Бабушка гордилась бы мною.

Деньги так и сыплются на меня. У меня очень высокая зарплата, но я никогда не забываю попросить о надбавке. Я перевожу ее на банковские счета или делаю вложения, о которых Шеймус ничего не знает и никогда не узнает. Близится мой день X и когда он настанет, Шеймус очень пожалеет, что был настолько глуп, что подписал брачный контракт, на котором я настаивала, и по которому все мое будущее имущество в случае развода останется моим. А он пусть довольствуется жалкими сорока тысячами в год. Эта мелочь разлетается в ту же секунду, как попадает на его банковский счет: тратится на коммунальные услуги, еду, страховку, на выплаты по кредиту на его убогую машину и потребности детей. Шеймус из тех людей, которые, наверное, не увидят ничего плохого в том, чтобы жить бедно. Деньги ничего не значат для него. Самое важное — это дети и

помощь людям. Идиот.

Не смотря на все мои успехи, я в тупике.

Я до сих пор живу с Шеймусом. С детьми. Фасад все еще цел и невредим.

Я так, черт возьми, устала от этого фасада.

Я думала, что его будет достаточно. Хороший муж, два с половиной ребенка и белый деревянный забор хорошо выглядят в глазах людей. Это уровень, по которому общество оценивает тебя. Хорошие оценки, даже если они фиктивные, компенсируют мою безжалостность и жестокость. Даже если люди будут считать меня сукой, они все равно скажут: «О, но у нее такие милые дети и муж. Она не может быть настолько плохой». Мой фасад нейтрализует все мнения обо мне. И это работало пока я стремилась к большему и лучшему. Но теперь моя судьба — это фасад на стероидах. Устраняем добродетель и заменяем ее излишеством. Излишество — какое восхитительное слово.

Мне нужна моя судьба.

Она и так уже запоздала.

Кире только что исполнилось четыре года.

Лорен еще ни разу не встречался с ней. И, так и не признал ее.

Несколько раз в месяц я летаю в Сиэтл. Мы занимаемся сексом, как кролики, а потом я возвращаюсь домой. Опустошенной. Даже рядом с ним я все равно чувствую себя опустошенной, потому что знаю, что как только все закончится, меня выставят вон. А я не хочу этого. Я заслуживаю быть с ним. Заслуживаю быть гребаной королевой для короля.

Раньше я думала, что люблю Лорена-мужчину и в какой-то мере так оно и было, однако, больше всего меня привлекает то, что делает его Лореном. Я люблю его дом. Его деньги. Его могущество. Люблю его деловую хватку. Холодную, расчетливую уверенность и убежденность в том, что победитель получает все. Словом, он — это я, только с членом. Ну кому бы это не понравилось? Быть вместе. Совместная собственность. Это моя самая сокровенная мечта, гребаная финансовая фантазия.

И пора воплощать ее в жизнь, потому что уже понятно, что Лорен не собирается покупать корову, если можно получить молоко бесплатно.

Уже поздно, время близится к полночи. Я улетела в последнюю минуту. Вместо того, чтобы пойти после работы домой, поехала в аэропорт и села на ближайший рейс в Сиэтл. Сейчас я в такси, направляюсь домой к Лорену, чтобы показать сколько ему будет стоить молоко этой сучки.

В сумке от «Луи Виттона», свисающей с плеча, находится билет в будущее, к моей судьбе. Я устала ждать. Нужно действовать. Я привезла с собой папки с документами, которые кропотливо собирала последние несколько лет на случай, если понадобится заставить его посмотреть на вещи моими глазами.

Как только водитель поворачивает на его улицу, я звоню Лорену.

Он отвечает на третьем гудке.

— Миранда?

— Открой ворота. Я здесь. — Ему нравится, когда я приказываю. Но также нравится приказывать мне. Это как битва характеров; извращенный ритуал спаривания.

— Ты здесь? — спрашивает он, но его голос не звучит удивленно. По пятницам я приезжаю довольно часто.

— Прямо перед домом, — отвечаю я, как раз в тот момент, когда водитель останавливается перед воротами.

— Я только сейчас закончил деловой ужин. — Деловой ужин означает секс с дорогой проституткой. Я наняла частного детектива, чтобы он проследил за Лореном. И знаю, что он любит: темные волосы, большие сиськи и извращения. У меня есть фотографии. А еще у него склонность к несовершеннолетним девочкам. Хотя они и выглядят как двадцатилетние, большинству из них еще нет восемнадцати. Он очень, очень испорченный мальчик.

— Не торопись, — с улыбкой говорю я.

— Я позвоню домработнице и попрошу ее впустить тебя. Устраивайся поудобнее пока ждешь меня. — *Устраивайся поудобнее* означает *раздевайся*.

— Как я уже сказала, не торопись.

Через несколько секунд после того, как я заканчиваю разговор, ворота открываются и возле входной двери его домработница приветствует меня по имени.

Взяв мое пальто, она говорит:

— Мистер Букингэм скоро приедет. Он сказал, что вы можете ждать его где пожелаете. — Женщина вежливо кивает и уходит.

— Хорошо, — говорю я ей вслед, наблюдая за тем, как она виляет задницей в короткой юбке. Когда я перееду в этот дом, то сразу же уволю ее и возьму на это место кого-то постарше и менее привлекательного. Кого-то, чья задница уже давно видала лучшие времена.

Я направляюсь напрямиком в кабинет Лорена и закрываю за собой двойные двери. Все в этой комнате приводит меня в восторг. Здесь преобладает мужское начало, которое заставляет трепетать мои интимные места. Роскошное дерево, кожа, темные цвета и слабый запах сигар — это мои феромоны.

Налив себе его лучшего коньяка, я вытаскиваю из сумки все документы и фотографии и раскладываю их на столе. Я хорошо постаралась — массивный стол полностью завален ими. После этого снимаю одежду и, оставшись только в кружевном лифчике, стрингах и шпильках, устраиваюсь в огромном рабочем кресле и начинаю потягивать коньяк. Мне хочется заняться самоудовлетворением, потому что я настолько возбуждена, что нахожусь практически на грани оргазма, но я жду — хочу, чтобы он облегчил мою боль перед тем, как я сокрошу его. Хочу трахнуть его перед тем, как хорошенько встряхнуть.

Наконец, открывается дверь и в кабинет, одобрительно улыбаясь моей наготой, заходит Лорен.

— Ты знаешь, что ты моя самая любимая гостя? — Он идет ко мне, по пути снимая с себя одежду. Мне всегда нравилось его обнаженное тело. Лорен постоянно занимается в спортзале и бегаёт; его тело выглядит в половину моложе его возраста.

Я встаю и медленно, возбуждающе, стягиваю трусики и лифчик.

Он восхищенно наблюдает за тем, как я ложусь на стол поверх своего шедевра.

— Самая любимая гостя, — шепчет он, взбираясь на длинный стол и на четвереньках двигаясь ко мне.

Когда руки Лорена оказываются возле моей талии, я останавливаю его:

— Замри.

Он подчиняется.

— Ты заставил меня ждать, — томно произношу я.

Он смотрит вниз и улыбается. Я знаю, что точно также он улыбается своим шлюхам,

поэтому это больше не кажется мне чем-то особенным.

— Сначала я.

Его улыбка становится шире. Он переводит взгляд на меня и облизывает губы.

— Сначала ты? — дразнящим голосом интересуется он.

— Сейчас же, — приказываю я.

Он медленно наклоняется, не отводя от меня глаз. Это часть его игры. Медленные движения, контроль — это его возбуждает. Не буду отрицать, что и меня тоже.

Его рот жадно терзает меня. Губы, зубы, язык — то, как они слаженно работают — это божественно. Он вставляет несколько пальцев, и я вся горю. Я крепко хватаю его за волосы, удерживая на месте, и одновременно начинаю двигать бедрами в нужном мне темпе. Я отдаю ему приказы и говорю мерзости, и мне это нравится. Он стонет, одурманенный тем, что происходит.

— Миранда, мне нужно быть внутри тебя. Сейчас, — молит он.

Он умоляет. Сценарий, который я себе составила, становится все лучше и лучше.

— Сначала я.

И в этот момент меня накрывает самый сильный оргазм в моей жизни. Сочетание ловушки, которую я расставила, его покорности и талантливого гребаного рта сотворило то, что невозможно будет повторить снова.

— Черт! — выкрикиваю я, содрогаясь снова и снова, что заводит Лорена еще больше.

Когда я успокаиваюсь и открываю глаза, он садится на пятки и наслаждается видом моего тела.

— Тебе нравится, что ты видишь? — спрашиваю я.

Его глаза практически черные от желания. Грудь тяжело вздымается. А член молит о действии.

— Очень.

Я подмигиваю.

— Ты еще не все видел. — Он, ухмыляясь, наблюдает за тем, как я слезаю со стола и устраиваюсь в его кресле. — Мне нравится это кресло, — говорю я, поглаживая пальцами кожаный подлокотник. — Оно заставляет меня чувствовать себя могущественной.

Лорен сползает со стола и встает передо мной, жадно изучая каждый сантиметр моего тела.

— На колени. — То, как он произносит это, обычно не оставляет другого выбора.

— Не сегодня, мистер Букингэм. — Я откидываюсь в кресле, скрещиваю ноги и соединяю кончики пальцев пирамидой. — Почему бы тебе самому не опуститься на колени? — добавляю я с дьявольской улыбкой и показываю на множество разбросанных улик на его столе.

— Что это? — спрашивает он.

— Или чье? Это твои яйца, мой дорогой, — мило хлопая ресницами отвечаю я. — Я взяла тебя за самые яйца. А ты ведь знаешь, что я люблю пожестьче. Тебе может быть немного больно.

Его лицо краснеет от злости, и Лорен начинает просматривать документы. Потом он качает головой из стороны в сторону. Это должно выглядеть как вызов, но я всегда могу распознать ужас, если увижу его. С его лица сходят все краски, как песок, который высыпается из песочных часов. Я не могу не провести эту аналогию... его время вышло. Продолжая неверяще качать головой, он переводит взгляд на меня.

— Что это? Чего ты хочешь?

— Я хочу нас. Все просто.

Лорен бледнеет.

— Нет, я так не думаю. — Он показывает на бумаги на столе и неуверенно произносит:

— Это... это не любовь.

Я закатываю глаза.

— А кто говорил о любви? — От меня не ускользает ирония того, что мы ведем этот разговор обнаженные, а в воздухе все еще витает запах возбуждения.

Он несколько раз моргает.

— Но разве не поэтому люди обычно женятся? — Лорен ошеломлен. — Ты шантажируешь меня?

Я стучу кончиком указательного пальца по губам, обдумывая свой ответ.

— Шантаж — это звучит слишком грубо. Назовем это переговорами о наших взаимоотношениях.

Лорен собирает с полу свою одежду и натягивает брюки и рубашку. Несколько секунд он просто смотрит на меня: сначала с недоверием, а потом с отвращением.

— Оденься.

Я опускаю взгляд на свою грудь.

— Несколько минут назад, когда твой рот был между моими бедрами, ты не возражал, что на мне нет одежды.

Он раздраженно проводит рукой по волосам, а потом дергает себя за прядь и кричит:

— Несколько минут назад ты не была гребаной психопаткой!

— Нельзя так разговаривать со своей невестой, — нахмурившись, произношу я.

Его взгляд сцепляется с моим, и я вижу в нем чистый, ничем не прикрытый страх.

Я начинаю собирать документы и складывать их в аккуратную стопку.

— Как только вернусь домой, то сразу же подам документы на развод. Шеймус узнает об этом в понедельник. Я перееду к тебе, когда развод вступит в силу. Все это время будем держаться поодаль, нам не нужны сплетни.

Лорен ошеломленно фыркает.

— Смотрю, ты тщательно все продумала. Нам определенно не нужны сплетни. Но это меньшая из наших проблем, Миранда. Ты ненормальная и именно это волнует меня сейчас больше всего.

Я отмахиваюсь от него.

— Так будет лучше. Ты просто пока не видишь этого. Нам будет хорошо вместе.

Он трет лицо руками.

— Как, черт возьми, я умудрился так попасться?

— Хмм... давай посмотрим... инсайдерская торговля, отмывание денег...

— Я не делал ничего из этого. Это все ты, ты подделывала мою подпись, — обрывает меня Лорен.

Я смеюсь.

— Я ничего не подделывала. Тебе стоило бы знать, что перед тем, как что-то подписывать, нужно сначала это прочитать. Подобная недальновидность может упечь тебя в тюрьму на всю оставшуюся жизнь. Но мы ведь не хотим этого?

Он снова качает головой.

— Все мои сделки чистые. Я никогда не делал ничего противозаконного.

Я щелкаю языком и выгибаю бровь.

— Извини, но я не соглашусь с тобой. Твой член, скорее всего, поддержит меня. Насколько мне известно, в штате Вашингтон все еще запрещено платить за секс. Понимаю, это прогрессивный штат, но... — Я замолкаю, а потом с насмешкой добавляю... — Особенно за секс с несовершеннолетними. Уверена, к этому до сих пор неодобрительно относятся.

— Агентство гарантировало мне, что они все старше двадцати одного.

Я ухмыляюсь.

— И когда это ты стал таким наивным, Лорен? Люди лгут.

Он трет переносицу и вздыхает, но по тому, как поникли у него плечи, я понимаю, что это его не успокаивает.

— Это точно. Чего ты хочешь? Мои деньги? Я заплачу. Назови цену.

Я качаю головой.

— Я же сказала. Мы женимся. Вот чего я хочу.

Лорен выглядит совершенно озадаченным, но я вижу, как крутятся колесики у него в голове, взвешивая все варианты. Он знает, что по уши увяз.

— Хорошо. Но ты уволена. Я выплачу тебе выходное пособие. Не хочу, чтобы ты лезла в мой бизнес. Понятно?

Я вздрагиваю, но тут же осознаю, что смогу устроиться в любую компанию после того, как перееду в Сиэтл.

— Понятно.

— Мы подпишем брачное соглашение.

Я киваю. Не знаю, как мой ультиматум так быстро превратился в переговоры. Честно признаться, я немного удивлена, что все идет столь хорошо.

— Согласна.

— Среди твоих бумаг были результаты теста на отцовство. Я хочу, чтобы ты поклялась, что никто и никогда не узнает, что Кира — от меня. Я не хочу детей. Пусть ее воспитывает твой муж. Ей лучше с ним. Им всем лучше с ним. Надеюсь, ты понимаешь это. Тебе не стоило становиться матерью.

«Я не мать», — думаю я, — «Они мой фасад».

— Хорошо. — Сегодня я со всем соглашаюсь. Лорен просто не знает, что я даю ему время привыкнуть к мысли о браке, а потом перевезу детей к нам. Я не хочу видеть их в своем доме, но это необходимо для видимости. Никто не любит женщин, которые отказываются от своих детёнышей. А еще мне нужно, чтобы Лорен начал общаться с Кирой. В конце концов, он смягчится и признает ее, а потом еще и поблагодарит меня за такой подарок. Дав ему единственное, что он хотел, но не знал об этом, я искуплю свою вину в его глазах. Я доберусь к сердцу Лорена через Киру. Кто знал, что ягненок может стать идеальным орудием?

Глава 30

Я уничтожу твою душу

Шеймус

Настоящее

Я знаю, что стресс не идет мне на пользу. Он как лев, который рыскает по извилинам моего мозга, выжидая, чтобы напасть и сожрать меня. Он пирует на моем здоровье, здравом рассудке и самочувствии, как ненасытное дикое животное.

Иногда стресс можно контролировать с помощью психической переоценки и смены перспективы. В этом случае некоторые проблемы оказываются не такими уж серьезными, как я первоначально думал. А иногда и вовсе не проблемами.

Но то, что я сейчас переживаю с Мирандой и возможность того, что она увезет моих детей в Сиэтл — это самая настоящая проблема.

Я чувствую стресс... физически чувствую его. В онемении ног. В слепоте глаза. В потере аппетита. В бессоннице. В усталости мышц и головной боли, которая грохочет, как кимвалы¹³. Он кровоточит по венам, наполняя меня, как до предела надутый воздушный шар, находящийся на грани взрыва.

Я сижу в приемной в офисе юриста Миранды. Все в этой комнате кричит о превосходстве: начиная с темно-красных кожаных диванов, обшитых темным деревом стен и полок, и заканчивая искусственным мускусным ароматом, витающим в воздухе. Это праздник тестостерона. Наверное, если они защищают тебя, то оно дает ощущение безопасности, как будто здесь ты находишься под защитой Супермена, в коконе его плаща. А если ты стоишь по другую сторону и ожидаешь своего неизвестного будущего, которое находится в их руках, оно заставляет чувствовать себя на два дюйма ниже...

Эта встреча была назначена неожиданно несколько дней назад. Мне представили ее как гражданскую процедуру по примирению сторон. Я надеюсь, что Миранда придет в себя и передумает, но что-то мне подсказывает, что это невозможно.

— Мистер Макинтайр? — раздается деловой голос. Он как вуаль, прикрывающая обнаженные клыки и зубы.

— Да, — отвечаю я, избегая встречаться с ним взглядом. Это намеренно уклончивый жест, чтобы задать тон беседы. Горечь заставляет меня стоять на грани здравого смысла и смотреть вниз в глубокий темный колодец ожидающего меня сожаления. Я боюсь, что мой рот одержит сегодня утром надо мной верх. Недостаток сна лишил меня чувства приличия и такта и оставил лишь искромсанные остатки чуткости и сдержанности. Мне нужно держать себя в руках. Я хватаю трость и встаю, чтобы последовать за ним по коридору в комнату для переговоров.

Миранда уже здесь. На ней черный сшитый на заказ пиджак и малиновая шелковая блузка. Красный цвет означает власть. Это ее любимый... цвет в одежде и характерный штрих.

Я занимаю предложенное мне место прямо напротив нее. Миранда находится в пяти футах от меня, но я чувствую, как она пытается запугать меня яростными импульсами агрессии, исходящими от нее. Я гневно смотрю на нее в ответ, давая понять, что не собираюсь реагировать на это.

Ее юрист, Дин Дергман, прочищает горло, чтобы разбить нашу молчаливую дуэль, и говорит:

— Почему бы нам не начать?

Во мне бурлит ярость. Я с вызовом поднимаю бровь и отвечаю:

— Действительно, почему бы нам не начать?

Он подвигает ко мне через стол аккуратную стопку бумаг. Как будто кто-то специально подравнивал ее несколько раз, чтобы гарантировать идеальность и добавить этот штрих к общей атмосфере превосходства.

Я беру их твердой рукой и привожу в беспорядок.

Пересмотр опеки
Кай Макинтайр
Рори Макинтайр
Кира Макинтайр

Это единственные слова, которые я вижу на странице. Я не могу сосредоточить взгляд и неожиданно начинаю *слышать* головную боль. Слышу, как с каждым стуком сердца ударяются кимвалы, будто кровь, струящаяся по венам, пытается задержать время... перед наступлением катастрофы. Я зажмуриваюсь и прошу о том, чтобы мир и все в нем, кроме этих имен на бумаге, вспыхнуло и сгорело дотла.

— Мистер Макинтайр? — Бергман желает моего внимания.

Не открывая глаз, я тру виски и мысленно проклиная его за то, что он существует.

— Да.

— Не желаете, чтобы я кратко изложил содержимое документа?

Нет, не желаю.

— Да. — Я с трудом открываю глаза и вижу, что Миранда смотрит на меня с нечитаемым выражением лица.

— Мистер Макинтайр, миссис Букингем...

Я не даю ему договорить, потому что его голос, сталкиваясь с грохотом в моей голове создает диссонанс, который я не могу вынести.

— Я передумал. Дайте мне несколько минут, чтобы прочитать все самому. Вы не против оставить меня одного?

Внутри все начинает бунтовать, и я потею. Легкая испарина — предшественница надвигающейся тошноты. Подумав об этом, я быстро сглатываю, потому что утренний кофе уже готов к немедленной эвакуации. Уж лучше затолкать его назад, чем позволить завершить свою прогулку через обычный выход.

— Конечно, — вежливо произносит Бергман.

Миранда, не торопясь, встает, чтобы выйти. Уверен, вид у меня еще тот, поэтому она с удовольствием наблюдает с первого ряда за тем, как моя жизнь трещит по швам.

Массивная дверь закрывается с гулким стуком, давая знать, что я сейчас один. Я вовремя разворачиваюсь на стуле, чтобы схватить пепельницу, которая стоит за мной, и выплеснуть в нее содержимое желудка. Мое тело выдавливает его из себя с такой силой, будто пытается извлечь все бедствия, которые на меня навалились. Наконец, все заканчивается, и я чувствую, что ненависть, хоть и на время, изгнана. В комнате стоит безошибочно узнаваемый запах непереваренной еды, желудочного сока и невыносимой бывшей жены. Я завязываю мусорный пакет и сосредотачиваюсь на бумагах.

Перед глазами все расплывается. Я ничего не вижу от злости. В итоге, чтение занимает много времени.

Когда Бергман и Миранда возвращаются в комнату, у меня внутри все бурлит. Одни мои мысли могли бы разорвать их на мелкие кусочки. Они устраиваются по другую сторону стола и Бергман сразу включается в игру — на его лице появляется сочувствующее, но бездушное выражение. Миранда же, едва сдерживается. Она уже торжествует и празднует свою победу.

Я знаю, она ждет, что я закричу и выплесну свою злость. Мне хочется этого. Хочется распять ее на стене и вонзать в плоть слова, пока она не начнет истекать кровью и молить о

прощении. Но я не следую на поводу своих желаний. Вместо этого я говорю единственную фразу, которая сможет задеть ее за живое:

— Как я вообще мог влюбиться в тебя?

Миранде нравилось то, как я любил ее. Моя любовь была безусловной и абсолютной. Она никогда не любила меня также. Миранда просто не способна на это. Но она наслаждалась тем, что владела моим сердцем. Она обращалась с ним как с цирковым животным, заключенным в клетку. Хвалила и кормила, чтобы поддерживать работоспособность, и в то же время заставляла проходить через боль. Моя любовь давала пищу ее ненасытному эго.

Миранда — мастер самообладания, но мои слова были пощечиной для нее. Я увидел это по тому, как на секунду замерло ее тело и по уязвленному взгляду, когда она попыталась отрицать их. Моя бывшая жена и не думала, что такое может быть. Не думала, что я могу больше не любить ее. Она считала, что моя любовь к ней — вечная.

Бергман откашливается — то ли пытается снять напряжение в комнате, то ли подтолкнуть к действиям. Я не уверен.

Я молчу. Мне нечего сказать. Все здесь... черным по белому. Замысловатая паутина лжи и правды, благодаря которой вырисовывается портрет неподходящего отца. Миранда наняла частного детектива, который следил за мной с тех пор, как она переехала несколько месяцев назад в Сиэтл. Передо мной несколько десятков фотографий: вот я держу в руке косяк миссис Л., вот мы с Фейт полураздетые целуемся на диване, а вот Кира обнимает Фейт. За фотографиями следуют письменные показания, подтверждающие ухудшение моего здоровья, по большей части преувеличенные, и то, что я отсутствовал из-за этого на работе. Все анонимно, конечно же. Есть даже список того, что едят мои дети, что они носят, как себя ведут, включая письмо от независимого психолога, утверждающего, что ее «волнует психическое и физическое состояние детей» и что есть «признаки пренебрежительного отношения к родительским обязанностям». Какая чушь. Сколько она платит этим людям за ложь? Но следующий снимок заставляет меня окаменеть. Это фотография Фейт на сцене — топлес. Что за ерунда? За ней следуют письменные показания от многочисленных мужчин, рассказывающих в деталях, что у них был секс с Фейт в обмен на деньги. И снова, анонимно, как вы понимаете. Мое первое желание — отрицать это, потому что Миранда слишком хороша в выдумывании лжи.

Шокирующий заключительный акт спектакля о моей беспутной жизни подходит к концу, когда Миранда вспоминает для чего она здесь и ее бледные щеки окрашивает восхитительный малиновый оттенок *«Я уничтожу твою душу»*, а на лице снова появляется дьявольская усмешка.

— Кажется, ты был очень занят, Шеймус. Встречаясь с проституткой...

— Она не проститутка. И мы не встречаемся, — злобно отвечаю я сквозь зубы, не зная, есть ли правда хоть в одном из моих слов.

Миранда надменно смеется.

— Ой, прости. Ты платишь за ее услуги?

Я делаю глубокий вдох. Я не могу говорить, потому что мне хочется кричать, но все, что я произнесу только глубже затянет меня в воображаемую дыру ада, который сотворила Миранда.

— Мои дети общаются с проституткой и наркоманкой. — Она с презрением смотрит на меня. — Не говоря уже о том, что ты и сам покуливаешь марихуану.

Я закатываю глаза.

— Я и затычки не сделал, когда она предложила.

Бергман начинает говорить и в его голосе чувствуется власть, которая, уверен, очень помогает ему в суде, когда он защищает того, кого высокая цена его работы сделала правым и достойным защиты.

— Шеймус, Миранда хочет лучшего для детей и действует в их интересах. Она наняла няню, которая уже переехала в дом и записала их в частную Католическую школу, которая считается одним из лучших образовательных учреждений в Сиэтле.

— *Но дети даже не католики.* Как и ты, — недоуменно произношу я.

— Они начнут учиться в понедельник, — продолжает Бергман, не обращая внимания на мои слова.

— В понедельник? — От шока у меня меняется голос. Сегодня уже пятница.

— У меня самолет сегодня вечером. Я забираю детей со школы и улетаю с ними, — проясняет Миранда, добивая меня.

— Что? — Меня будто пнули под дых, а мой вопрос — это болезненный вздох.

Миранда смотрит на Бергмана — тот кивает, и она снова переводит взгляд на меня:

— Не пытайся бороться со мной, Шеймус. — Это была угроза, наглая и аморальная.

— Почему нет? — бросаю ей вызов я.

Она поднимает со стола телефон и задумчиво смотрит на него.

— Довольно трудно быть родителем... из тюрьмы.

— Что? — Звон в голове становится всеобъемлющим. Он будто пытается заслонить от меня реальность и заглушить ее слова.

— В нижнем ящике твоего комода достаточно марихуаны, чтобы засадить тебя на двадцать лет, мой милый. Все, что мне нужно — это сделать звонок и полиция придет обыскивать твою квартиру еще до того, как ты доковыляешь до своей убогой машины.

Я неверяще мотаю головой.

— Ты подставила меня?

Она ослепительно улыбается, но я вижу только ряды акульих зубов — острые, как бритва и смертельные для меня.

Во мне поднимается ярость — чистая и патологически опасная. Я представляю, как наклоняюсь над столом и душу ее руками. Наслаждаясь тем, как из нее уходит жизнь. Меня трясет от непреодолимого желания совершить возмездие. А когда злость становится такой сильной, что стираются моральные границы, все замирает. И наступает темнота.

Я прихожу в себя, лежа на полу, как выброшенный на помойку мусор. А Бергман и Миранда высятся надо мной, как господа над своим крестьянином.

— Мистер Макинтайр? — спрашивает Бергман.

Я краем глаза смотрю на него, испытывая желание пробить им обоим щиколотки.

— Вы в порядке, мистер Макинтайр? Вы упали в обморок. Вам вызвать скорую? — Судя по такой пространной речи, он действительно обеспокоен.

Я с трудом сажусь и осматриваю себя. Кажется, все в порядке, если не считать тошноты.

— Уберите ее с моих глаз, — выдавливаю из себя я.

Миранда выходит из комнаты.

Я, сдерживая слезы, подписываю бумаги и складываю их в аккуратную стопку. А потом беру ее в руку и смотрю на Бергмана, который стоит по другую сторону стола.

— Вы только что вручили три драгоценные маленькие жизни в руки самого дьявола. Надеюсь угрызения совести съедят вас изнутри, ублюдок. Вы видите и слышите меня не в последний раз. Я заберу своих детей обратно или сдохну. — С этими словами я подбрасываю бумаги в воздух и наблюдаю за тем, как они падают вниз. — Ах, да, почти забыл. Есть еще кое-что. *Пошел ты на хрен.*

Я ухожу, стуча тростью по полу, и еду напрямиком в школу к детям. Уроки заканчиваются только через сорок пять минут, но я буду торчать здесь, на парковке возле входных дверей и ждать их.

Когда они выходят, Миранда стоит в двадцати футах позади меня со скрещенными на груди руками. Такое чувство, будто она нависает надо мной. Я отвожу детей в сторону и объясняю им, что они какое-то время поживут с мамой. Я пытаюсь спокойно донести до них эту новость, несмотря на то, что каждое мое слово обжигает рот, как кислота. Мне ненавистно видеть то, как они реагируют. Кай замирает. И даже не моргает. Он закрылся и заполз в свою пещеру, в которой размышляет над неподходящими для ребенка его возраста вещами. Он впитывает и поглощает их, пока они не становятся раковой опухолью в его душе. Рори впивается в Миранду презрительным взглядом, обвиняя ее в нежеланном будущем, а потом кричит: «Нет!». И замолкает. А моя маленькая девочка плачет. Так, как никогда раньше.

И мое сердце разбивается второй раз за день. Разрывается на множество маленьких осколков, как разбросанная повсюду шрапнель. Я знаю, то, что после этого останется, невозможно будет склеить снова. Как невозможно собрать пазл, у которого отсутствует половина деталей. С сердцами происходит точно также.

Я обнимаю всех детей за раз. Целую их. Говорю, что люблю больше всего на свете и именно в этот момент на моих глазах появляются слезы. Я пытаюсь сдержать их изо всех сил, потому что дети уже напуганы и разочарованы, и я не хочу расстраивать их еще больше. Но ничего не могу с собой поделать. Миранда будто приставила топор к голове и разрубила меня надвое. Вероятно, вы думаете, что все внутри меня умерло, но нет, как раз наоборот. Внутри меня — обнаженные нервы, чистая, зудящая боль и агония. Это эмоциональная пытка.

Ее слова — как соль, посыпанная на открытую рану.

— Поторапливайтесь, дети. Нам нужно в аэропорт. У нас самолет.

Я вытираю слезы и только после этого поворачиваюсь к Миранде.

— Мы поедим домой, чтобы собрать вещи, а ты езжай за нами.

Она твердо качает головой. Клянусь, в этой женщине совершенно нет мягкости.

— У нас нет времени. Я куплю им все необходимое, когда мы прилетим в Сиэтл.

С лица Киры сходят все краски. Я видел, как временно исчезает радость в глазах человека, когда проходит счастливый момент, но никогда не сталкивался с тем, чтобы она вымывалась полностью. Кира только что лишилась своей невинной детской способности радоваться. Она ушла, ее убили, бездумно и беспечно.

— Мне нужен Огурчик. — В ее голосе чувствуется дрожь и беспокойство. — Я не могу уехать без Огурчика.

Миранда недоуменно смотрит на меня. Она даже не заметила, что наша дочь потеряла свою детскую невинность. Ее раздражает то, что она не укладывается в свое расписание. Я объясняю:

— Ей нужна мягкая игрушка, кот. Она не может заснуть без него, Миранда.

Миранда снова нетерпеливо качает головой.

— У нас нет на это времени, Кира. — Она произносит имя дочери, но смотрит и разговаривает со мной. — Завтра мы купим тебе нового кота.

Кира в ужасе визжит.

— Я не хочу другого. Мне нужен Огурчик!

Я с трудом встаю на колени, переживая, что не смогу встать, беру крошечную ручку Киры в свою, целую ладонь, а потом утешительно глажу ее.

— Я отправлю тебе Огурчика по почте, милая. Утром он будет у тебя. Обещаю.

По ее лицу продолжают катиться слезы, но она замолкает на несколько секунд, обдумывая предложенное решение проблемы.

— Хорошо папочка.

Я целую ее ладонь еще раз и отвечаю:

— Хорошо.

А потом снова обнимаю своих детей. Снова целую. И снова говорю, что люблю их.

— Мне так жаль. Очень, очень жаль.

После этого я наблюдаю за тем, как они уходят со своей матерью.

И чувствую, как у меня внутри все умирает и увядает.

Эмоции, органы, мысли, воспоминания, надежды — все. Как лист, который гибнет без воды и света, они сворачиваются и морщатся причудливым образом, превращаясь в нечто неузнаваемое.

Домой я иду пешком, частично потому, что боюсь ехать за рулем и подвергать опасности других, — я в бешенстве — а частично потому, что хочу наказать себя. Я хочу, чтобы мое тело вынуждено было делать то, против чего восстает. Хочу, чтобы мои мышцы напрягались, а ноги протестовали. Хочу, чтобы в голове раздавался яростный стук. Мне нужно с чем-то или кем-то бороться, а так как я сейчас один, то борюсь с самим собой.

Проверив комод и обнаружив, что в нем нет никакой травки, я хватаю с дивана игрушечного кота Киры и направляюсь на почту в трех кварталах от дома. Даже с тростью, я падаю два раза. У меня на коленке дыра, но мне наплевать. Я надел эти брюки сегодня на встречу только потому, что они консервативные и выглядят как одежда для среднего класса, что должно было дать мне дополнительные очки. Но не дало. Ладонь левой руки кровоточит от столкновения с грубой поверхностью асфальта. Но мне удается отправить Огурчика экспресс-почтой за пять минут до закрытия.

А потом я выхожу, сажусь на лавочку и встаю с нее только когда начинает садиться солнце.

По пути домой захожу в магазин и под влиянием душераздирающего гнева покупаю презервативы, вяленую говядину и бутылку дешевого вина. Засовываю бутылку в карман и с яростью вгрызаюсь зубами в мясо.

Когда я поворачиваю к своему дому, у меня болит все тело и я не в силах подниматься по лестнице. Я слишком устал, поэтому сажусь под деревом и опустошаю бутылку вина. А потом засыпаю, как настоящий пьяница, на земле, под сенью матушки-природы. Надеюсь, частный детектив все еще следит за мной, потому что сегодня я устраиваю целое шоу. Перед тем как заснуть, я поднимаю руку и показываю средний палец на случай, если у меня есть нежеланная публика.

Меня будит звук скутера Фейт, который останавливается возле ее квартиры. Когда она заглушает двигатель, сразу становится тихо. Я слышу звон ключей, после чего открывается и

закрывается дверь.

Я с трудом встаю на ноги. От спиртного у меня кружится голова, а ноги будто сделаны из свинца.

Медленно иду к ее двери.

Неуклюже стучусь.

Фейт открывает дверь в своей ужасной футболке «Барбекю у Рика» и я моментально восхищаюсь тем, какая она красивая, а потом вспоминаю, что должен ненавидеть ее за то, что мне сегодня вручили награду «Самый дерьмовый отец года».

— Шеймус, что с тобой не так?

— Все, — бурчу я и, спотыкаясь, захожу во внутрь. — Задвинь шторы.

Она закрывает дверь и задвигает шторы, а потом внимательно смотрит на меня. Фейт живет в студии. Это просто одна комната, где негде даже сесть, кроме как на матрас на полу, на котором лежит одеяло и подушка. Я поворачиваюсь и пронзаю ее взглядом, вспоминая почему нахожусь здесь.

— Ты проститутка?

Фейт, прищурившись, смотрит на меня, но шок в ее глазах говорит сам за себя. Она невиновна.

— Нет. Почему ты вообще об этом спрашиваешь?

Я раздраженно сжимаю переносицу; во мне поднимается злость.

— А ты когда-нибудь занималась проституцией? Брала деньги за секс? Умоляю, будь сейчас со мной откровенной, Фейт. От твоего ответа зависит состояние моего рассудка.

Она качает головой и встает прямо передо мной.

— Нет. Что происходит, Шеймус?

Я верю ей. Она всего лишь еще одна пешка в шахматной игре Миранды. Вся враждебность, которую я к ней испытывал, исчезает, но гнев все еще бурлит во мне, как вулкан, который вот-вот извергнется.

Я протягиваю руку и провожу кончиками пальцев по ее щеке. Легкое прикосновение, когда испытываешь злость, требует большого напряжения. Крушение вещей способно облегчить стресс и страх, а нежность только раздражает их. Добравшись до ее рта, я усиливаю давление большого пальца. Под моим прикосновением у нее оттягивается нижняя губа.

— Шеймус? — шепчет она мое имя. Фейт тяжело дышит: то ли от страха, то ли потому, что ее охватывает страсть. Сейчас я не в том состоянии, чтобы определить это точно.

Я прижимаюсь к ее лбу своим и, опустив ладони на шею, нежно ласкаю эту часть тела.

Фейт кладет ладони мне на грудь. Она не отталкивает меня, а разводит пальцы и потом с силой сжимает их. Она повторяет это движение снова и снова, как человек, который сдерживает себя, пока ему не дадут разрешение.

— Мне нужно забыть обо всем на несколько часов, Фейт. Заставь меня забыть кто я есть.

Я вижу вспышку понимания в ее глазах. Проявление грусти и печали. Сочувствия. Согласия. Битву собственных демонов. Ей тоже это нужно.

Наши губы обрушиваются друг на друга. В этом союзе сквозит такое отчаяние, что поцелуй становится невозможным. Это скорее борьба за то, чтобы ослабить боль и одновременно успокоить ее. Нет никакой нежности. Только пиршество укусов и засосов.

В попытке быстро снять рубашку, отрываются пуговицы. Звук расстегиваемой ширинки

кажется выстрелом в тихой маленькой комнате.

— Ненавижу эту футболку. Она ужасная, — говорю я, срывая ее через голову.

— А я ненавижу эти брюки. Они такие скучные, — парирует Фейт, сдерживая с меня одним движением и до самых лодыжек боксеры и брюки.

Наступает временное перемирие, и мы стоим, осматривая друг друга с ног до головы. На ней не было трусиков. Мы оба обнажены — как физически, так и эмоционально.

— Я ненавижу ее, — шепчу я.

— Я знаю, — отвечает Фейт, добровольно впитывая в себя яд.

— Мне нужно выплеснуть эту ненависть. Ее так много, что я не могу дышать. — Моя ненависть и злость настолько сильны, что, клянусь, я даже вижу, чувствую и ощущаю их запах. Это сводит меня с ума.

— Отдай мне свою ненависть, Шеймус, — тихо произносит она. — А я отдам тебе свою.

— Согласен, — шепчу я ей в губы.

И мы снова набрасываемся друг на друга. Нет никакого обмена эмоциями, никакой очередности. Мы просто два человека, которые соперничают за собственное телесное удовольствие. Вино раскрепостило меня, и я чувствую себя другим человеком. Мы кормим и кормимся друг от друга. Мой рот прокладывает себе путь к ее груди. Ее зубы покусывают мое ухо. Мои руки движутся по ее телу так, будто пытаются запомнить дорогу к Земле обетованной. Она изучила каждый сантиметр моего тела выше талии, а сейчас крепко сжимает меня ниже пояса. Все закончится так же, как если выдернуть чеку из гранаты — одним гигантским взрывом.

— Мне нужно лечь. — Мне тяжело стоять, а то, что происходит между нами делает все только хуже.

Я хватаю с пола брюки, вытаскиваю из кармана упаковку презервативов и открываю ее. Вытягиваю из пачки один пакетик и бросаю коробку на пол, а потом направляюсь к ее постели на полу.

Я лежу на спине, а она сворачивается рядом со мной и сосредоточенно наблюдает за тем, как я разрываю пакетик и одеваю презерватив. Когда я поворачиваюсь на бок, Фейт крепко прижимается ко мне. Ее глаза и пальцы медленно и нежно скользят по моему лицу. Та животная страсть, которая была между нами до этого момента просто превратилась в близость. Близость управляет моей ненавистью, берет ее под контроль и разбавляет природной добротой Фейт. И все, что остается — это потребность излить свою любовь в эту женщину. Потребность показать ей какой она заслуживает любви.

За шестьдесят минут, которые следуют после этого, я узнаю кое-что важное.

Любовь — это совместный акт.

То, как наши тела и мысли сплетались, чтобы доставить друг другу удовольствие — было актом любви. Я в полном блаженстве лежу под Фейт; ее тело все еще дрожит от взрыва эмоций, а мое расслаблено после оргазма, который я получил всего пару секунд назад.

Поцелуи.

Бережное внимание.

Связь.

Слова.

Темп.

Тихие заверения.

Ритм.

Оргазм.

Каждая деталь была актом любви.

Никто и никогда не дарил мне ничего подобного.

Никому и никогда не дарил подобного и я.

Это заставляет меня ценить произошедшее еще больше, потому что, несмотря на то, что между нами нет любви, акт ее взаимной передачи был реальным.

Когда она смотрит на меня, я улыбаюсь.

— Ты забрала мою ненависть и превратила ее в любовь.

— Рада была помочь. Ты тоже забрал мою ненависть, Шеймус.

Я делаю глубокий вздох, чтобы успокоить колотящееся сердце, а потом обнимаю ее.

Наши конечности сплетаются.

И мы лежим так несколько часов.

После чего крепко засыпаем.

— С добрым утром, сосед. — Я знаю, что Фейт улыбается еще до того, как открываю глаза.

— С добрым утром, соседка. — Я тоже улыбаюсь, пока мое похмелье не объявляет о намерении испортить день. Меня тошнит, а голова яростно напоминает о том, что ей не нравится вино.

Умывшись и одевшись, я сажусь на край кровати. На Фейт снова все та же ужасная футболка. Я пристально смотрю на надпись, — так пристально, что через несколько минут она начинает расплываться — и говорю:

— Миранда забрала моих детей. Они уехали. — В моем голосе такая же пустота, как и в сердце.

Когда Фейт ничего не отвечает, я отрываю взгляд от разноцветного пятна на футболке и смотрю на нее. По ее щекам катятся слезы.

— Как так получилось?

— Ложь. Она чертова сука.

— Какая ложь? Ты отличный отец, Шеймус. — Ее голос спокоен, но слезы продолжают литься ручьем.

— Судя по всему, я наркоман, который встречается с прости... — Я замолкаю, потому что не могу произнести это. Не хочу втягивать ее в свой кошмар.

Фейт делает глубокий вдох и заканчивает за меня.

— С проституткой. Она считает, что если я работаю стриптизершей, то, несомненно, проститутка.

Я киваю.

— Все еще хуже. У нее есть заверенные показания от мужчин, которые утверждают, что платили за секс. С тобой.

Тихий плач Фейт превращается в рыдания.

— Я никогда, Шеймус. Ты должен поверить мне. Ты не представляешь, чего мне стоит танцевать перед незнакомцами. Это унижительно, и я чувствую себя не человеком, а объектом. Я бы никогда не смогла заниматься сексом с незнакомцем. — Она садится передо мной на корточки и кладет руки на мои колени. — Вчера ночью я занималась сексом второй раз, но он единственный, который имеет значение. То, что я отдала тебе было особенным.

Ты даже не представляешь насколько. Я бы не стала делать этого с каким-нибудь случайным парнем.

— Я знаю, Фейт, — говорю я, обхватив ее лицо ладонями. — Я знаю. То, что произошло между нами вчера ночью было особенным. — Я уверен, что она заплатила, чтобы они написали эти показания. Или сделала это за них. Как я уже сказал, Миранда — дьявол.

Фейт такая хрупкая и чистая; я до сих пор не могу стереть из памяти ее образ — она стоит на сцене топлес. Он не соответствует человеку, которого я знаю.

— Почему ты это делаешь? Почему обнажаешься? Ты говорила, что это часть твоего исследования, но тут что-то большее.

— Мне нужны деньги. — Ее голос звучит немного пристыженно, но уверенно.

— Найди себе соседей по квартире.

Она оглядывает свою комнату.

— И где они, по-твоему, будут спать? Не многие захотят делить одну кровать, Шеймус. А для большего тут просто нет места.

Я киваю.

— Переезжай в другую квартиру и ищи соседа?

Она качает головой.

— У меня практически заканчивается аренда, но пока мне нужно находиться здесь, — непреклонно отвечает Фейт.

— Почему?

— Поиск, — просто говорит она.

— Поиск — это не ответ на все вопросы.

Фейт закрывает глаза, будто начиная злиться.

— Это очень важно для меня. Я пытаюсь найти свою родную мать. Хочу накопить денег и заплатить кому-нибудь за ее поиски. Мне нужно узнать кто я есть.

Я тру лицо руками и соглашаюсь с ней:

— Мне нужно забыть, кто я есть. А тебе нужно продолжать искать маму. Это важно.

— Ты знаешь, кто ты есть, Шеймус. Не забывай об этом. Ты должен бороться за за своих детей. Верни их. Они принадлежат тебе.

Я киваю. А потом фыркаю.

— Звучит легко, неправда ли? Верни их. — Я снова фыркаю и провожу руками по волосам. — Я не могу просто поехать в Сиэтл и выкрасть их. Это невозможно. Вернее, *невозможно*, я знаю. Но очень трудно. Так же трудно, как и найти твою мать. Миранда держит меня за яйца. И у нее есть деньги. А у меня нет. Это сильно осложняет борьбу.

Фейт кивает.

— Я хочу, чтобы они вернулись. *Сейчас*. Хочу подняться по лестнице и увидеть их сидящими на диване. Ждать еще неделю, чтобы увидеть их — это слишком долго. — Еще чуть-чуть и я заплачу. — Боже мой, моя жизнь стала полным дерьмом.

— Мне жаль, что мать твоих детей — Антихрист, — грустно улыбается она. Я согласно киваю. — Но ты со всем справишься. А пока моя компания ничем не может помочь тебе. — Так говорят перед тем, как сообщить плохие новости.

Я прищуриваюсь.

Фейт нежно улыбается, но в ее глазах уже стоят слезы.

— Прости, Шеймус. Нам нельзя быть вместе, и мы оба это знаем. Иначе ты никогда не вернешь своих детей. — Она поднимает взгляд на потолок и часто моргает, но это не

сдерживает слезы, и они начинают катиться по ее щекам. Фейт продолжает говорить, так и не глядя на меня. — Ты не представляешь, как мне больно говорить эти слова. Это, черт возьми, убивает меня. — Она опускает голову и смотрит мне прямо в глаза, и я чувствую, что она хочет сказать по ее взгляду. — За свою жизнь я много раз переезжала. Встречала большое количество людей. Мне нравится твое сердце, Шеймус. — Она обхватывает ладонью мою щеку, нежно целует в уголок губ и шепчет, — Моему сердцу *очень* нравится твое сердце.

Она права.

Я не хочу, чтобы она была права.

Но это так.

Черт побори.

Я встаю с ее помощью. И мы ведем долгий разговор глазами. Я говорю ей все, что не могут произнести губы, потому что слова — это пустое. У них нет будущего за пределами входной двери.

А потом я прошу ее об объятии.

Объятие — это подтверждение того, что мы только что сказали друг другу глазами. Подтверждение каждого обещания, которого мы не могли сделать вслух. Я не хочу отпускать ее. Я сжимаю в руках ее футболку в отчаянной попытке выжать все, что могу из этого момента и забрать его с собой, когда выйду за дверь. Когда мы отстраняемся друг от друга, моя рубашка оказывается промокшей от ее слез. Я ухожу, и ни один из нас не произносит ни слова, потому что тут больше нечего сказать.

Глава 31

Иисус, Мэри и Иосиф

Шеймус

Настоящее

Как только я открываю дверь своего кабинета, раздается телефонный звонок.

— С вами говорит мистер Макинтайр, — отвечаю я.

— Шеймус, — прочистив горло произносит Джанет. — Не мог бы ты сейчас же зайти ко мне в офис. Извини. — То, как она это говорит, заставляет меня нервничать. Мне нравится Джанет, но я начинаю ненавидеть ее звонки.

Я иду медленно, будто плохие новости каким-то образом уменьшаются или исчезнут к тому времени, как я доберусь до нее.

Но этого не происходит.

Джанет приглашает меня зайти в пустой кабинет и закрывает за нами дверь. Я не знаю, что она собирается сказать, но уже благодарен за то, что эта женщина позаботилась об уединении.

— Они хотят, чтобы ты сделал тест на наркотики сегодня утром, — говорит Джанет, протягивая мне бланк. — Тебе придется уйти с работы прямо сейчас, чтобы успеть. — Она прикусывает нижнюю губу, будто сожалея, что вынуждена доносить до меня плохие новости и одновременно надеется, что я чист.

— Кто они?

Джанет оглядывается, словно мы не одни, а потом отвечает, понизив голос:

— Я не должна ничего тебе говорить, но в пятницу после обеда мне позвонили из администрации и сказали о тесте. — Она замолкает и нервно облизывает губы. — Днем раньше, директору Брентвуду был доставлен конверт от юриста твоей жены. Он не был

запечатан. — Женщина закрывает глаза, признавая, что совершила плохой поступок. — Я открыла его и просмотрела документы. Там было письмо, извещающее о том, что ты подозреваешься в употреблении наркотиков, и фотография...

— Господи Иисусе, — прерываю ее я.

— Мария и Иосиф, — тихо подхватывает она, соглашаясь со мной. Джанет знает, через что я прошел с Мирандой. — Шеймус, это очень серьезно. При любом подозрении в употреблении наркотиков, сразу же проводят тест. Ты знаешь это. И если он будет положительным, тебя уволят. — Она интересуется пройду ли я проверку.

Я выдерживаю ее взгляд и отвечаю:

— Я не употребляю наркотики, Джанет. Ты должна поверить мне. Все не так, как выглядит.

Она с облегчением кивает головой.

— Я верю тебе, Шеймус. А теперь иди сделай тест и докажи это им.

Я сделал тест.

И оказался чист.

Выкуси, Миранда.

Глава 32

Невозможно быть достойной святого

Миранда

Флешбэк

Верная своему слова, я подала на развод. Шеймусу вручили документы в понедельник, когда он был на работе.

Он и не предполагал, что такое может произойти.

Когда я возвращаюсь с работы домой, Шеймус ждет меня. Дети уже спят, как обычно. Наверное, мне стоило поехать в отель, но дом достаточно большой, чтобы мы могли в нем жить и избегать друг друга.

Когда я захожу, он сидит в кресле, которое перетащил из гостиной, и смотрит на входную дверь, сжимая в руке бутылку пива. Под ногами у него выставлены в ряд пять идентичных, но пустых бутылок.

— Кто он?

Меня раздражает то, что он не дает мне времени, чтобы положить сумку и снять пиджак, а сразу начинает нападать. Поэтому я ничего не отвечаю.

Шеймус терпеливо ждет и пьет пиво.

— Ты о чем? — невинно спрашиваю я.

— Кто тот мужчина, к которому ты уходишь? — спокойным голосом произносит Шеймус и это беспокоит меня больше, чем если бы он кричал. Побелевшие костяшки пальцев, которыми он сжимает бутылку свидетельствуют о том, что мой муж едва сдерживает злость.

— Мне просто надоело, Шеймус. — Не знаю, почему я не даю ему конкретного ответа. Я ждала этого дня много лет. Я упорно работала, чтобы выстроить свою судьбу, а теперь, когда у меня это получилось, все оказывается сложнее, чем я думала.

Черт.

— Он зарабатывает больше, чем я? Дело в этом?

«Намного», — думаю я.

— Он лучше выглядит?

«Нет. Он привлекательный, но никто не выглядит лучше, чем ты».

— Водит дорогую машину?

«Его возит в дорогой машине водитель».

— Покупает тебе дорогие подарки?

«Не в этой жизни».

С каждым вопросом его голос становится громче. Я не отвечаю вслух ни на один из них.

А Шеймус продолжает едко и гневно сыпать вопросами:

— Он любит и заботится о твоих детях?

«Ему не нужны дети. Даже собственные».

— Он ухаживает за тобой, когда ты болеешь?

«Он бы попросил об этом домработницу».

— Он привозит тебе поесть, когда ты остаешься на работе на всю ночь?

«Он даже не подумал бы об этом».

— Он встает до восхода солнца в день твоего рождения и готовит тебе любимые ореховые блинчики с маслом и сиропом?

«Он не готовит. И не знает, что я люблю ореховые блинчики».

— А он знает, что тебе нравится, когда гладят спину, если ты не можешь уснуть, потому что это расслабляет тебя?

«Он не из тех людей, которые станут это делать».

Мне хочется взять и убежать от его вопросов и своих не озвученных ответов. Я собиралась рассказать ему, что ухажу. А он должен был спокойно принять это. Шеймус не должен был спорить со мной. Он не должен был заставлять меня думать. На кончике языка так и крутится что-то обидное и злое.

— Чем он лучше для тебя, чем я? — вопит Шеймус.

— Он здоровый! — Вот оно. Худшее, что я могла сказать ему. То, что разрушит его. Потому что он верит в это. Шеймус знает, что он хороший отец, муж, психолог и человек. Он знает и не сомневается в этом. Но вот здоровье он не может изменить, как бы сильно ему не хотелось этого. Оно его ахиллесова пята. И я только что ударила по ней.

Я буду вечно гореть на самом жарком погребальном костре ада.

Потому что, на самом деле, никто не будет для меня лучше, чем Шеймус. В дальних, темных уголках души я знаю это. Я ухажу от него не из-за болезни. Нравится ли она мне? Нет. Делает ли она его менее привлекательным в моих глазах? Да. Но делает ли это Лорена лучшим мужчиной, чем Шеймус? Нет. Просто все, чего я хочу, находится рядом с Лореном. Шеймус не может быть королем для такой королевы, как я.

Потому что он святой.

А быть достойной святого просто невозможно.

Он не опровергает мои слова. И не спорит. Шеймус встает, допивает остатки пива и, бросив бутылку на пол к остальным, идет в сторону коридора. Перед тем, как повернуть за угол, он оборачивается и смотрит на меня так, что во мне поднимается буря эмоций.

— Он никогда не будет любить тебя так, как я, — наконец произносит Шеймус хриплым отчетливым голосом. Я уже и забыла, как мне нравился его голос, когда мы только начали встречаться. В первый раз, когда он заговорил, у меня запорхали в животе бабочки.

Сказав это, Шеймус развернулся и ушел.

А я почувствовала, что наша двенадцатилетняя связь разорвалась, как резиновая лента.

Вот и еще один *фак* от Вселенной. Я так и слышу, что она опять смеется надо мной.

Глава 33

Дым, вызывающий удушье

Шеймус

Настоящее

Проходит месяц.

Ко мне вернулось зрение. Не такое хорошее, как раньше, но я не жалуясь. В ногах появилась чувствительность и онемение сменилось покалыванием, болью и быстрой усталостью. Из-за отсутствия аппетита я много потерял в весе и уже забыл, что такое здоровое тело и дух. Я не живу, а просто существую.

Работа превратилась в тяжкий труд. Я продолжаю заниматься с детьми и делаю все, чтобы помочь им, но мною движут обязанность и долг, а не сердце.

Вне работы я разговариваю только с миссис Л. раз в месяц, когда заносу ей чек за аренду квартиры. Она задает мне наводящие вопросы, пытаюсь вывести на эмоции. Я знаю это, будучи психологом. Она настолько добра и искренне переживает, что я с трудом сдерживаюсь, чтобы не излить ей душу и вместо этого даю расплывчатые, уклончивые ответы.

Я скучаю по Фейт. Очень скучаю. Я привык наблюдать за тем, как она приходит и выходит из своей квартиры. Привык изучать ее манеру ходить и то, с какой грацией и непритязательной уверенностью она делает это. И я восхищаюсь этим, потому что знаю, что она — не продукт воспитания. Фейт сама обнаружила и выпестовала все это в себе. Я больше не наблюдаю за ней, потому что вскоре начал чувствовать себя сталкером. Мука от невозможности общения с ней извратила наблюдение и превратило его в запретное, полное вожделения подглядывание. А я не такой.

Каждый вечер я звоню детям. Иногда говорю с ними, но гораздо чаще мне сообщают, что это невозможно. Меня бесит, что Миранда взяла общение с детьми под свой контроль. Мою ярость можно было бы успокоить словами или разговором с человеком, которому я доверю. Вот только этот человек — Фейт. Вечерами я пытаюсь справиться со злостью с помощью спиртного и снотворного, которое прописал доктор. Но это не помогает, а лишь отключает на несколько часов сознание. Когда мне все же удается пообщаться с детьми, то я настолько счастлив, что к концу разговора чувствую себя вымотанным. Я рад до невозможности слышать их голоса, но они кажутся такими сдержанными и грустными. Это разрывает мне сердце. Раньше они говорили, что хотят домой, но время быстро обтесало их и теперь личные качества, которые делали моих детей такими уникальными, сгладились, чтобы подстроиться под льстивый, жесткий мир Миранды — мир, где не существует детства. В нем нет веселья, креативности, индивидуальности, потому что ничего из этого не поможет тебе в бездушном мире, где главное — это деньги и карьера. Рори больше не говорит с акцентом. Кира перестала мило болтать и Огурчик превратился просто в кота. А Кай все время молчит. Не потому, что занимается самоанализом, а потому что сдался.

Она высасывает из моих детей жизнь.

Я пытаюсь вести с ними разговоры на позитивной ноте, поощряю их каждым словом. Они привыкли к этому. Так было всегда, даже когда мне было плохо или голова была забита проблемами с Мирандой. Дети были моим светом, моим негасимым пламенем, которое я подпитывал каждый день... каждый час... каждую минуту, чтобы оно становилось сильнее, ярче и мощнее. Потому что именно так и поступают родители, даже не задумываясь. *Именно*

так. Они наполняют своих детей любовью, чуткостью, состраданием и знаниями, чтобы, став взрослыми, они горели так ярко, что их невозможно было погасить.

Но сейчас поддержание огня требует больших усилий. Пламя превратилось в маленькую искру, которую я пытаюсь разжечь с помощью сырых веток и промокшей бумаги.

А в итоге получается только густой дым.

Вызывающий удушье.

У меня.

И у них.

Раньше я каждый день писал и отправлял им письма. Но они ни одного не получили. Я знаю, потому что спрашивал своих детей об этом. Уверен, домработница Миранды перехватывала их и отдавала ей. Я даже послал несколько заказных писем, но они пришли обратно. Я до сих пор пишу послания и складываю их в коробку из-под обуви, которую отдам детям, когда у меня появится возможность увидеть их. Миранда может ограничивать наше общение, но не в силах запретить его совсем.

Глава 34

Барахтанье в выгребной яме подлости

Шеймус

Настоящее

День благодарения.

Наконец-то он настал.

Мой первый визит с тех пор, как Миранда обманом забрала опеку над детьми себе.

В школе всю неделю каникулы, поэтому во вторник утром я загружаю в машину чемодан с одеждой, автомобильный холодильник с едой и водой, коробку из-под обуви с письмами и сердце, полное надежды. А потом еду на север.

Спустя одиннадцать часов я, наконец, сдаюсь и останавливаюсь в зоне отдыха, чтобы поспать несколько часов.

Когда я подъезжаю к воротам дома Миранды, у меня ужасно болят ноги и голова.

Но предвосхищение предстоящей встречи сводит это все на нет. Мои дети, *мои дети*, ждут меня по ту сторону забора, внутри этого дома.

Я звоню Миранде. Она не берет трубку.

Я звоню на домашний телефон.

— Резиденция Букингэмов, — с сильным акцентом отвечает домработница.

— Могу я поговорить с Каем?

Она знает, что это я, но продолжает соблюдать формальности.

— Кая нет дома.

— Что? Это его отец. Я здесь, чтобы забрать детей.

Она откашливается и наносит мне смертельный удар с такой самоуверенностью, которой восхитилась бы даже Миранда.

— Миссис Букингэм с детьми на каникулах. Они вернутся в понедельник.

Я в таком шоке, что не в состоянии злиться. Но это ненадолго. Очень скоро ярость начинает скапливаться у меня внутри и выплескивается целиком на эту женщину.

— Где, черт возьми, мои дети? — Эти слова выходят из глубин того мрачного темного места, где рождается ненависть.

Мне в ответ раздаются гудки.

Я бросаю телефон на пассажирское сиденье и выбираюсь из машины. А потом начинаю колотить тростью по железным воротам и выкрикивать ругательства в адрес огромного, претензионного здания, которое теперь является домом моих детей.

Из парадного входа появляется крепкая суровая женщина и направляется ко мне. На ее лице смесь страха и раздражения. Она машет перед собой руками, требуя, чтобы я вел себя спокойно.

К черту спокойствие.

— Где мои дети? — снова кричу я. Это было вовсе и необязательно, потому что она стоит всего в шести шагах от меня. Но злость лишила меня воспитанности. — Если вы не скажете, где мои дети...

— Успокойтесь, — шипит она, прерывая меня. — Их здесь нет. Я же сказала. — Женщина даже не смотрит на меня, вместо этого изучая улицу, чтобы убедиться, что мои действия не привлекли ничьего внимания. Теперь она явно нервничает и ее голос звучит уже не так уверенно, как по телефону.

Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться. Но это не срабатывает. Делаю еще один. Не помогает. Поэтому я говорю сквозь стиснутые зубы, чтобы приглушить рвущиеся крики.

— Куда они уехали?

Домработница выразительно качает головой и быстро отвечает, будто пытаюсь ускорить мой уход:

— Я не знаю. Мне ничего не сказали об этом.

Я пристально смотрю ей в глаза, пытаюсь прочесть правду ли она говорит. Но ничего не вижу в них, кроме страха. Женщина снова оглядывает улицу. Я отворачиваюсь от нее и бью кулаком по капоту машины.

— Чееееерт! — Это длинное, продолжительное высвобождение разочарования и злости, грохочущее во все легкие. Вокруг меня повисает такая злость, что я практически могу дотронуться до нее. Ударить. Или придушить голыми руками.

Спорить бесполезно. Боль в груди говорит мне, что она не лжет и что моих детей тут нет.

Но упрямая часть меня убеждает подождать на всякий случай. Посмотреть, вдруг они выйдут или вернуться домой.

В ожидании, я перекусываю двумя сэндвичами с арахисовым маслом и выпиваю бутылку воды.

После захода солнца, я мочусь на растущие возле ворот кусты.

Около трех часов утра я засыпаю, но через час уже открываю глаза.

Перед восходом я снова мочусь на кусты, съедаю яблоко, еще один сэндвич с арахисовым маслом и выпиваю последнюю бутылку воды.

Спустя двадцать четыре часа барахтанья в выгребной яме подлости Миранды, я сдаюсь и еду домой, останавливаясь только для того, чтобы заправиться.

К тому моменту, как я добираюсь до квартиры, мое тело, мозг и дух полностью выходят из строя.

Я пишу детям письмо и рассказываю им обо всех плохих вещах, которые когда-либо делала их мать. Рассказываю, как я ненавижу ее. И как должны ненавидеть ее они. О том, как мне жаль, что она присутствует в их жизни. И как я мечтаю о том, чтобы она умерла и сгнила в аду.

А потом я сминаю его и выбрасываю в мусорное ведро, потому что моим детям не

нужна моя ненависть.

Им нужна любовь.

Поэтому я достаю лист бумаги и пишу:

28 ноября

Кай, Рори и Кира,

Я вас очень люблю. Каждую секунду. Не важно, рядом вы или нет, я люблю вас.

Всегда помните об этом.

Папа

Закончив, сворачиваю его и складываю в коробку из-под обуви к остальным письмам.

А потом пью текилу и, пропустив прием снотворного, потому что настолько устал, что едва держу глаза открытыми, впадаю в состояние спячки.

Спустя четырнадцать часов я открываю глаза с ощущением пустоты в груди. Как будто Миранда взяла хирургическую ложку и выскоблила из меня жизненную силу, способность любить и видеть хорошее в людях и окружающем мире.

Глава 35

Сбрасывая сожаление, как змеиную кожу

Миранда

Флешбэк

Я стою в комнате, которая всего час назад была моей спальней. Теперь она принадлежит кому-то другому. Меня не должно быть здесь. Сегодня утром я подписала все необходимые документы и передала ключи. Но оставила один, чтобы вернуться и проститься.

В комнате пусто. На ковре вмятины от четырех кроватных ножек. Напоминание о том, что когда-то тут текла жизнь.

А теперь тихо.

И холодно.

Как у меня внутри.

Развод завершен. Уже несколько недель я нахожусь в Сиэтле с Лореном. Живу новой жизнью. Той, о которой мечтала.

Именно об этом я постоянно напоминаю себе. «Это жизнь, о которой ты мечтала».

Вчера вечером мы с Лореном поженились. Он договорился со священником, что тот проведет церемонию у нас дома. Она длилась пять минут. А Шеймусу я солгала, что мы уехали в медовый месяц в Европу. Не будет никакого медового месяца; мы даже не сходили в ресторан, чтобы отметить заключение брака.

Я закрыла глаза и позволила печали, потере и сожалению взять над собой верх. Я никогда не позволяла себе этого раньше. Вот почему сейчас я нахожусь здесь. Эти чувства сжирают меня изнутри. Я как змея, застрявшая в коже, которую она пытается сбросить. Они присосались ко мне, вызывая сильный зуд и неудобство. Мне нужно избавиться от них, чтобы я могла двигаться дальше.

Мысленно я представляю себе Шеймуса — такого привлекательного. У него темные, как ночь волосы и такого же цвета глаза, которые смотрят прямо во внутрь меня. Загорелая кожа, которую Шеймус получил от матери и высокое, крепкое тело, в которое он словно «заворачивал» меня.

На моих глазах выступают слезы. Он единственный человек, который занимался со мной любовью. Даже если я не отвечала ему взаимностью, он все равно отдавал мне свое

тело, сердце и всего себя. А я принимала это за должное. Я стремилась к физическому удовлетворению с другими, чтобы унять зуд. Я не могла ответить на любовь любовью. Но теперь понимаю, как мне нравилось получать ее.

Я обменяла любовь на власть.

Но это была неравноценная сделка.

Даже и близко.

Я всегда считала, что все контролирую. Что удачно дурачу его, чтобы он не подумал соскочить. Я отдавала ему сантиметр. А получала в ответ целую милю. Непропорционально — вот как функционировали наши отношения. Он никогда не замечал или просто не показывал того, что понимает это. Потому что я вышла замуж за того, кто предпочитал давать, а не брать. Шеймус довольствовался редкими комплиментами и прикосновениями. А иногда глубокими разговорами. Мое присутствие поработило его, и он старался насладиться каждой минутой, проведенной вместе. В то время я считала, что добиваюсь этого с помощью умелого манипулирования. Но сейчас, сидя в этой комнате и погрязнув в сожалении, начинаю понимать, что это были искренние чувства Шеймуса.

Я начинаю рыдать.

И чем дольше я это делаю, тем злее становлюсь.

Я злюсь на себя. На Лорена. На Шеймуса. На чувства, которые не хочу чувствовать. На тоску, которая вот-вот задушит меня. На беспомощность и одиночество, которые стали моими постоянными спутниками.

Я, черт возьми, злюсь.

И хочу, чтобы все остальные чувствовали себя также.

Глава 36

Не было бы счастья, да несчастье помогло

Шеймус

Настоящее

Иногда я заезжаю в наш старый район. Но никогда не проезжаю мимо дома, в котором жили мы с Мирандой. Я просто катаюсь по округе или заглядываю в библиотеку. Или сижу в парке и наблюдаю за тем, как маленькие ребята кормят хлебными крошками птиц. Или захожу в продуктовый магазин и покупаю банку соленых огурчиков.

Сегодня я сделал все вышеперечисленное и почувствовал себя ближе к своим детям. Я так ясно представлял себе их, находясь в знакомом месте, куда мы частенько с ними заглядывали. Сначала я сходил в библиотеку и парк, а потом направился в магазин.

Неожиданно меня остановил чей-то голос.

— Шеймус? Шеймус Макинтайр?

Я повернулся и посмотрел на женщину, которую узнал лишь когда она улыбнулась. Эта улыбка преобразила морщинистое кислое лицо в дружелюбное и милое.

— Джастин, рад тебя видеть. — Джастин много лет была ассистенткой Миранды. Я часто разговаривал с ней, в основном по телефону, потому что это был самый легкий способ передать сообщение для Миранды, когда она была на работе. Джастин была дерзкой и прямолинейной женщиной, наверное потому и долго продержалась на этой должности. Миранда признавала лишь таких же гадюк. Вот только она не смогла разглядеть, что за холодной внешностью скрывалось сердце. Оно не было мягким и любящим, и не привлекало друзей и поклонников; это было честное сердце, которое проявляло заботу выборочно.

Иногда резко и жестко, но без дурных намерений. Когда я звонил, она всегда расспрашивала меня о детях. Когда у меня диагностировали рассеянный склероз, она тряслась надо мной, как самая настоящая властная мамочка. В наш последний разговор, на следующий день после того, как Миранда сообщила мне о том, что уходит, Джастин сказала:

— Не было бы счастья, да несчастье помогло. — Я был настолько потрясен новостью Миранды, что не обратил внимания на ее слова, но сейчас неожиданно вспомнил их.

— Я тоже рада тебя видеть, Шеймус. — Джастин по-деловому пожала мне руку и слегка погладила по ладони, чтобы смягчить излишнюю твердость. Мне всегда казалось, что так она пытается установить связь. Ее серьезность не дает ей выражать чувства; она как барьер, отгораживающий ее от людей. Именно поэтому ее поглаживание по ладони особенно ценное. Ведь я знаю, как тяжело ей показывать то, что чувствует сердце. Мне сразу вспомнилось как Фейт упомянула о том, что ее никогда не обнимали в детстве. Может Джастин росла в таких же условиях?

— Как ты держишься? Выглядишь ужасно. Ты что, совсем наплевал на себя? — Вот оно, заботливое сердце и никакого фильтра во всей красе.

Я пожимаю плечами. Я не могу ей врать. Она учует ложь, как гончая.

— Как дети? — покачав головой, продолжает Джастин.

— Они живут в Сиэтле с Мирандой.

Джастин обескуражено смотрит на меня, а потом у нее округляются глаза.

— Что? — Она не просит повторить сказанное; это выражение шока.

— Да, — киваю я. — Она сфабриковала против меня дело и несколько месяцев назад забрала моих детей. С тех пор я ни разу не видел их и лишь изредка разговариваю с ними. — Я тяжело слатываю, потому что еще ни разу и ни с кем не говорил об этом, не считая самого себя, когда напиваюсь.

— Я никогда не могла понять, почему такой мужчина как ты, сошелся с подобной женщиной.

— Что вы имеете в виду?

Она по-матерински смотрит на меня и отвечает:

— Ты хороший человек. А она нет. Вы как вода и масло — не должны были смешиваться.

— Она подарила мне трех прекрасных детей. — Я не защищаю Миранду, по крайней мере это — правда.

Джастин прикусывает губу и задумчиво смотрит поверх моего плеча. В ее голове крутится что-то важное, но она не решается произнести этого вслух. Когда мы снова встречаемся взглядами, ее рот сжимается в тонкую линию.

— Не мог бы ты дать мне свой адрес, Шеймус?

— Зачем? — недоуменно спрашиваю я.

В ее глазах сквозит твердая решимость и грусть.

— Я хочу написать тебе письмо, — произносит она, как будто это отвечает на все вопросы. Но, не дождавшись от меня ответа, продолжает: — Ты должен кое-что узнать.

Я ничего не понимаю, но внутри уже начинает все скручиваться.

— Расскажите мне, — убеждаю я ее. Мой голос звучит гораздо увереннее, чем я себя чувствую.

Джастин улыбается и удрученно качает головой.

— Я не могу. Может, у меня и каменное сердце, но я знаю, что такое сострадание и

жалость. Ты должен узнать об этом в одиночестве, а не перед входом в продуктовый магазин. Ты заслуживаешь этого.

— Расскажите мне, — умоляю я ее.

Она делает глубокий вдох и хмуро смотрит на меня.

— Я не... — Мне кажется, что на этом Джастин и закончит, но она продолжает: — хочу видеть твою реакцию. Я не хочу быть той, кто причинит тебе боль, Шеймус.

— Но вы всего лишь человек, который принесет плохие новости.

— Это не важно. Человек, который приносит плохие новости, всегда поглощает в себя ударную волну эмоций. А я не хочу этого. Прости, Шеймус. Так как насчет адреса?

Я вытаскиваю их кармана чек за бензин и, написав на оборотной стороне адрес, вручаю его Джастин.

Она аккуратно сгибает его пополам и убирает в сумку, а потом протягивает мне руку.

Я принимаю ее пожатие и легкое поглаживание ладони. Я знаю, что это извинение.

— Береги себя, Шеймус. Твои дети должны жить с тобой. Постарайся найти выход. А главное верь.

Я молчу. Я просто не могу ничего сказать. Отпустив мою ладонь, Джастин заходит в магазин. Я слишком плохо себя чувствую, чтобы покупать соленые огурчики, поэтому разворачиваюсь и возвращаюсь в машину.

А потом еду домой и жду письмо, которое должно разбить мне сердце.

Снова.

Глава 37

Спрессованные волокна целлюлозы и плохие намерения

Шеймус

Настоящее

Два дня спустя я стою на коврикe и вытаскиваю из почтового ящика рядом с дверью три конверта.

В первом — счет за телефон.

— Следующий, — громко произношу я, будто это каким-то образом уничтожит само существование документа.

Во втором конверте — флаер из китайского ресторана вниз по улице. У меня начинают течь слюнки при виде изображения курицы в кунжутном соусе, но потом я вспоминаю, что их еда на вкус как дерьмо и совершенно неаппетитная.

— Следующий, — говорю я, сглатывая неприятное воспоминание об отвратительной пище, которую мне довелось попробовать несколько недель назад.

Третий.

Третий конверт — это...

Я роняю конверты на пол, как будто слова, написанные на спрессованных волокнах целлюлозы, уже известили мои ладони о своих плохих намерениях.

Моя почта теперь лежит на коврикe между буквами «W» и «E» — «MY».

На меня хмуро смотрят буквы из письма, каждая из которых была выдавлена на бумаге с одной целью. Они пугают меня.

«MY». Я не могу прочитать это письмо без Фейт.

Не раздумывая, я поднимаю его и, спустившись по лестнице, стучусь в ее дверь.

Фейт не отвечает. Я стучусь снова, чувствуя, что паника, как вода, начинает затапливать мои легкие. Но в ответ опять молчание.

Я упираюсь лбом в дверь и со слезами на глазах начинаю молить:

— Пожалуйста, Фейт, открой дверь. Ты нужна мне. — А потом прикрываю рот рукой и начинаю приглушенно рыдать.

Глава 38

Я никогда не думала, что у меня есть типаж

Фейт

Настоящее

Шеймус.

Шеймус Макинтайр.

В первый раз, когда я его увидела, у меня перехватило дыхание. Такого еще никогда не случалось. Я на несколько секунд перестала дышать, будучи физически не в состоянии втянуть воздух в легкие пока мозг не запечатлеет в памяти его идеальный образ. Я никогда не думала, что у меня есть типаж. Наверное потому, что не встречала Шеймуса Макинтайра. Мне не хотелось отводить от него взгляд. Никогда. Он был высоким и внушительным мужчиной, но его движения и осанка говорили о том, что у него добрый и спокойный характер. У него были короткие волосы, которые выглядели так, будто им не мешает стрижка — идеальное сочетание неукротенности и растрепанности, которое создает немного излишняя длина. Это также намекало на то, что он не был зациклен на своей внешности. Поношенные джинсы, обшарпанные ботинки и простая белая футболка только подтверждали мою догадку. Все в его лице — щетина на подбородке, высокие скулы, прямой нос и темные, глубоко посаженные загадочные глаза — кричало о противоречии. Сила против мягкости. Молодость против мудрости. Стойкость против ранимости. Я еще никогда не видела настолько выразительных черт. А узнав его, поняла, что этот человек ничего не скрывает — у него все написано на лице.

Впервые меня потянуло к Шеймусу как к мужчине, когда я увидела, что он сел на колени перед маленькой девочкой, Кирой. Это было на тротуаре. Она плакала и громко икала. Шеймус мог просто погладить ее по голове, но он с большим трудом опустился на колени. В тот момент я поняла, что для своих детей этот мужчина сделает все. *Все, что угодно.* Тогда же я осознала еще одну вещь — влечение к другому человеку происходит инстинктивно и произвольно. Я наблюдала за тем, как он смотрел в глаза ребенка, утешая ее, а потом крепко обнял. И именно в эту секунду мое сердце решило, что ему нравится Шеймус Макинтайр больше, чем любой другой человек в мире.

Когда я впервые поцеловала Шеймуса, мой мозг отключился и одновременно заработал быстрее. Меня ошеломили физические ощущения. И я поняла, что меня никогда еще не целовали до этого момента. Губы Шеймуса рассказывали историю. Историю, в которой мне хотелось жить. Реалистичную историю с примесью темноты, которая превращалась в свет. В свет, который заставлял меня поверить в существование любви. Чистой, настоящей, всепрощающей бессмертной любви. В каждом движении его губ, каждом вздохе и стоне чувствовалась притягательная сила и искренность. Поцелуй Шеймуса был похож на поцелуй в поцелуе. Слои за слоем он вскрывал и обнажал мои чувства.

В тот первый и единственный раз, когда мы занимались сексом, Шеймус сделал мне огромный подарок, даже не подозревая об этом. Он не знал о моем прошлом, потому что я не хотела вываливать на него правду, но в ту ночь ему удалось победить некоторых из моих демонов. Шеймус занимался со мной любовью. Это была сильная и глубокая связь разума, тел и душ. Я и не подозревала, что такое может быть.

В ту ночь произошло еще одно событие — я влюбилась в него, целиком и полностью.

В первый раз, когда я попрощалась с ним, мое сердце разбилось на мелкие кусочки. Это был взрыв, который уничтожил меня и оставил после себя только пыль. Но Шеймусу нужно было бороться за своих детей. Они должны были оставаться самыми важными людьми в его жизни. А мне нужно было найти и склеить себя. Мой поиск еще далек от завершения. Мне нравится думать, что в другое время и в другом месте, у нас могло бы получиться что-то большее. Что в этом мире могли бы существовать *мы*.

Мое время в этом месте вышло. Я дала себе шесть месяцев, чтобы найти настоящую мать. Я понимала, что это маловероятно, ведь я даже не знала ее имени. Но мне хотелось думать, что вера и какая-то невидимая сила приведет меня к ней. Что она исполнит мое желание, потому что я верю в чудеса. Я верю в то, что в жизни каждого человека однажды происходит чудо.

Наверное, мое время еще не пришло.

Вчера я ушла с работы и поклялась себе больше никогда не танцевать стриптиз. Но я ни в коем случае никого не осуждаю. Каждый старается выжить как может. Некоторые девочки в одиночку воспитывают ребенка. Некоторые учатся и пытаются заработать на колледж. А некоторые — наркоманки, желающие приглушить боль, которую не заслуживает ни одно живое существо. Мы все обнажались, чтобы выжить. Различие лишь в том — *ради чего* нам нужно было выживать.

Сегодня утром я поговорила с миссис Л. и поблагодарила ее за гостеприимство. Я сказала ей, что, возможно, вернусь через несколько недель. Но это была ложь. И она это знала. На прощание миссис Л. вручила мне тост из ржаного хлеба с копченой говядиной и собственноручно окрашенный шарф. Бутерброд был вкусным, а от шарфа пахло пачули.

В обед я навестила Хоуп. Я принесла ей сумку с продуктами, в основном с фруктами, потому что обычно она питается непонятно чем, и обняла ее напоследок. Не думаю, что она поняла, что больше никогда не увидит меня. Что в этот раз мое прощание означает именно это. Что я не вернусь завтра и не скажу ей «привет», хотя и буду переживать как у нее дела. Что я не принесу ей остатков еды, хотя и буду волноваться, что она плохо питается и слишком худенькая. Что я больше не подарю ей одежду, которую куплю дня нее на распродаже в комиссионном магазине. Что мы больше не будем вместе смотреть ее любимое кино, которое каждый раз вызывает у нас смех. Что я больше не куплю ей зубную пасту и дезодорант и не напомню о необходимости пользоваться ими.

Я буду скучать по ней. По ее пресному чувству юмора, которая проявляет себя в самые неожиданные моменты. По тому, как она ужасно сочетает одежду и по ее спутанным волосам, которые она не разрешает мне расчесывать. Я буду скучать по ее одержимости радиостанцией, которая ставит только поп-музыку и пению в самое неподходящее время. А еще по выражению, которое иногда принимает ее взгляд и которое заставляет меня думать, что она видит то, чего не видят остальные.

Я отдала Хоуп конверт для Шеймуса и наказала передать его ему. В нем письмо, в котором говорилось о том, что я уезжаю и буду скучать. А еще я попросила его приглядывать за Хоуп.

Мне было грустно покидать ее квартиру. Я пыталась скрыть эмоции, но Хоуп ощутила их. Она многое не понимает в жизни, — Хоуп простая женщина — но каким-то шестым чувством всегда знает, что я испытываю. Я попрощалась с ней во второй раз. Она сказала, что любит меня. Я ответила ей тем же. В этот момент по моему лицу начали катиться слезы

и мне пришлось уйти. Никто и никогда не говорил мне таких слов.

Уже очень поздно. Я сижу под деревом, на том месте, где у нас с Шеймусом был пикник и смотрю на свет в его окне. Я жду, когда он пойдет спать, а пока наслаждаюсь воспоминаниями о том времени, которое мы провели вместе. Я воскрешаю в памяти каждый разговор и каждую улыбку, которой обменивалась с ним и его детьми. Пусть у них будет счастливое и совместное будущее, потому что они заслуживают этого. Я ждала этого несколько часов, но когда в его окнах внезапно гаснет свет, это застает меня врасплох. Неизбежное стало для меня сюрпризом. А я ненавижу их.

Так же, как прощания.

Вот почему я поднимаюсь по лестнице к его квартире, но не стучусь. Вместо этого я встаю на коврик, прямо в центре, между буквами «W» и «E» — «MY» и целую номер на его двери.

— Огромное-преогромное тебе спасибо, Шеймус.

Глава 39

Французский луковый соус и устранение негативных последствий

Шеймус

Настоящее

Я смог снова взять в руки письмо от Джастин только через три дня. Сейчас пятница, ночь, или, вернее, субботнее утро — недавно пробило час после полуночи. Я выпил несколько бутылок пива и не хочу принимать снотворное. Мне беспокойно и хочется чем-нибудь заняться. Сначала я ходил из угла в угол в гостиной. Но очень скоро у меня заболели ноги. Потом смотрел кино по *Netflix*, но оно было настолько неинтересное, что через тридцать минут после его окончания, я не могу вспомнить сюжет. Затем я доел раскрошенные чипсы, макая их в остатки французского лукового соуса из холодильника. Срок годности у соуса истек на прошлой неделе и, наверное, мне придется побегать в туалет. Это было не самое умное решение, но я виню во всем алкоголь.

Мне очень нужно чем-нибудь занять себя.

В этот момент мой взгляд падает на ... письмо от Джастин.

С него на меня все также хмуро смотрят мое имя и адрес.

Я хватаю его с края стола и иду на кухню, чтобы выбросить в мусорное ведро. Письмо приземляется на все еще мокрую кофейную гущу и практически пустую упаковку из-под соуса. Я наблюдаю за тем, как белая бумага жадно впитывает в себя влагу, отчего одна сторона становится коричневой, а другая покрывается застывшими пятнами жира.

Удовлетворившись его внешним видом, я возвращаюсь на диван и начинаю переключать каналы по телевизору. Это бесполезное занятие отвлекает меня всего на пять секунд, после чего я возвращаюсь на кухню и достаю «униженный» конверт из мусорной корзины. Смахнув рукой кофейную гущу, я вытаскиваю письмо и бросаю конверт обратно в кучу будущего компоста.

Письмо — это всего один-единственный листок не разлинованной бумаги. Каждое слово выведено уверенной рукой, с нажимом. Сама бумага выглядит обычной, но гладкая текстура намекает на ее высокое качество. С правой стороны, она сухая и чистая, а с левой покрыта просвечивающими пятнами всевозможных коричневых оттенков. Тем не менее, прочитав написанное можно.

Бумага недостаточно мокрая, чтобы с нее капало, однако, я зачем-то подхожу к раковине. Наверное, мне просто нужно опереться хоть на что-нибудь, чтобы сохранить

равновесие и здравый ум.

Дорогой Шеймус,

Сразу перейду к делу, чтобы не мучить тебя.

За год до рождения Киры Миранда была беременная. Но она не сообщила тебе об этом, потому что не хотела еще одного ребенка. Никогда не забуду, что она тогда сказала: «Я уже родила Шеймусу двоих и не собираюсь проходить через это дерьмо еще раз. В пятницу меня не будет, отметь это в моем расписании и подпиши как «устранение негативных последствий». Вот, что она заявила, когда я передала ей телефонное сообщение с напоминанием о приеме у доктора. Оно было из частной клиники, предоставляющей услуги по прерыванию беременности. Я узнала ее по названию, которое мелькало в новостях за пару лет до того, как ужесточили законы.

Миранда сделала аборт, а потом провела выходные на курорте в Малибу. Не знаю, что она тогда соврала тебе.

Мне жаль,

Дж.

Я бы мог сказать, что эта новость причинила мне сильную боль. Но для этого нужно чувствовать. А я ничего не чувствую. Кровь застыла у меня в венах. Сердце перестало биться, решив, что делать это больше незачем. А нервная система устроила бойкот, лишив меня возможности думать и двигаться.

Мое тело и разум будто контузило и теперь я вынужден осознавать ее поступок шокированным измененным сознанием. Постепенно я прихожу в себя, думая лишь о мести. Мне хочется лишить Миранду жизни, за то, что она убила моего ребенка.

От злости мне становится тяжело дышать. У меня начинается клаустрофобия. Я должен выйти на улицу.

Снаружи значительно прохладнее, чем внутри, но это не помогает охладить эмоции. Они словно разъедают мне внутренности. Пируют и обжираются, пока я не превращусь в оболочку, под которой нет ничего, кроме ярости.

Во мне поднимается волна паники и очень хочется поговорить с Фейт. Наплевать на Миранду и ее частного детектива, если он все еще следит за мной.

— Да пошла ты на хрен! — кричу я, спускаясь по лестнице. — Да пошла ты на хрен!

Я стучусь в дверь Фейт. Звук выходит громким из-за того, что в такой час очень тихо и потому, что у меня тяжелая «сердитая» рука.

— Она больше тут не живет, — совсем близко произносит чей-то тихий спокойный голос.

Настолько близко, что я вздрагиваю. Это оказывается женщина из первой квартиры, Хоуп. В этот момент до меня доходят ее слова.

— Что? — восклицаю я, спрашивая и отрицая ее заявление одним словом.

— Девушка, Фейт, она уехала несколько дней назад. — Голос Хоуп звучит довольно грустно, но в то же время бесчувственно, как будто все ее эмоции заперты где-то глубоко внутри.

Она сидит на земле перед открытой дверью своей квартиры и курит. Я останавливаюсь в нескольких шагах от нее, помня, насколько робкой и боязливой она была в тот единственный раз, когда мы общались.

— Куда она уехала? — спрашиваю я.

Женщина пожимает плечами и делает длинную затяжку. От этого у нее раздуваются

щеки и, кажется, что кожа вот-вот лопнет.

— Она сказала вам, что *уезжает*? — обличительным тоном произношу я, как напыщенный подросток, который сомневается в том, что ему сказали.

Мой голос не меняет ее поведения. Она не становится менее робкой или более дружелюбной. Хоуп просто кивает, продолжая делать затяжку за затяжкой, как будто от этого зависит ее жизнь.

Я раздраженно качаю головой, недовольный ее молчаливым ответом, а потом поворачиваюсь и направляюсь к лестнице.

— Она единственный человек, с которым я разговариваю, помимо миссис Липоковски, — внезапно произносит Хоуп. — Фейт. Мой единственный друг.

«Может, если бы ты была чуть более нормальной и иногда выходила из квартиры, то и люди чаще общались бы с тобой», — хочется сказать мне, но я тут же понимаю, что это говорит моя злость.

— Да, Фейт была особенной, — в конце концов, отвечаю я.

Хоуп не соглашается. И не отрицает. Она просто смотрит на меня мертвыми глазами, а потом спрашивает:

— Мне нужно сходить в магазин. Не хотите пойти со мной? — Я знаю, что эта женщина не будет разочарована, если я откажусь и не будет рада, если соглашусь. Оба эти ответа не вызовут у нее никакой реакции.

Отсутствие давление — вот одна из причин, почему я все же говорю «да». Ну а вторая заключается в том, что у меня закончилось пиво. Я проверяю есть ли в кармане деньги и ключи и киваю.

Хоуп молча заходит в квартиру, обувает потрепанные грязные шлепки и хватает с полу кошелек. Я обращаю внимание на то, что она не берет ключи, которые лежат рядом с довольно большой стопкой почтовых конвертов.

Когда женщина начинает закрывать дверь, я спрашиваю:

— А вы не хотите взять ключи.

— Нет, — вежливо отвечает она.

— Но вы же не сможете вернуться, — предупреждаю я. Складывается ощущение, будто я разговариваю с ребенком.

— Я никогда не запираю дверь. У меня нечего воровать.

Я мог бы поспорить с ней. Все-таки мы живем не в маленьком сельском городке и преступления довольно обычная вещь. Но я молчу, понимая, что она взрослая женщина. Хотя, чем дольше я с ней общаюсь, тем больше сомневаюсь в ее психическом здоровье. В социальном плане, она очень необщительная. Судя по всему, Хоуп отшельница, но я не знаю, чем это вызвано. Несмотря на то, что я чувствую себя очень неловко рядом с ней, одинокое времяпровождение в квартире сведет меня с ума. Поэтому я иду в магазин со своей сумасшедшей соседкой в два часа утра.

Мы идем молча. Она медленно передвигает ноги, подстраиваясь под мой темп. Я ценю это, о чем и говорю ей.

Хоуп никак не реагирует на мои слова, да я и не ожидал этого от нее.

В магазине я покупаю упаковку самого дешевого пива и вяленое мясо, а потом говорю соседке, что подожду ее на улице.

Она появляется минут через пять, согнувшись под весом четырех пакетов.

— Давайте я помогу вам, — предлагаю я.

Хоуп вручает мне одну из сумок, наполненную консервными банками с супом, венскими сосисками и фасолью. Я беру ее в одну руку со своим собственным пакетом.

Пока мы идем, я присматриваюсь к содержимому других сумок: сигареты, чипсы, каша, хлеб и молоко. Она покупает еду в круглосуточном магазине. Не знаю почему, но мне грустно за Хоуп. Ее отклонение не дает ей шансов на нормальную, сбалансированную жизнь. Не говоря уже о том, что это далеко не здоровая еда. А потом я смотрю на свой собственный пакет и, вспомнив об ужине, принимаю решение, не осуждать Хоуп.

— Вы часто ходите в этот магазин? — спрашиваю я.

Она смотрит прямо перед собой, как будто перед ней стоит задача, которая требует от нее исключительного внимания, и отвечает:

— По субботам и средам, в два часа утра.

— А почему вы делаете это посреди ночи?

— Меньше людей. Все спят, — как само собой разумеющееся отвечает она.

Остаток пути мы молчим. Мне немного неловко, но Хоуп, кажется, не имеет ничего против. Когда мы останавливаемся возле ее квартиры, я отдаю ей сумку. Она кивает, а потом, не говоря ни слова, закрывает дверь.

У меня в голове полная путаница и я очень устал. Зайдя в квартиру, я ставлю пиво в холодильник и кладу на стол вяленое мясо, а потом иду в кровать и мгновенно засыпаю.

Завтра мне нужна будет свежая голова.

Глава 40

Эпицентр ада

Фейт

Настоящее

Когда-то я поклялась, что никогда не сделаю этого.

Никогда не вернусь.

Никогда.

Но никогда не говори никогда.

Легкие будто наказывают меня за то, что я нарушила обещание. Я дышу часто и отрывисто. Страх не дает мне полноценно вздохнуть. С тех пор, как я уехала в Калифорнию у меня не было панических атак. Теперь я убеждена, что их вызывало мое географическое местоположение. Канзас-Сити — это эпицентр ада.

Мои ноги автоматически поднимаются по ступенькам автобуса, выполняя свою миссию. К тому моменту, как я сажусь на свое место, боль в груди становится непереносимой. Она уже достигла критической отметки, и я прижимаю к ней ладонь, моля об облегчении. У меня на коленях лежит рюкзак. Я прижимаю его свободной рукой к груди и, зарывшись лицом в грубую ткань, начинаю рыдать. Надеюсь, люди, которые сидят рядом, не станут обращать внимание на мои слезы и позволят мне спокойно выплакаться.

Так и получается.

Не знаю, сколько проходит времени, но, в конце концов, приступ ослабевает, оставляя после себя полное опустошение. Следующие пять сотен миль я сплю, периодически открывая глаза и с каждым разом приближаясь все ближе и ближе к врагу.

Когда автобус останавливается на станции в Канзас-Сити, у меня начинает болеть все тело. Каждая мышца протестует против напряженной позы, в которой я провела всю поездку. Даже во время сна я не могла расслабиться. Дождавшись, когда все выйдут, я встаю

со своего места. Ноги выносят меня из автобуса, а в голове мелькает мысль о том, что от долгого сидения у меня в ногах могли образоваться тромбы. Было бы хорошо, если бы они оторвались до того, как я выйду из этого автобуса.

Но никаких тромбов нет.

Только онемение, которое милостиво разливается по моему телу, как будто его ввели мне внутривенно.

Я встаю на тротуар и задерживаю дыхание. В этом городе все кажется менее снисходительным, даже асфальт. Воздух едкий и холодный; его резкость терзает мои легкие. Я потуже затягиваю шарф, который дала мне мисс Л. и прикрываю им рот, чтобы ослабить это мучение.

Трясущимися пальцами я набираю номер, о котором не вспоминала много лет. Он принадлежит Клодетт, моему социальному работнику.

— Алло? — Ее голос приносит мне облегчение, как и обычно. Я всегда считала Клодетт своим ангелом-хранителем, потому что она спасла меня.

— Клодетт, это... — Я замолкаю, потому что уже очень давно не произносила своего настоящего имени. — Мег Гроувс. — Два едких слова. Я несколько раз сглатываю, пытаюсь избавиться от ужасного послевкусия, которые они оставляют после себя.

— Мег, — также успокаивающе, как и всегда, произносит она, подготавливая сцену для того, что должно вскоре развернуться на ней. Эта женщина постоянно жила в режиме управления кризисными ситуациями. Судя по всему, ничего не изменилось. — Тебя давно не было слышно, дорогая. Как дела?

— Все в порядке, — обманываю ее я. Я уже давно поняла, что лгать касательно своего состояния проще, чем открывать правду. Никто не хочет слышать, что «*Нет, я не в порядке*». Это сразу накаляет ситуацию, делая ее неловкой и люди начинают ерзать. Поэтому я лгу. *Все в порядке. У меня всегда все в порядке.*

В глубине души мне страшно и хочется плакать, но я продолжаю:

— Я была в Калифорнии и только что приехала в Канзас-Сити. Уже поздно ехать в мотель. Вот я и подумала, нельзя ли остановиться сегодня у вас?

Ее молчание вызывает на моих глазах слезы. Оно звучит, как отказ.

— Все в порядке, не берите в голову. Мне не стоило звонить.

Я уже собираюсь отключиться, но она кричит в трубку, словно предчувствуя это:

— Нет! Нет, конечно ты можешь остаться у меня на ночь. Извини, что не ответила сразу. Просто я была очень удивлена услышать твой голос.

Клодетт дает мне свой адрес, и я еду к ней на такси. Она живет в той же квартире, что и раньше. В квартире, которая стала мне убежищем много лет назад.

Я захожу во внутрь и попадаю в объятия Клодетт, что сразу успокаивает меня. Она ничуть не изменилась: черные волосы все также тронуты сединой, а на кончике носа сидят очки для чтения. Я всегда считала, что они подчеркивают ее внимательный и острый, как у совы взгляд. У нее невысокий рост и крупное телосложение. Эта женщина — мое безопасное место. Единственно безопасное место в этом городе.

Глава 41

Вода камень точит, даже если все против тебя

Шеймус

Настоящее

Письмо Джастин высохло и превратилось в жёсткий лист бумаги. Недружелюбный, как

и слова, написанные на нём.

Сегодня утром я вновь перечитал письмо, когда проснулся. Наверное, надеялся, что оно мне всего лишь приснилось во время ночного кошмара.

Но это оказалось не так.

При дневном свете письмо причинило мне ещё большую боль.

Вчера ночью оно вызвало у меня сильную злость.

А утром заставило скорбеть — скорбеть по тому, что могло бы быть.

Что могло бы быть...

Я знаю, что Джастин не ждёт от меня ответа — и, скорее всего, даже против него — но мне кажется важным написать ей письмо.

Джастин,

Спасибо. Я знаю, что тебе было тяжело решиться и поделиться со мной столь ужасной информацией. Спасибо, что открыла мне правду несмотря на верность Миранде. Я очень ценю это.

Шеймус

Я вытаскиваю из мусорки её конверт — от него воняет гнилью со дна грязного, влажного ведра. Записав адрес, я сразу выбрасываю его. После чего переношу написанное на конверт и кладу в него сложенное письмо. Завтра по дороге на работу брошу его в почтовый ящик.

На часах чуть больше одиннадцати. Магазин внизу ещё открыт, поэтому я спускаюсь, чтобы поинтересоваться у миссис Липоковски не знает ли она что-нибудь о Фейт.

В помещении куча людей, желающих пораньше приступить к обеду. Я покупаю шестидюймовый сэндвич с жареной говядиной и прошу её зайти ко мне в третью квартиру во время перерыва. Не хочу занимать у неё время, пока она занята обслуживанием покупателей. Миссис Липоковски соглашается.

В три часа она стучится в мою дверь.

— Привет, Шеймус.

— Здравствуйте, миссис Л. Я не задержу вас надолго. Знаю, вы торопитесь домой, чтобы отдохнуть. Вчера вечером Хоуп сказала мне, что Фейт уехала.

Она удивлённо поднимает брови.

— Хоуп разговаривала с тобой?

Меньше всего я хочу обсуждать это, но все же отвечаю на вопрос, чтобы поскорее перейти к более важным для меня вещам.

— Да, я ходил с ней в круглосуточный магазин.

— Правда? — недоумевает миссис Липоковски.

— Фейт уехала? — переспрашиваю я, потому что мне надоело говорить о Хоуп.

— У неё оплачено до конца месяца, но она не знала вернется ли.

— А она сообщила куда уезжает? Или оставила какой-нибудь адрес? На случай если не приедет обратно?

— Нет. Она выглядела целиком погруженной в свои мысли, когда заходила ко мне; как будто уже была где-то в другом месте. Мне стало жаль её. Фейт очень целеустремлённая девушка, но у меня сложилось впечатление, что это решение давило на неё.

Её слова расстроили меня. Я надеялся, что Фейт нашла свою настоящую мать и

переехала жить поближе к ней. Или что она нашла новую работу в другом городе. А вместо этого мне досталась неопределённость с оттенком негатива.

— Понятно. Пожалуйста, дайте мне знать, если что-нибудь услышите от неё.

Мисс Липоковски мягко улыбается, пытаюсь успокоить меня.

— Хорошо, Шеймус.

— Спасибо. — В моём голосе нет благодарности. Скорее мольба о том, чтобы она принесла мне хорошие новости. И лучше раньше, чем позже.

Она кивает и направляется в свою квартиру.

— Хорошего тебе вечера.

После того как миссис Липоковски уходит, я возвращаюсь мыслями к письму Джастин. Мне не нужно его читать. Оно как живой человек, занимающий место в моей квартире.

Я знаю каждое слово, написанное в нём.

Меня вновь охватывает глубокая печаль. Я убит горем уже много месяцев. Вначале, из-за развода. Никогда не думал, что эту трагедию сможет потеснить в сердце что-то ещё. Но потом она забрала моих детей. Тропический шторм в моей душе сменился ураганом. А последние новости добавили к нему гигантскую волну-цунами в центре беспощадного безжалостного шквального ветра.

Как она могла принять столь важное для нас обоих решение, не посоветовавшись со мной? Без меня?

Я всегда думал о своих детях как о чуде. Потом что так оно и есть. Каждый ребёнок — это чудо. Нет, я знаю, что процесс зачатия и развитие ребёнка в утробе матери объясняется с научной и физиологической точки зрения. Но до сих пор не могу понять, как через девять месяцев рождается крошечный человечек — уникальный и ни на кого непохожий. *Это* сверхъестественно. Как и то, что эти маленькие существа способны покорить твоё сердце ещё до того, как вы встретились. А когда ты, наконец, знакомишься с ними и прикасаешься к ним в первый раз, то любовь, которая уже существует, превращается в нечто невероятно сильное, в желание защищать и лелеять эти крошечные тельца. Жаль, что в английском языке нет слова, чтобы описать это чувство. Хотя оно всё равно было бы неточным. Потому что та любовь, которую ты ощущаешь, когда видишь маленького нового человечка неопишима. Она настолько сильная и мгновенная, что не поддается логике. Это чудо.

И теперь меня очень беспокоит вопрос: «Зачем Миранда родила Киру?»

Как только я задаю его себе, мне хочется повернуться к нему спиной — настолько он ужасен. Хочется выбросить его из головы и никогда не вспоминать. Кира существует и это все, что имеет значение. Любой вопрос с гипотетическим ответом, который может изменить реальность — это мука. Несмотря на нежелание узнать ответ, мне хочется бросить обвинения в адрес Миранды и посмотреть как она отреагирует на то, что её секреты перестали быть тайной. Хочется увидеть, как она начнёт увиливать. Хотя спесь не позволит ей опуститься до этого. Спесь и гордыня — это болезнь, разлагающая её тело. И она постепенно превратила мою бывшую жену в дьявола.

Мне нужно вернуть детей. Вода камень точит, даже если все против тебя. Время — коварный противник. Оно объединяется с другими силами — с окружающей средой и людьми — и приобретает разрушающие способности.

Мои дети начали меняться. Миранда и новая жизнь влияют на них, несмотря на сопротивление.

Я стал звонить Миранде домой по несколько раз в день. Её домработница недовольна

этим, потому что именно она обычно берёт трубку. Но я чувствую, что между нами постепенно растёт взаимное уважение. Мое упорство работает и чаще всего я выигрываю, получая возможность поговорить со своими детьми по крайней мере один раз в день. Миранда и её муж работают допоздна и, наверное, женщина решила для себя, что легче дать мне пообщаться с детьми, не рассказывая об этом хозяйке, чем постоянно отвечать на звонки. Ребятам она нравится и это немного успокаивает меня, раз уж они постоянно находятся под её присмотром.

Пора начинать собирать аргументы в свою пользу. Я никогда и не думал, что стану обливать кого-то грязью, но в случае опеки над детьми, один из нас должен быть плохим. Я должен документировать всё. Поэтому беру записную книжку и записываю всё, что помню о Миранде и наших отношениях до сегодняшнего дня. Это занимает несколько часов и к концу работы я чувствую себя настолько измотанным, будто занимался физическим трудом. Помимо этого, я отправляю письма адвокатам, умоляя их взяться за мое дело.

Я должен вернуть своих детей.

Глава 42

Бэтмен-ангел

Фейт

Настоящее

Вчера ночью Клодетт приготовила мне ромашковый чай и настояла на том, чтобы я поспала. Но сон так и не пришел ко мне. Несмотря на то что я чувствовала себя в её доме в безопасности, мне было беспокойно. Я пыталась придумать дальнейший план действий и одновременно отговорить себя от него. Мои намерения менялись каждую минуту.

Я сижу в маленькой кухне Клодетт и ем рисовые хлопья, наблюдая за тем, как она наливает воду в кофейную машину. Мои мысли туманные и непонятные, как и сама реальность.

— Как ты жила, Мег? — спрашивает Клодетт в ожидании, когда будет готов её утренний наркотик.

— Меня теперь зовут Фейт. И всё было в порядке. — Это мой заученный ответ. *Я в порядке. Я всегда в порядке.*

Она улыбается. Судя по всему, постоянная практика не прошла даром и Клодетт поверила мне.

— Вот и замечательно. Мне нравится твоё новое имя, оно подходит тебе. И что привело тебя обратно в Канзас-Сити, Фейт?

Я хлюпаю носом — утром меня внезапно одолел насморк. Наверное, подхватила по пути простуду. Тот автобус оказался скоплением микробов, лающего кашля и сопливых носов. Что же рассказать ей? Она знает обо мне больше, чем кто-то еще. Знает все мои секреты. Наверное, нужно быть честной с ней.

— Я ищу свою настоящую мать. Или отца. Без разницы.

Она садится на стул и, не мигая, смотрит на меня своими пронизательными глазами.

— Ты считаешь, что пора?

Я киваю и снова хлюпаю носом.

— Я должна понять кто я есть. А для этого мне нужны ответы на некоторые вопросы.

— Я тебе рассказывала, что выросла в семье опекунов?

— Нет. Поэтому ты занимаешься этим?

Клодетт глубокомысленно и грустно улыбается.

— Да. Мне было девять, когда я попала в систему. Я помнила своих родителей. Знала, кто они, но как бы мне хотелось, чтобы было наоборот. — Она делает глубокий вдох. — Приёмные родители стали моим спасением. Они заботились обо мне до восемнадцати лет. Я считала их супергероями. Или ангелами. Но больше склонялась к супергероям, потому что была фанаткой Бэтмена. Мне казалось, что они обладают исключительной способностью и одеваются в кожу, чтобы быть похожими на людей.

— Какой способностью?

— У них была способность заставить человека, который считал себя невидимым, нежеланным и нелюбимым почувствовать себя особенным. Они видели меня. Хотели. И любили.

Мне вспомнился Шеймус. Он единственный человек в моей жизни, который заставлял меня чувствовать себя подобным образом.

— Я посчитала, что обязана попытаться помочь другим детям: невидимым, нежеланным и нелюбимым. Вот почему я всегда принимаю близко к сердцу свои неудачи, как, например, с тобой.

Я мотаю головой.

— В этом не было твоей вины, Клодетт.

— Мне так жаль. — По её лицу тихо катятся слезы. — Ты даже не представляешь как я себя чувствовала из-за того, что произошло. До сих пор чувствую.

Мне не хочется говорить об этом, но я также не желаю, чтобы она считала себя ответственной за произошедшее.

— Клодетт, ты знаешь, я не люблю говорить о том дне, но всё-таки скажу, что считаю тебя Бэтмен-ангелом. Он был скотиной.

Она кивает и меняет тему разговора.

— Данные твоих настоящих родителей засекречены, даже в свидетельстве о рождении. Это стало одним из условий частного удочерения, что, как мы знаем, было незаконно. Единственная доступная информация касается того, что твоей матери было меньше восемнадцати лет.

— Это мне известно. Я поехала в Калифорнию, надеясь, что найду иголку в стоге сена. Я жила рядом с больницей, в которой родилась. Это тихий небольшой район на побережье — спокойный и доброжелательный. Понимаю, это глупо, но я надеялась, что однажды наткнусь на неё. Хотя, она, наверное, уже давно переехала. А может и не жила там вовсе. Но что еще я могла сделать? К тому же это помогло мне исчезнуть отсюда. Из ада.

— И каковы твои дальнейшие планы?

— Мне нужно поговорить с Трентоном Гроувсом. Они с женой удочерили меня при рождении и могут знать что-то о настоящей матери.

Клодетт снова смотрит на меня немигающим взглядом.

— Ты уверена, что готова к этому? Уверена, что хочешь встретиться с тем монстром?

— Я должна. У меня такое чувство, что он моя единственная надежда найти мать.

— А где он сейчас? — Она понимает, что я в курсе иначе не появилась бы у неё.

— В тюрьме. В Спрингфилде, по обвинению в хранении наркотиков. Я следила за ним. Это было легко, учитывая как часто он в нее попадает.

— Наверное, мне не стоит этому удивляться.

Я пожимаю плечами.

— Я тоже не была удивлена. Его сложно назвать порядочным гражданином. — Несколько лет назад я читала стенограмму судебного процесса по обвинению Трентона и его жены в жестоком обращении и пренебрежении опекунскими обязанностями. Нормальные люди не делают таких вещей с маленькой девочкой.

— Нужно, чтобы он добавил тебя в свой список посетителей и только потом можно будет договориться о времени посещения, — поучает меня Клодетт.

— Сделано. Завтра в десять утра.

Клодетт отводит взгляд в сторону и о чем-то думает.

— Я отвезу тебя. И пойду с тобой.

Как же я молилась об этом! Не хочу делать этого в одиночку.

— Вы уверены.

— Я должна всё исправить, — торжественно заявляет она.

Глава 43

Я мечтаю вырвать из него страницы и убежать с ними, как воришка

Фейт

Настоящее

В здании дубак. Цемент, сталь и даже люминесцентный свет над головой заставляют тебя дрожать от холода. На мне пальто, шарф и перчатки, но каждый сантиметр тела под одеждой покрыт мурашками.

Клодетт держит меня за руку и теребит застёжку на своей сумке — попытка молчаливо высказать свое недовольство медлительностью процесса.

— Фейт Хепберн, — раздаётся голос охранника в маленькой комнатке, в которой мы сидим. Я испуганно дёргаюсь, как если бы меня внезапно схватили за плечи две гигантские руки.

Клодетт поднимается первой, а я следом за ней.

Мы молча идем позади охранника через лабиринт железных дверей, а потом нам предлагают сесть перед бронированным стеклом по обе стороны от которого висят давно устаревшие телефонные трубки. Напротив нас никого нет, но это ненадолго.

Вскоре появляется человек в оранжевом комбинезоне. Он двигается медленно, всем своим видом показывая упрямство, лень или... может, он болен? Когда мы встретимся с ним взглядом, я смогу определить точнее. Его запястья закованы в наручники, а пальцы переплетены между собой. У него огрубевшие руки и сбитые костяшки пальцев, покрытые татуировками не самого лучшего качества.

Я боюсь поднять на него глаза, но когда он тяжело падает на стул, мы встречаемся взглядами. И я сразу понимаю, что этот человек упрям, ленив и... болен. А ещё он первоклассная сволочь.

Он хмуро смотрит на меня холодными, мёртвыми глазами. У него лысая голова, а кожа очень бледная. Щёки же красные и покрыты разорванными сосудами, которые переплетаются между собой, как дорожная карта.

Мы снимаем телефонные трубки.

Он молчит.

Я прочищаю горло.

— Чего вам надо? — Его голос режет, как нож, заставляя меня вздрогнуть.

Клодетт забирает у меня трубку.

— Мистер Гроувс, это Мег Гроувс, ребёнок, которого вы удочерили двадцать два года назад. Она хотела бы задать вам несколько вопросов об усыновлении и своей настоящей матери.

У него округляются глаза, но они быстро принимают прежнее хмурое выражение.

— Я не собираюсь ничего тебе рассказывать, — взглянув на меня, отвечает он, а потом обращается к Клодетт. — Эта маленькая сучка засадила меня за решётку.

Клодетт сжимает мою руку. Это попытка поддержать меня и одновременно выразить недовольство его словами.

— Мистер Гроувс, в вашем заключении под стражу не было вины ребенка. Нам бы не хотелось задерживать вас. Не могли бы вы вспомнить какие-то детали усыновления?

— Нет, — ворчит он.

— Вы ничего не помните? Имена? Места? Даты? — продолжает давить Клодетт.

— Нет, — с улыбкой отвечает эта сволочь. Когда он соглашался на посещение, то не знал, что его навещу я. И теперь не скрывает того, что ему нравится мучить меня.

— А ваша жена? Может, у неё память получше вашей? — интересуется Клодетт. Она пытается оставаться спокойной, но я слышу раздражение в её голосе.

— Сомневаюсь. В последнее время она не особо разговорлива.

— Почему? — спрашиваю я.

— Её нет в живых. Она умерла десять лет назад, — ровно отвечает он, как будто говорит о вчерашнем ужине, а не о мёртвой жене.

Клодетт замолкает.

— Мы закончили?

— Может есть кто-то еще, обладающий нужной нам информацией? Ещё один член семьи? — Это последняя попытка Клодетт спасти наш визит.

— Нет. Всем занималась жена, но она в могиле. — Он вешает трубку и встаёт, позволяя охранникам увести себя в камеру.

Я стою и смотрю, как он уходит. С *моими* секретами. Помнит он их или нет, но мои секреты в его голове. До этого момента мне никогда не хотелось открыть чей-то мозг, как книгу, и прочесть его в поисках ответов. Сейчас же я мечтаю вырвать из него страницы и убежать с ними, как воришка, чтобы жадно перечитывать их снова и снова, пока не запомнится каждое слово. Пока каждое слово не станет *моим*. Вот, чего я хочу.

Но ты не всегда получаешь желаемое.

Даже если хочешь этого больше всего на свете.

Глава 44

Календарь становится священной вещью

Шеймус

Настоящее

Я связывался с несколькими адвокатами. Но они не проявили интереса в моем деле, принимая во внимание текущие условия опеки и улики, свидетельствующие против меня. Они сказали, что это бесполезная затея. Бесполезным я называю бесцельную трату времени и бездумное существование. Мои дети — бесполезные. Бесполезная — это не о нашей ситуации. Поэтому я продолжаю поиски пока не найду адвоката, который соглашается восстановить справедливость и сделать то, что будет лучше для моих детей. В его словаре нет слова «бесполезный». Он выстраивает дело, собирает факты и собирается подать иск в

середине января, то есть через месяц.

Календарь становится для меня священной вещью. И я с вновь обретенной решимостью вычёркиваю в нём каждый день.

Глава 45

Ты обманула меня дважды

Шеймус

Настоящее

Согласно постановлению об опеке, неделю рождественских каникул дети должны провести со мной — я забираю их в канун Рождества и возвращаю на Новый год.

После того, что Миранда устроила на День благодарения, я больше не доверяю я.

Поэтому двадцать первого декабря, сегодня, просто приезжаю и останавливаюсь перед воротами ее дома.

Ты обманула меня один раз — позор мне.

Но черта с два ты провернешь этот трюк дважды, Миранда.

Я улыбаюсь и набираю ее домашний номер на телефоне.

На третьем гудке отвечает запыхавшаяся домработница.

— Резиденция Букингемов.

— Могу я поговорить с Кайем?

— Подождите, — отвечает она и кладет телефон на стол.

Секунду спустя трубку берет Кай.

— Папа?

Все внутри меня начинает улыбаться, потому что я не только слышу его голос, но и знаю, что он в доме, который стоит передо мной.

— Привет, дружок. Можешь сделать мне одолжение?

— Конечно, — недоуменно отвечает он. Обычно наши разговоры начинаются не так.

— Я хочу, чтобы ты повесил трубку, позвал Рори и Киру и вышел с ними к почтовому ящику. Я отправил вам сюрприз и, кажется, он уже прибыл.

— Может, сначала поговорим пару минут? — спрашивает Кай, недовольный тем, что я тороплюсь закончить разговор.

— Обещаю, что мы поговорим. Я перезвоню после того, как ты проверишь почту.

— Хорошо, — все еще разочарованно отвечает он. Подарки и материальные вещи никогда не имели значения для Кая.

— Пока. Люблю тебя.

— И я тебя, папа.

Прошла минута, которая показалась мне часом, прежде чем открываются входные двери, и я вижу детей.

Своих детей.

Я стою перед машиной, крепко схватившись за декоративные прутья на воротах одной рукой, а второй держась за трость, чтобы не упасть. Мне хочется выкрикнуть их имена, но от эмоций сдавливают горло. Я знал, что буду рад увидеть их, но не представлял насколько. Говорят, что от разлуки любовь горячее. Это не так. Это намного, намного больше. Это все равно, что снова увидеть их рождение. Я в благоговении. Они так выросли за последние несколько месяцев. И хотя мне хочется оплакать то время, что мы потеряли, я не могу этого сделать. Мое счастье не позволяет этого. Оно хочет жить настоящим, все остальное — неважно.

Они пока еще не заметили меня. Кай с Рори спорят или, вернее, Рори спорит с Каем, а Кай не обращает на него внимания и смотрит себе под ноги. За ними идет Кира. Уже почти обед, а она в пижаме. Дочь выглядит уставшей. Внезапно она замечает, что я машу рукой, и тут-то начинается гам. С моего последнего приезда, на этой улице, наверное, не было так шумно.

— Папочка! — кричит она и бежит ко мне.

Кай и Рори резко останавливаются и, осознав, что происходит, тоже несутся по лужайке ко мне.

Кай первым подлетает к воротам и, набрав код, открывает их. Они медленно отодвигаются, а дети одновременно пытаются протиснуться в них, но безуспешно. Через несколько секунд я, наконец, крепко обнимаю их. Кира висит на моей левой ноге, Рори обхватил руками мою талию, а Кай грудь. Я почти забыл каково это.

Я поднимаю взгляд и вижу, что к нам с улыбкой направляется домработница.

— Вы полны сюрпризов, мистер Макинтайр.

Решив, что сейчас подходящее время, чтобы устроить перемирие, я тоже улыбаюсь.

— Привет, Роза. — Я знаю, как ее зовут, потому что дети часто упоминают это имя.

— Что вы тут делаете? — спрашивает она, но в ее голосе нет недовольства, как во время нашей последней встречи.

— Мне нужно было увидеть детей.

— И им тоже, — тихо произносит Роза, как будто это признание сродни предательству своих хозяев, и она не хочет, чтобы ее кто-то услышал.

Роза с расторопностью человека, которые долгие годы прислуживает другим, заводит нас в дом.

Я звоню Миранде. Она не отвечает, поэтому оставляю сообщение.

Роза звонит Миранде. Она не отвечает, поэтому Роза оставляет сообщение.

Роза готовит обед и кормит нас, пока мы ожидаем ответного звонка от Миранды. Она говорит, что это традиционное блюдо, которое научила ее готовить мать, когда она была маленькой девочкой и жила в Мексике: домашние маисовые лепешки с начинкой из картошки, лука и помидоров. Я удивленно наблюдаю за тем, как Кира ест их.

Роза довольно строга с детьми, но я чувствую в ней мягкость, которая говорит о том, что ей нравится проводить с ними время. Я вижу это в ее глазах, когда она смотрит на них, а они не подозревают об этом. Домработница обожает детей. Прикипела к ним сердцем. И защищает их. По возрасту Роза годится им в бабушки. И я рад, что у моих детей есть она.

Несколько часов спустя приезжает Лорен, а следом за ним и Миранда. Под давлением мужа она отпускает детей на несколько дней раньше и мы, собрав их сумки, отправляемся в рождественское путешествие. Я пока еще не знаю куда, но мне наплевать. Главное, что мы — вместе.

Глава 46

Жалкое неидеальное слащавое счастье

Миранда

Настоящее

— Миранда, нам нужно поговорить, — говорит Лорен, стоя за закрытой дверью в мою комнату. Уже поздно. У нас разные спальни. Все то время, что я тут живу, он не позволяет

мне переступать порог своей комнаты.

Когда я слышу его голос, у меня учащается пульс. Меня злит подобная реакция, как у собаки Павлова, но что поделаешь — это условный рефлекс. Не желание. Не нужда. Физиологическая реакция, вызванная одиночеством.

Я откидываю одеяло, выбираюсь из кровати и, накинув на голое тело шелковый халат, выхожу в коридор.

Увидев меня, Лорен вздыхает. Не раздраженно, как я привыкла, а с жалостью и какой-то грустью. Не думала, что он способен на это.

— Можно я войду? — кивнув на дверь, интересуется он.

Мое сердце снова начинает биться в привычном ритме.

— Как грустно, что тебе приходится задавать этот вопрос. — Я разворачиваюсь и захожу в комнату. Он следует за мной, также как и я, чувствуя неловкость, из-за сложившейся между нами ситуации. Двое взрослых, трое детей, одна домработница: все живут своей жизнью под одной огромной крышей.

Я подхожу к кровати, взбиваю подушки, снимаю халат, — не для того, чтобы соблазнить, а чтобы снова с комфортом устроится на прежнем месте — и забираюсь в кровать. Натянув одеяло до подбородка, нахожу взглядом Лорена. Он сидит в античном кресле в углу.

— О чем ты хочешь поговорить, Лорен?

Он наклоняется, кладет локти на колени и переплетает свои пальцы. Лорен без галстука, но до сих пор в брюках и рубашке с расстёгнутыми верхними пуговицами.

— У нас ничего не получается. Ты же понимаешь это. И я понимаю.

Я киваю. Да, не получается. Я думала, что когда претворю свой план в жизнь, все станет идеальным.

Но нет.

Все далеко неидеально.

Скорее, жалко и неидеально.

— У тебя депрессия.

Я молчу. Вот уже несколько недель я сижу на таблетках. Но они не помогают.

— Тебе нужна помощь. — Я поднимаю на него взгляд. У Лорена уставшие глаза. Уставшие от недостатка сна и от... меня.

Я улыбаюсь, но уголки рта отказываются подниматься вверх.

— Я каждое утро принимаю шестьдесят миллиграмм *помощи*. Она вызывает у меня несбыточные мечты о слащавом счастье. Так что с этим все в порядке. Спасибо, — язвительно-меланхолично отвечаю я.

— Твои таблетки не работают. Поговори с врачом, — просит он.

Я отвожу взгляд, не желая говорить о лечении. Не хочу, чтобы он смотрел на меня, как на неуравновешенную личность. Я хочу поговорить о нас. Хотя «нас» никогда и не существовало.

— Ты любишь меня? — Не дождавшись от него ответа, я снова поднимаю взгляд. — А когда-нибудь любил, Лорен? До того, как начался этот ад?

— Ты хочешь, чтобы я соврал или сказал правду? — спрашивает он. Но я уже знаю ответ. Он задал мне вопрос, но я услышала в его словах «нет».

Я хочу, чтобы он солгал.

— Скажи правду. — *Пожалуйста, солги.*

— Нет.

Я киваю.

Ему жаль. Я вижу это по тому, как поникли его плечи.

— А ты когда-нибудь любила меня?

Когда-то давно «да».

— Нет, — отвечаю я, а потом признаюсь: — Да.

Он опускает взгляд и шепчет:

— Что же мы делаем?

В темноте, в минуты нашего откровения, этот вопрос кажется очень важным; его истина душист меня.

Внутри меня нарастает разочарование. Оно зарождается где-то в животе, поднимается к груди и застревает в горле. И вот уже на моих глазах блестят слезы, а я испуганно пытаюсь их сморгнуть.

— Не знаю.

— Куда ты ходишь каждый день?

Лорен намерен получить ответ на свой вопрос. Я знаю это, но все равно вру, потому что так привыкла.

— На работу.

Он делает глубокий вдох, пытаясь успокоиться и набраться терпения, после чего продолжает:

— Давай будем откровенны, Миранда. Ты не работала с тех пор, как я уволил тебя. Почему? Куда ты ходишь?

— Тебе нужна правда? — Не знаю, действительно ли он хочет услышать ее или ему нужны козыри на руках против меня. Обычно мы играем в игры. Но этот разговор другой. Честный. Мы не ведем себя честно друг с другом, поэтому я не знаю, что сказать.

— Правду. Пожалуйста.

— Снимаю Люкс в «Хилтоне» в центре. У меня нет работы. Никто не хочет нанимать меня, — признаюсь я. — Судя по всему, твой кадровый отдел расписал меня не в лучшем свете, когда звонили потенциальные работодатели. Так оно, конечно, и есть, но все же. — Ни одна компания не захотела видеть меня вице-президентом, а должности ниже этой просто неприемлемы. Это был удар по моему самолюбию и уверенности в себе. Я сдалась. И стала лгать. Снова и снова.

— И чем ты занимаешься целый день в номере отеля? — Лорен — трудоголик и ему непонятно как можно бездельничать. Раньше я была такой же, как он.

Я пристально смотрю ему в глаза, которые когда-то вызывали у меня слюноотделение и желание кинуться в атаку, а сейчас — лишь выбросить белый флаг и сдаться. Я принимаю решение сказать правду. Сегодня никакой лжи.

— Смотрю телевизор, заказываю обслуживание в номер, занимаюсь в спортзале, делаю массаж, трахаюсь с одинокими бизнесменами, с которыми знакомлюсь в баре. — Я пожимаю плечами. — Ничего особенного. — Время, проведенное в Сиэтле, депрессия, неудачи и проблемы в браке медленно превратили меня в совершенно другого человека. Мой жизненный план превратился в пыль. Я больше не прихожу и не беру то, что принадлежит или не принадлежит мне — я выживаю в собственноручно созданном аду.

Лорен вздыхает и проводит ладонями по волосам. Не знаю, то ли от досады, то ли от жалости.

— Правда? — Кажется, и от того, и от другого.

— Правда? — копирую я его. — Да пошел ты, Лорен. Уж кто бы говорил.

Он мотает головой.

— У тебя нет никакого понятия о морали, — ворчит он. — Зато ты разбираешься в бизнесе так, как никто.

Мне хочется поругаться, но я решила, что не буду больше лгать сегодня, поэтому отвечаю:

— Я знаю.

— Я в курсе, что документы, которые ты предъявила мне о незаконной деятельности, были сфабрикованы. Я знаю, что это была ложь. Ложь, с помощью которой, ты поймала меня в силки. Но дело даже не в этом, а в твоих исковерканных моральных ценностях. — В его голосе нет злости. — Мы не женаты, Миранда. Наш брак не был официально заключен. Тот священнослужитель был актером, которому я заплатил. Камень в твоём кольце — это всего лишь стекляшка.

Я смеюсь, удивленная тем, что могу видеть иронию во всем этом, а потом вытаскиваю руки из-под одеяла и хлопаю в ладоши.

— Туше, Лорен. Гребаное туше.

Он смотрит на меня с каким-то отчаянием. Такого Лорена я еще никогда не видела.

— Пришла пора нам расстаться, Миранда.

По моим щекам начинают катиться слезы, но они не имеют никакого отношения к Лорену. Я просто вспоминаю Шеймуса и его последние слова в тот день, когда подала документы на развод. *«Он никогда не будет любить тебя так, как я»*. Шеймус был прав. Лорен вообще никогда не любил меня. Теперь я знаю это. Судьба, которую я считала заслуженной, принесла мне только горе и страдания.

— Твои дети должны жить с Шеймусом, Миранда. Ты же видела с какой радостью они уехали с ним на прошлой неделе и как грустно им будет возвращаться сюда завтра утром. Я не слишком хорошо их знаю, но вижу, что с ним они ведут себя совершенно по-другому. В них просыпается жизнь, и они лучатся от счастья. Именно таким и должен быть каждый ребенок. Здесь у них этого нет. Никто не любит их так, как он.

— Это потому, что никто не умеет любить так, как Шеймус, — искренне произношу я, поднимая на него взгляд. — Но дети любят Розу больше, чем меня. А я их мать. Разве я не должна им нравиться больше, чем чертова домработница?

— Генетика не гарантирует любви в отличие от времени и усилий, — даже не пытаюсь утешить меня, отвечает Лорен. — Ты не уделяешь им времени и даже не стараешься наладить контакт. В отличие от Розы.

Мне больно это слышать.

— Это ее работа.

— Ее работа заключается в том, чтобы они были накормлены, а не в том, чтобы читать им перед сном книги или интересоваться делами в школе, или хвалить, когда они получают хорошие оценки. Роза домработница, а не родитель. Быть родителем — это твоя работа.

Наш разговор напоминает мне длинную и скверную дорожную поездку, о которой мечтаешь, чтобы она поскорее закончилась. Но ты не можешь выпрыгнуть из машины пока она в движении, потому что это навредит тебе больше, чем если остаться и вытерпеть ее до конца.

— Мне не нравится быть родителем. У меня это плохо получается. Детьми всегда

занимался Шеймус. — Я не ищу жалости; я просто говорю, потому что у меня есть слушатель.

— Я тоже ужасный родитель. Очевидно. — Он низко опускает голову. Стыд — это тяжкая ноша.

— Мы созданы друг для друга, Лорен. Почему у нас ничего не получилось? — спрашиваю я, зная ответ. Но хочу услышать его мнение.

— Просто не получилось. Мы практически одинаковые. Мы не дополняем друг друга. Ты не дополняешь мои недостатки, а я твои, поэтому мы оба несовершенны в одном и том же. В эмоциональном плане, мы как подростки, неспособные любить и заботиться друг о друге.

— И этого нельзя изменить?

Он пожимает плечами.

— В моем случае? Скорее всего, да. Я стар и привык к такому образу жизни. Для меня так было всегда. Ты же еще молода. У тебя впереди целая жизнь. Тебе стоит вернуться к мужу. И начать ценить его. Он был твоей лучшей половиной.

Я бы сказала, что признаю себя побежденной, но для этого сначала нужно проиграть. А я начинаю думать, что никогда, за все свои тридцать с гаком лет, не знала, что такое победа, потому что всегда играла одна и по своим правилам.

— Когда ты хочешь, чтобы я съехала?

— В идеале? — Я ожидала услышать в его голосе надежду, но в нем звучала лишь усталость.

— Нет, будь реалистичным. В идеале я должна уехать прямо сейчас. Но я устала и не могу, — полушутя, полусерьезно отвечаю я. Уверена, будь его воля, он бы не позволил мне даже принять душ и одеться.

— У тебя неделя.

Мне хочется сказать что-нибудь остроумное, но вместо это я просто киваю головой, принимая поставленные сроки.

Лорен встает, подходит к кровати и целует меня в лоб.

— Спокойной ночи, Миранда.

Принимая во внимание нашу историю и расставание, этот жест кажется неуместным, но, наверное, поэтому он получается таким идеальным и подходящим. Несмотря на отсутствие любви и недоверие, мы искренне нравимся друг другу, пусть и сквозь призму ненависти, потому что понимаем один другого. Мое уродство принимает и не обращает внимание на его уродство. И наоборот.

— Спокойной ночи, Лорен.

Глава 47

Я бы не стал даже подтирать задницу твоими перспективами

Шеймус

Настоящее

Дверь открывает Лорен. Жаль, что не Роза. Не хочу прощаться с детьми перед ним. Его близость напоминает мне о том, что он победитель, а я проигравший. А сейчас особенно больно осознавать, что я теряю — мне придется оставить детей и уехать. «Терять» — это термин, больше подходящий для настольных игр и споров, потому что он даже близко не описывает то, что я сейчас чувствую в отношении тех, кого люблю больше жизни.

— Заходите, — произносит он. Все в нем — сама вежливость. Именно в этом богачи преуспевают больше всего — пусть в лицемерной, но вежливости.

— Все в порядке. Я попрощаюсь здесь, — отвечаю я.

Лорен отходит от двери, но оставляет ее открытой.

Мы обнимаемся, целуемся и плачем. В этот раз расставаться еще труднее.

По пути к машине мне охватывает такая медлительность, которую может вызвать только большое горе. Полностью уйдя в свои мысли, я пытаюсь открыть дверь машины, но внезапно рядом со мной кто-то откашливается.

Это Лорен.

Я впервые оказываюсь наедине с ним. В голове проносятся миллион оскорблений, но произношу я лишь одно.

— Ты сволочь.

Он складывает руки на груди и наклоняет голову на бок, будто обдумывая мое обвинение.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты прав. Так оно и есть.

Я не ожидал этого, поэтому продолжаю:

— Ты разрушил мою семью.

— Мне жаль, Шеймус. — Его извинение должно было бы показаться мне поспешным и бесчувственным, но этого не происходит.

Искренность Лорена только подпитывает мою злость. Я прикрываю руки ладонями, пытаюсь отгородиться от этой ситуации, от него, Миранды и своего горя.

— Ты хоть представляешь, какво это потерять все, что любишь?! — выкрикиваю я. Не дождавшись ответа, я снова кричу, прячась за ладонями, чтобы не начать выбивать из него ответ. — Представляешь?!

— Нет, — спокойно, будто извиняясь, отвечает он.

Я качаю головой и опускаю руки.

— Конечно, не понимаешь.

— Перспективы. Все дело в перспективах. Они превращают отрицательное в положительное и наоборот.

У меня нет времени или терпения выслушивать эту ерунду. Я открываю дверь и забираюсь в машину, после чего завожу мотор и опускаю стекло.

— Я бы не стал даже подтирать задницу твоими перспективами. — С этими словами я трогаюсь с места и еду до самого дома, останавливаясь только, чтобы заправиться и перекусить.

Глава 48

И теперь мне придется печь новый пирог

Миранда

Настоящее

Я поменяла двухместный кабриолет на огромный внедорожник и едва не плакала, когда отдавала ключи продавцу. Если представить меня в виде пирога, то от него только что отрезали солидный кусок и, украсив сливками, преподнесли лъстивому торговцу. И теперь придется печь новый пирог. И новую себя. *Черт возьми.* Ничто не пугает меня так, как перемены. Я чувствую, что они грядут. И думала, что готова к ним. Но нет. Я словно

оказалась под микроскопом. И мне *уже* не нравится то, что я вижу.

Сегодня утром я собрала детей, упаковала в чемоданы нашу одежду и попрощалась с домом Лорена. Остальные вещи отправлю в контейнере, когда найду себе квартиру. Удивительно, но мне не было больно уезжать. Может, это благодаря новым антидепрессантам, которые выписал мне врач несколько дней назад. Лорен крепко обнял нас на прощание — наверное, очень рад вернуться к холостяцкому образу жизни. Когда он прижимал к себе Киру, одна половинка моего грешного черного сердца улыбалась, а другая плакала. Судя по всему, это первый и последний раз, когда Лорен обнимает своего ребенка. От этого и горестно, и сладко.

Мы в дороге уже три часа. Дважды останавливались, чтобы сходить в туалет и один раз, чтобы поесть. Я ненавижу дорожные путешествия. Предпочитаю наслаждаться полетом на самолете, а не поездкой в машине со скоростью восемьдесят миль в час.

В пять часов, вымотанная до нельзя, я, наконец, вижу сияющую вывеску гостиницы «Марриотт». Никогда так не радовалась теплой постели и мягкой подушке.

Я устраиваюсь на одной кровати, а дети все вместе на другой. Заставляю себя поинтересоваться не хочет ли Кира перебраться ко мне, но она предпочитает остаться с братьями. Я не виню ее за это. Они как маленькая стая волков, которые защищают друг друга. А я — чужачка.

На следующее утро мы встаем отдохнувшие и готовые продолжить наше путешествие в Калифорнию. Быстро принимаем душ и набиваем животы блинчиками с ореховым маслом. Я не из тех, кто верит в божественное вмешательство или в то, что в нашей жизни все происходит по какой-то причине, но завтракать любимой едой в гармонии с детьми кажется мне символическим шагом в правильном направлении. Я чувствую себя членом стаи, а не посторонней.

Спустя несколько часов я смотрю в зеркало заднего вида. Кира сидит в центре. Она спит, положив голову на колени Каю. Кай и Рори смотрят в окно. Они очень разные, эти двое. Настолько разные, что постоянно спорят, но, несмотря на это, безумно любят друг друга. Способность Шеймуса любить передалась его детям, и это качество особенно выделяется среди других черт их характеров.

Как будто почувствовав мой взгляд, Рори смотрит на меня сквозь маленькие стекла очков. Он самый прямолинейный из троих: и в словах, и в действиях. Это очень нервирует в девятилетнем ребенке. У него невероятно честный, осуждающий и обжигающий взгляд. Прямо как у меня, если забыть про «честный».

— Ты везешь нас к папе, Миранда? — Рори начал звать меня по имени после того, как я подала документы на развод и переехала в Сиэтл. Он произносит это с таким призрением, будто хочет сказать, что я «сука».

Я собираюсь ответить отрицательно, но потом вспоминаю, что сейчас моя жизнь полное дерьмо, поэтому отвечаю на вопрос вопросом. Признаться, я никогда не вела разговоров с детьми. Я не знаю их. Я просто живу рядом, но ими занимаются другие люди.

— А вы бы предпочли жить с Шеймусом?

— Да, — одновременно отвечают мальчики.

— Почему? — Я знаю, что эти шесть букв повлекут за собой словесную экзекуцию. Они разделают и поджарят меня на открытом огне. Обычно я никогда не провоцирую людей на критику. И сейчас, задержав дыхание, жду.

Первым отвечает Кай.

— Потому что мы скучаем по нему. И любим.

Я смотрю в зеркало заднего вида. Кай сидит, опустив голову, переживая, что ранит мои чувства, и гладит по волосам сестру. Мне невыносимо хочется поинтересоваться: «*А меня ты не любишь?*», но я не могу заставить себя произнести этот вопрос вслух. Я и так знаю ответ. Не стоит требовать от Кая правды... или лжи. У него слишком ранимое сердце. Поэтому я поворачиваюсь к Рори и спрашиваю:

— А что насчет тебя, Рори? Почему?

Он холодно смотрит на меня. На секунду, меня берет гордость за этого ребенка, потому что я уже вижу, что из него вырастит мужчина, которому люди будут вынуждены уступать.

— Кай уже ответил. А ты нам не нравишься. — Грубо, самоуверенно, прямолинейно. Мне так и хочется развернуться, и дать ему пять.

Но я тут же вспоминаю, что эти слова относятся ко мне.

Я всю жизнь с безразличием относилась к этим детям. Они были частью моей жизни лишь благодаря родственной связи. Частью, которой занимались другие люди. Я держала их на расстоянии вытянутой руки и воспринимала как долгосрочный проект, по окончании которого, можно будет заявить, что он оказался успешным или, если окажется наоборот, сделать вид, что ты не при делах. Это называется выборочная ответственность в зависимости от результата... или его отсутствия. Вот такие тонкости. Но Рори наплевать на них. И сейчас, я одновременно восхищаюсь им и ненавижу его за это.

— А что тебе нравится? — спрашиваю я. Не хочу больше говорить о себе.

— Тебе какая разница, — бурчит он.

— Мне нравится баскетбол, — отвечает Кай.

— Правда? — И тут я вспоминаю. — Шеймус тоже играл в баскетбол.

— Мы с папой ходили играть в парк, когда жили в нашем доме. А потом, когда переехали в квартиру, кидали мяч в кольцо на площадке.

— Угу. — Я даже и не знала об этом.

— А мне нравится Гарри Поттер, — присоединяется к разговору Рори.

— Книги или фильмы? — Я не читала и не смотрела их, но кто в современном мире не знает Гарри Поттера?

— И то, и другое, — резко отвечает он, но я слышу что за его злостью прячется энтузиазм.

Признаться, мне нравится, что они оба разговаривают со мной, поэтому я продолжаю задавать вопросы.

— А какой у вас любимый цвет?

— Синий, — восклицает Кай. Боже, да он просто вылитая маленькая копия Шеймуса. Тот тоже всегда любил синий цвет.

— Красный, — отвечает Рори. Такой же пылкий и горячий, как он сам. Мне тоже нравится красный цвет.

— А твой? — Вопрос Кая застает меня врасплох. Такой простой вопрос, а у меня ком в горле. Никто, кроме бабушки и Шеймуса, никогда *искренне* не интересовался мною. На работе подчиненные целовали зад, чтобы выделиться, а начальство требовало показателей. Я

не была им интересна, как личность. Моим первым желанием было ответить, что красный, как у Рори, но потом я зашла в тупик.

— Не знаю. Это зависит от обстоятельств, наверное.

— Почему это должно от чего-то зависеть? Если ты закроешь глаза и подумаешь о любимом цвете, то какой представишь себе?

Конечно же, я не могу закрыть глаза, так как веду машину, поэтому выбрасываю из головы все мысли и сосредотачиваюсь на вопросе. Первым на ум приходит оттенок гортензий, которые бабушка сажала по обеим сторонам крыльца. Она так заботилась о них и посвящала им столько времени.

— Перванш.

— Ты его только что придумала, — возмущается Рори. — Я никогда не слышал о таком цвете.

— Это бледно-голубой цвет с сиреневым оттенком. У моей бабушки была гортензия такого цвета. — Мне становится страшно. Я никогда и ни с кем не говорю о ней. Никогда.

— А где она живет? — спрашивает Кай. — Мы можем с ней увидеться?

Мне становится больно. Я не хочу отвечать.

— Как ее зовут, Миранда? — тут же задает свой вопрос Рори. Он чувствует, что мне не по себе и специально тычет в меня палкой, пытаюсь вызвать раздражение и злость.

— Кира. Ее звали Кира. — Мне хочется, чтобы мой голос звучал уверенно и даже угрожающе, но ничего не выходит. В нем чувствуется нежность. Это все равно, что перевернуться на спину и, признав свое поражение, позволить ему избить себя палкой, которой он тыкал в меня несколько секунд назад.

— Мне жаль, — произносит Кай.

Я в недоумении, потому что а) не знаю, за что он извиняется, б) вспоминаю сколько раз Шеймус извинялся передо мной без малейшей на то причины, лишь бы сгладить острые углы между нами.

— Почему тебе жаль? — Мне стоило бы промолчать, но кажется сегодня я сама на себя не похожа.

— Потому что она умерла.

— Откуда ты знаешь? — мягко спрашиваю я. Не хочу, чтобы он отвечал.

— Потому что ты сказала, что ее звали Кира. Если бы она была жива, ты бы сказала, что ее зовут Кира, — спокойным грустным голосом объясняет Кай. Впервые в жизни мне становится стыдно, что я его мать и мы связаны родственными узами. Он заслуживает лучшего.

По моим щекам начинают катиться слезы. По многим причинам. Я вытираю их. Но появляются новые.

— Прости, мам, — произносит Кай. У меня разбивается сердце. Он не называл меня так с тех пор, как они переехали в Сиэтл. Может я себе это придумываю, но, кажется, то, что я услышала было своего рода признанием. Маленький милый мальчик признает злую, жестокую женщину.

Следующие несколько часов я рассказываю Каю, Рори и проснувшейся Кире о себе и бабушке: как она растила меня после смерти мамы, где мы жили, о нашей собаке, доме, школе и соседях. Я выкладываю им все. Они хорошие слушатели и задают много вопросов. К тому времени, как мы подъезжаем к району, где живет Шеймус, я начинаю чувствовать себя по-другому. Легче, как будто я сняла с себя тяжкую ношу и поделилась частичкой себя

детьми. Тем хорошим, что было во мне до того, как в мою жизнь вошла бабушка и мир окрасился в черный цвет.

Мои дети гораздо человечнее и лучше, чем я.

Я заранее зарезервировала номер в гостинице, в которой раньше останавливалась, но почему-то еду к дому Шеймуса, чувствуя, что должна позволить детям увидеть его сегодня. Да что со мной такое? Наверное, это таблетки что-то делают с моей головой. Или, может быть, дети. Или воспоминания о бабушке всколыхнули во мне чувство вины.

Шеймус не знает, что мы едем к нему. Не знает, что я возвращаюсь. И не подозревает, что его жизнь скоро изменится к лучшему.

В девять часов вечера мы стучимся к нему в дверь. Я никогда не знала, что шок может быть счастливым. Его глаза устремляются к детям: они виснут на нем, а он крепко обнимает их.

Я не могу отвести взгляд от лица Шеймуса. Наверное потому, что последние несколько часов провела, ностальгируя по прошлому. Для меня время будто повернулось вспять. Я жду, когда его глаза встретятся с моими. Жду, когда он скажет что-нибудь милое. И поцелует меня.

Я бы сейчас все отдала за его поцелуй.

Все.

Но этого не произойдет, потому что он святой.

А я сука.

И все знают это.

Включая меня.

Шеймус

— Что вы тут делаете? — В моем голосе звучит надежда, хотя я уже давно понял, что она может стать опасным оружием в руках Миранды.

Все молчат. Дети смотрят на Миранду, будто она одна знает ответ на этот вопрос.

— Я переехала в Калифорнию.

Во мне снова поднимается надежда.

— Что это значит? — Мне так и хочется прокричать: «Просто скажи, что дети снова будут жить со мной!» Но я жду.

— Мы с Лореном разошлись. — Значит, он ее выгнал. Иначе бы она сказала, что бросила его.

Мне так и хочется тыкнуть в нее пальцем и громко рассмеяться в лицо, но я не желаю, чтобы дети видели, как я радуюсь чужой беде. Нам нужно поговорить с ней наедине, потому что если она не собирается делить со мной опеку или, что предпочтительнее, полностью отдать ее мне, то я выскажу все, что о ней думаю.

— Эй, ребята, почему бы вам не забрать из машины сумки? Можете ложиться сегодня в своей комнате, — говорю я им. Наплевать, если у Миранды другие планы.

Она не успевает даже открыть рот, как они выбегают за дверь и спускаются по лестнице.

У нас не очень много времени, поэтому я задаю ей вопрос, который до этого хотел прокричать:

— Просто скажи, что дети снова будут жить со мной! — Тихий голос не скрывает моей злости. Я раскрываю перед ней карты. У меня нет козыря в рукаве, хотя по другому с

Мирандой нельзя. Но сейчас нет времени на игры. *Я хочу, чтобы дети вернулись ко мне!*

Я слышу, как захлопывается дверь в машине. Миранда оглядывается на стоянку, а потом снова смотрит на меня.

— Давай поговорим, когда они лягут спать?

Не скажу, что мне нравится мысль о том, что она задержится у меня в квартире, но если это даст мне шанс вернуть детей, то я сделаю все, что угодно. Я отхожу от двери, чтобы она могла войти.

— Хорошо. Мы поговорим, когда они лягут спать.

Сияющая и фальшивая Миранда устраивается на мягком и настоящем диване.

Дети заносят чемоданы, и я помогаю отнести их в комнату. Мы какое-то время болтаем, а когда Рори и Кира начинают зевать, достаем пижамы, чистим зубы и они отправляются спать. Я обнимаю и целую их и как только выхожу в коридор, мое счастье испаряется как дым. Миранда так и сидит на диване, как почти два часа назад. У нее в руке наполовину пустая бутылка вина. Наверное, купила его пока я был с детьми. Я не вижу стакана, значит она пьет прямо из горла. Увидев, что я вхожу в комнату, Миранда хлопает по дивану.

— Садись. — Она не пьяна. Миранда всегда дружила с алкоголем лучше, чем я.

Я сажусь на другой конец дивана, подальше от нее.

— Ты без трости? — удивленно спрашивает она.

Я киваю.

— Сегодня у меня хороший день, так что она ни к чему. Ко мне практически вернулась чувствительность, а боль появляется только если я перегружаю ногу. — Я замолкаю, поняв, что слишком уж разоткровенничался с ней.

Миранда протягивает мне бутылку вина.

— Выпей, Шеймус.

— Нет. — Как же приятно отказывать ей, даже в чем-то маленьком и незначительном.

— Ну, мне тогда больше достанется, — не обижаясь, отвечает она.

Мне становится горько от того, что приходится сидеть с ней рядом, поэтому я встаю, иду на кухню и выпиваю рюмку текилы, за ней еще одну, а потом достаю из холодильника два пива — оба для себя — и возвращаюсь к ней.

— Помнишь, когда мы только начали встречаться, ты писал мне любовные письма? — Миранда говорит со мной, но не смотрит на меня. Ее взгляд заволокла пелена воспоминаний.

— Я не хочу говорить об этом.

Она откидывает голову на диванную подушку, а потом поворачивается ко мне. Алкоголь расслабил ее, и теперь я вижу морщины у нее на лбу и в уголках глаз.

— Почему нет?

Я делаю несколько глотков пива и только после этого отвечаю:

— А смысл? Нам нужно поговорить о детях.

Миранда сгибает ноги в коленях и кладет их на диван.

— Я к ним и веду. Все началось с любовных писем. — Странно, я думал, что она будет вести себя раздражительно и нагло, но Миранда говорит вполне мирно и разумно, что меня слегка пугает.

— А закончилось документами о разводе. — Я делаю еще один глоток и тычу в нее горлышком бутылки. — Ах да, а еще тем, что ты начала трахаться со *здоровым* мужчиной. Давай не забывать об этом.

Она тоже делает глоток вина

— Я была неправа и совершила много ошибок.

— Это точно. — Я чувствую, как сжимается горло. Мне так и хочется напомнить ей об аборте. У меня внутри все трясется от злости. Но сначала нужно решить вопрос с опекой.

Миранда моргает несколько раз, но ничего не отвечает.

Я поворачиваюсь и с отвращением смотрю на нее. Ну как можно быть настолько уродливой внутри? Я не знаю, что еще сказать ей, потому что в моей голове крутятся лишь осуждение и оскорбления. Но они ничего не изменяют. Я качаю головой, а губы, словно сами по себе, произносят:

— В чем дело, Миранда?

По ее щекам начинают катиться молчаливые слезы. Она никогда не плачет. Миранда всегда бесчувственная и холодная.

— Я сожалею.

— Твое сожаление ничего не изменит, — с тихой злостью отвечаю я. Ненавижу ругаться шепотом. Не то, чтобы я был любитель покричать, но это помогло бы мне выпустить пар.

— Думаешь я сама этого не знаю, Шеймус?

Я поражен. И не верю ей.

— Нет. Не думаю, что знаешь.

— Я принимаю антидепрессанты.

Я пожимаю плечами.

— Ты оставила меня опустошенным, Миранда. Уничтожила меня. Я не могу и не хочу испытывать к тебе жалость. Ты не заслуживаешь моего сочувствия. — Я замолкаю, а потом, не в силах сдержаться, добавляю: — Черт побери тебя и все твои неправильные решения.

Услышав это, Миранда хлюпает носом и вытирает его тыльной стороной руки.

— Ты бы так не говорил, если бы все знал.

Ни секунду не хочу больше ее слушать. Я встаю.

— Тебе пора. Иди домой.

— Я не в состоянии садиться за руль, — возражает она.

Я знаю это.

— Вызови такси. Мои дети останутся там, где и должны быть. — Не дожидаясь возражений, я захожу в свою комнату, хватаю подушку и одеяло и устраиваюсь на полу перед детской спальней. На случай, если она попытается выкрасть их до того, как я проснусь. Знаю, я параноик, но они только что вернулись домой. И я не собираюсь их снова терять.

Глава 49

Я, черт возьми, устал уродовать свой мир

Шеймус

Настоящее

— Прости, папочка, — будит меня маленькая девочка, одновременно наступая ногой на щеку.

Я открываю глаза и вижу в нескольких сантиметрах от своего лица милое личико Киры.

— Ты в порядке, папочка?

Я улыбаюсь при виде ее нахмуренного лба и обеспокоенно сведенных бровей.

— В порядке, детка.

Она обнимает меня за шею.

— Тебе не стоило спать на полу в коридоре.

Я обхватываю ее руками.

— Знаю, что не стоило. — Я слишком стар, чтобы спать на полу и теперь у меня болит все тело.

— Это опасно. — С этими словами Кира отпускает меня. — Мне нужно пописать. Я скоро вернусь и тогда мы можем посмотреть мультфильмы.

— Отличный план. — Все снова, как обычно. Так, как и должно быть.

Я заново одеваю и подушку в свою комнату и иду на кухню.

За столом сидит Миранда: пьет кофе из «Старбакса», ест рогалик и читает газету. Как у себя дома. Она переделалась и, судя по всему, давно проснулась. Миранда могла запросто обходиться без сна; четырех-пяти часов отдыха ей было достаточно. Я всегда завидовал этой ее способности.

— Что ты тут делаешь? — Наверное, стоит вернуться в коридор и зайти на кухню еще раз, в надежде, что это всего лишь иллюзия.

Она кусает рогалик и отвечает с набитым ртом, показывая на столешницу за моей спиной:

— Завтракаю.

Я поворачиваюсь и вижу коробку из «Эйнштейн Бразерс Багель». В ней достаточно еды, чтобы накормить целую армию: три упаковки сливочного сыра, шесть бутылок сока и большой стакан кофе из «Старбакса». Не помню, чтобы она покупала еду кому-то, кроме себя. Я переливаю кофе из стакана в кружку и ставлю ее в микроволновую печь.

— Я же сказал тебе вчера уезжать.

Она пожимает плечами и снова кусает рогалик.

— Я уснула. Потом ушла. И вернулась. С едой. У тебя нечего есть.

— В овсяной каше низкое содержание холестерина, — отвечаю я, нажимая на кнопки.

— Ненавижу овсяную кашу. Она на вкус как мокрые опилки.

Я знаю, что Миранда ее не любит. И мне наплевать.

— Почему мы вообще говорим об овсяной каше, Миранда? Почему ты здесь? — снова спрашиваю я.

Она медленно поднимает рогалик, пытаясь тянуть время.

— Папочка, а зачем...? Мамочка, а ты что тут делаешь? — недоуменно интересуется Кира.

— Не хочешь рогаликов, милая? — быстро восклицаю я, пока Миранда ничего не испортила. — Возьми один и мы намажем на него сливочный сыр, а потом сядем в гостиной перед телевизором, и ты его съешь.

Кира делает, как я говорю. Мы переносим завтрак в гостиную и приступаем к обычному субботнему ритуалу, по которому я невероятно скучал.

Минут через двадцать в комнату тихо входит Миранда и, скрестив ноги, садится на пол. Это непохоже на нее: она любит эффектное появление, чтобы все внимание было направлено на нее. Кира внимательно следит за ней взглядом, но ничего не говорит, а потом прижимает щеку к моему плечу и погружается в приключения Финна и Джейка¹⁴.

Мы молча сидим пока не появляются Кай и Рори. Они оба едят рогалики; у Рори губы измазаны в сливочном сыре.

— Что ты тут делаешь? — одновременно спрашивают мальчики. — Я чуть не рассмеялся, потому что за последний час мы все задали ей этот вопрос.

Мы пристально смотрим на Миранду в ожидании ответа. Она краснеет, а в глазах появляются слезы.

— Завтракаю, — отвечает она. После чего встает и уходит в ванную комнату.

Рори безразлично пожимает плечами и, устроившись рядом с Кирой на диване, доедает рогалик.

Кай же садится рядом со мной с грустным выражением лица. Я обнимаю его, а он кладет голову мне на плечо и тоже доедает рогалик.

Через пять минут возвращается Миранда. У нее красные глаза.

— Спасибо за рогалики, мам.

Кай преподал мне урок.

Своим состраданием.

И всепрощением.

А вот я не готов простить; раны еще слишком свежи. И, кто знает, может быть, не прощу никогда. Хотя, жалость и сострадание — это нормально. Плохо относиться к людям за то, что они плохо относятся к нам — это значит, уродовать свой мир. Относится к ним хорошо, не надеясь на то, что они изменятся, — потому что иногда люди не меняются — это значит, сохранить сердце и разум чистыми и прекрасными. Я, черт возьми, устал уродовать свой мир.

Иногда только невинный ребенок способен напомнить нам о важном.

Миранда хлюпает носом и отвечает:

— Не за что, Кай.

Я клянусь себе, что с этого момента буду относиться к Миранде с опаской, но не с ненавистью. Я не обязан испытывать к ней симпатию.

— Миранда, ты не могла бы помочь мне выбросить мусор? — Мне нужно поговорить с ней и узнать, что она делает здесь. И самое главное, выяснить ее планы в отношении моих детей, потому что официально они под ее опекой.

Я вытаскиваю из мусорного ведра пакет — он только наполовину заполнен — и выхожу на улицу. Она спускается по лестнице следом за мной. Когда мы подходим к большому контейнеру позади здания, я снова спрашиваю:

— Что ты тут делаешь?

— В Калифорнии? Или у тебя дома?

Я поднимаю крышку и выбрасываю пакет в контейнер.

— И в Калифорнии, и у меня дома.

— В Калифорнии ищу работу и дом. А здесь? Надеюсь остаться пока не найду и то, и другое, — неуверенно произносит она. Миранда отвечает так, будто ей больше нечего терять.

Я поражен ее словами.

— У тебя нет работы? Почему бы тебе не перевестись обратно в местный филиал «Маршалс Индастриз»?

— Потому что меня уволили несколько месяцев назад. Я лгала. Шантажировала Лорена. После этого он перестал доверять мне дела.

Я закрываю глаза и качаю головой. Это похоже на какое-то дурацкое реалити-шоу.

— Это было до или после заключения брака?

— До.

Я изумленно смотрю на нее, не понимая, как такое может быть.

— И он все равно женился на тебе?

Она кивает, а потом замирает и, наклонив голову, мотает ею из стороны в сторону.

— Да. И нет. Я думала, что мы женаты. Но оказалось, что свидетельство о браке было фальшивым.

— Боже, вы просто идеальная парочка. — Наверное, мне не стоило так говорить, но это правда.

— Наши отношения оказались сплошным бедствием. — Она пожимает плечами, потому что ей больше нечего добавить.

Мне надоело говорить о ее неудавшейся личной жизни.

— Я хочу, чтобы мои дети остались здесь. В понедельник заканчиваются зимние каникулы и начинается учеба. Я отпрошусь с работы и запишу их в школу.

— Я могу сделать это, — предлагает она.

— Правда? — с сомнением и издевкой интересуюсь я.

Она вздыхает и на мгновение выглядит как обычная, дерзкая и неуступчивая Миранда, которую злят мои слова.

— Я управляла компанией, которая входит в список *Fortune 500*¹⁵, Шеймус, и как-нибудь справлюсь со школьными заявлениями.

— Ты пытаешься, Миранда? Ты пытаешься стать родителем? Мне так хочется верить в то, что ты говоришь правду и наконец поняла, что у тебя самые замечательные дети на планете и быть их мамой — это привилегия. — Знаю, мой голос звучит умоляюще, но я мечтаю об этом для своих детей. Я хочу, чтобы у них была мама, которая любит их. Наплевать, если ее нет в моей жизни, но она должна быть в жизни моих детей.

— Я пытаюсь, Шеймус. Я не идеальная и не знаю, как это делать, но я пытаюсь.

— Я скажу тебе это только один раз, Миранда. Либо старайся изо всех сил, либо уходи. Я не хочу, чтобы тебе это наскучило, и ты все бросила, как было с йогой. Эти дети ждали свою мать всю жизнь. Подумай о них. Хотя бы раз. Ты мать, а не мученица.

— Я буду стараться изо всех сил.

Я сомневаюсь, потому что наше прошлое прямо-таки кричит мне: «Не верь ей! Она лгунья!». Но потом вспоминаю Кая... и его сочувствие... и, черт...

— Можешь остаться здесь на месяц, пока ищешь работу и жилье. Будешь спать на диване, я не собираюсь уступать тебе кровать. Через четыре недели я хочу, чтобы ты убралась отсюда, даже если ничего не найдешь. Можешь заселиться в гостиницу или спать на улице. Мне наплевать. Мои дети будут в течение рабочей недели жить здесь и ходить в школу. На выходных их можешь забирать ты. Мы еще обсудим вопрос совместной опеки. Я попрошу своего юриста подготовить новое соглашение. Оплачивать его работу будешь ты. И постарайся быть частью их жизни каждый чертов день. Ты слышишь меня? По-настоящему? По утрам будешь будить и отвозить их в школу, а я — забирать. Станешь помогать им с домашней работой. Играть и разговаривать с ними. И несколько дней в неделю готовить ужин.

— А можно заказывать еду на вынос? Я не могу готовить.

С ней никогда не бывает просто. Я качаю головой.

— Мне наплевать. Ужин готовишь ты. Это твоя обязанность. Никто не станет осуждать твои способности к готовке.

Она кивает.

Такое ощущение, что я разговариваю с маленьким ребенком, а не взрослой женщиной.

— Ты справишься?

— Да, справлюсь.

— Ты хочешь этого? — иначе спрашиваю я.

Она снова кивает

Черт.

Не могу поверить, что согласился на это.

Надеюсь, она и правда справится.

Глава 50

Где это гребаное масло?

Миранда

Настоящее

Я стараюсь.

Правда стараюсь.

Но домашнее хозяйство — это так тяжело.

Готовить и печь должно быть просто. У меня IQ 155. Мне просто нужно прочитать рецепт и следовать инструкциям.

Судя по всему, с инструкциями у меня беда, так как все, что я готовила на этой неделе было несъедобным. Я практикуюсь пока Шеймуса с детьми нет дома, потому что не хочу, чтобы они знали о моих неудачах. В итоге я выбрасываю приготовленное в мусорный контейнер на улице и заказываю еду в ресторане.

Сегодня у меня очередная попытка. Бетти Крокер¹⁶ может поцеловать мою задницу, если думает, что я сдамся. Я собираюсь приготовить «обезьяний» хлеб, фотографию которого увидела на *Pinterest*. Да, да, знаю... *Pinterest*. Порно для домохозяек со всего мира. Мне стыдно признавать это. Наверное, пора сменить костюмы от «Гуччи» и туфли от «Джимми Чу» на штаны из «Таргета» и растянутые футболки. Но эти чертовы рецепты так аппетитно выглядят. Такое ощущение, что их фотографировал Энсел Адамс¹⁷. «Обезьяний» хлеб — это произведение искусства в форме для выпечки. У меня чуть не случился оргазм, когда я просто читала рецепт. Черт возьми, я становлюсь такой же, как среднестатистическая американка. Пора искать работу.

Я уже сходила в магазин и купила необходимые продукты для хлеба, форму для выпечки и фартук. Мне подумалось, что, вдруг, у меня ничего не получается из-за фартука? Может, для того, чтобы хорошо готовить, нужно выглядеть соответствующим образом. Фартук должен помочь. Все домохозяйки на *Pinterest* в фартуках.

Процесс готовки проходит нормально. У меня все получается. Наконец-то.

Пока я не выясняю, что в холодильнике нет масла.

Черт возьми.

Думай. Думай быстро. Что на твоём месте сделала бы Рэйчел Рэй¹⁸? Перестала бы печь хлеб? Нет!

Я выбегаю из квартиры, спускаюсь по лестнице и через пять секунд тарабаню в дверь соседей снизу и шепчу про себя:

— Ну же, живее, «обезьяний» хлеб не станет ждать. — Когда дверь распахивается, я без предисловий говорю: — Мне нужно масло, — и несусь напрямиком на кухню. Открываю дверь холодильника, отделение, где обычно хранят масло, но там... пусто. — Где масло? —

раздраженно интересуюсь я. Хозяйка холодильника стоит в дверях. Когда она не отвечает на мой вопрос, я снова спрашиваю: — *Где гребаное масло?*

— Не нужно ругаться. Это грех, — монотонно произносит она.

— Отсутствие масла — *это* грех, дамочка. — Я захлопываю дверцу и упираю руки в бока. Я в ярости. Чертов «обезьяний» хлеб свел меня с ума. — Где я могу его взять? Быстро? Оно нужно мне сейчас. — Такое ощущение, что я пытаюсь достать наркотики, а не обычный молочный продукт.

Женщина выглядит немного испуганной, но спокойной.

— Может быть, у миссис Липоковски есть масло?

Я быстро иду к двери и по пути касаюсь ее руки, приглашая следовать за мной. Я не знаю, кто такая миссис Липоковски, поэтому эта женщина должна помочь мне. Если тебе что-то нужно, то не стоит давать людям время на раздумья. Просто говоришь им, что делать, и обычно они не спорят. Принимая во внимание мою напористость и отчаяние, нужно быть сумасшедшим, чтобы бросить мне сейчас вызов.

— Отличная мысль. Сходите и возьмите масло у миссис Липоковски, а потом принесите его в квартиру номер три, — быстро произношу я, глядя ей прямо в глаза, чтобы она поняла важность доверенной миссии.

— Хорошо? — вопросительно произносит она.

Я хлопаю в ладоши, и женщина испуганно вздрагивает.

— Давайте, пошевеливайтесь. Миссис Липоковски. Масло. Сейчас. Идите, — командирским голосом приказываю я.

Она выходит в коридор, а я закрываю дверь.

— Квартира номер три! — кричу я вслед ее удаляющейся фигуре, а потом поднимаюсь наверх и оставляю дверь открытой, чтобы она могла легко найти меня.

Несколько минут спустя в кухне появляется соседка с маслом. Она тяжело дышит и держит его в руках, как эстафетную палочку. Я забираю масло, снимаю обертку, кладу его в чашку и ставлю в микроволновую печь. После чего перевожу взгляд на женщину. Может быть...

— Вы умеете печь?

— Пиццу.

— Замороженную? — Разогреть замороженную пиццу — это не готовить.

Она кивает.

Черт.

Я беру со стола телефон, нахожу рецепт и вручаю его ей.

— Вы сможете приготовить это?

Она берет телефон и долго читает рецепт, а потом встает и начинает открывать упаковку с тестом. Меня окрыляет надежда.

Когда форма для выпечки оказывается в духовке, я поднимаю взгляд на женщину, с которой работала последние тридцать минут и протягиваю ей руку.

— Миранда. — Я не благодарю ее, потому что для меня это редкость. Для того, чтобы жить и двигаться вперед мы совершаем незначительные и самые обычные поступки. В этом суть нашего существования. О какой благодарности может идти речь?

— Хоуп. — Сейчас женщина чувствует себя неловко. А, может быть, ей и до этого было неловко, но я не замечала этого, потому что думала только об «обезьяньем» хлебе. Она даже не смотрит на меня.

— Хочешь что-нибудь выпить, Хоуп? — Хлеб будет выпекаться тридцать минут, и я не желаю, чтобы она уходила на случай, если ничего не получится и мне понадобится кому-нибудь пожаловаться.

— Холодный чай найдется?

Я сжимаю зубы, прищуриваюсь и поправляю ее:

— У вас найдется холодный чай?

— Да, холодный чай найдется? — не обращая внимания на мои слова, отвечает она.

— Нет. У меня есть апельсиновый сок, газированная вода, молоко и легкое пиво. — Наплевать, что она, возможно, спасла мой зад, я не собираюсь предлагать ей свое вино.

— Апельсиновый сок.

Я наливаю сок в стакан и сажусь за стол рядом с ней. Она ерзает, как ребенок. Интересно, какая у нее история? Обычно мне не интересны личности людей, но эта женщина слишком странная.

— Как давно вы живете здесь, в этой квартире?

— Давно, — подумав, отвечает она.

— Год? Пять? Как давно?

— С восемнадцати лет.

— А сколько вам сейчас?

— Сорок.

Я бы дала ей на десять лет больше. Мне так и хочется рассказать ей о дермабразии, химическом пилинге и ботоксе, но не думаю, что эти слова есть у нее в словаре. Неожиданно мне приходит в голову идея, и я бегу в ванную комнату за косметичкой.

Вернувшись, вручаю ей резинку для волос.

— Завяжите волосы.

Она послушно исполняет мой приказ и собирает длинные спутанные волосы в хвост.

Я делаю тоже самое, после чего включаю кран с горячей водой и, намочив два полотенца для лица, выжимаю их.

— А теперь откиньте голову назад. Я положу полотенце вам на лицо. Оно горячее и поможет открыть поры.

— Поры?

— Просто откиньте голову назад. Ваша кожа кричит и требует внимания, как женщина средних лет в первом ряду на концерте Бон Джови. — Закончив с ней, я проделываю такую же процедуру со своим лицом. Когда полотенца начинают остывать, я снимаю их, кладу на стол и наношу маску на лицо Хоуп. Она морщится. — Простите, я знаю, что она холодная.

— Что это?

— Маска. В ней содержится молочная кислота и бета глюкан.

— Что?

— Это поможет вашей коже стать моложе и красивее. Вы плохо ухаживаете за лицом. Это видно. Если хотите, чтобы ваша кожа долго оставалась в хорошем состоянии, нужно дружить с ней. Уход за лицом — это марафон, а не спринт, — откровенно говорю я. Думаю, она из тех людей, которые спокойно принимают правду.

— Понятно, это сделает меня симпатичной. А сколько нужно ее держать?

Видите, я права.

— Двадцать минут, — отвечаю я, намазывая маску себе на лицо.

Шеймус

Я захожу в квартиру и вижу самую странную сцену в своей жизни. Миранда и Хоуп сидят за кухонным столом с каким-то зеленым дерьмом на лице и пьют апельсиновый сок в окружении грязной посуды. В квартире стоит невероятный запах. Когда я протягиваю руку, чтобы открыть духовку, Миранда недовольно отталкивает меня.

— Еще не готово. Не лезь.

— Что это? — спрашиваю я.

Молчание.

За моей спиной появляются дети.

— Привет, Хоуп, — говорит Кира.

— Привет, Кира.

— Привет, Хоуп, — восклицает Кай.

— Привет, Кай.

Дети встречались с Хоуп всего один раз, да и то несколько месяцев назад. Удивительно, что они помнят имена друг друга. Мы как участники ситкома, которые видят, но предпочитают игнорировать странности.

Так было, пока в кухню не зашел Рори.

— А чем это так вкусно пахнет? И что за гадость у вас на лицах? Вы такие страшные.

Я уже собираюсь одернуть его, но Хоуп отвечает:

— Это маска. Она поможет мне стать симпатичной. Мы с моей кожей станем подругами.

— А, понятно, — подняв бровь, произносит Кай. И уходит.

В этот момент срабатывает таймер на духовке, и Миранда вскакивает со стула, как будто ее ужалила в зад пчела.

— Уходите, — шипит она на нас с детьми.

Через десять минут в гостиную входят Миранда и Хоуп. У них чистые лица, а в руках они держат поднос с чем-то липким и, судя по всему, сладким. Миранда сияет от счастья. Не думал, что она вообще может так широко улыбаться. Но когда радость невозможно сдержать, улыбка всегда становится до ушей.

А «обезьяний» хлеб оказался лучшим, что я ел в своей жизни.

Глава 51

Раньше ты был добрее

Вы когда-нибудь смотрели фильмы или читали книги об одержимости? Когда в человека вселяется дух демона?

Интересно, а может быть наоборот? Когда в демона вселяется душа ангела?

Потому что иначе происходящее с Мирандой объяснить нельзя.

Утром она рано встает и готовит детям завтрак. Собирает им обед. Отвозит в школу. Убирается в квартире. Пытается готовить ужин, но обычно у нее ничего не выходит. Однако, отдам ей должное за старание. Она подружилась с Хоуп и даже иногда гуляет с ней днем. Разговаривает с детьми и слушает, что они ей говорят.

Знаю, мне следует радоваться тому, что она старается, но я почему-то отношусь к этому с подозрением. Много лет я жил, засунув в голову в песок и не замечал ничего. Говорят, что любовь слепа — либо так, либо у меня была очень низкая самооценка, потому что я любил Миранду в самом худшем из ее обликов.

Я всегда стремился быть хорошим мужем и отцом. Потому что мой папаша был совсем не таким. Он присутствовал в моей жизни, но никогда не участвовал в ней. Он был деспотом и если заговаривал со мной, то только для того, чтобы сказать «нельзя». Я знаю, что человеческие тела состоят из клеток, однако, убежден, что мой отец был сделан из негативизма, который отравил его и лишил способности любить.

Я поклялся не быть похожим на отца. А вместо этого женился на его подобии. Хотя, Миранда оказалась более усовершенствованной моделью. Она играла в игры с помощью лжи и манипуляций, а он предпочитал изрыгать проклятия. Но главное отличие между ними состояло в том, что одну я слепо любил, а второго ненавидел.

Совершенное Мирандой зло — вот, что удерживает меня от того, чтобы поверить ей. Тоненький голосок в моей голове твердит, что люди не меняются. Это странно, потому что, будучи психологом, я всегда верил, что они способны измениться в лучшую сторону. Что иногда им просто нужен равнодушный человек и помощь. Я считал, что отец — единственный человек, который не подходит под мою теорию. Но, судя по всему, Миранда в этом списке стоит на втором месте.

Наверное, поэтому я так зол. Она сдерживает мой оптимизм и веру в людей.

И это стало как нельзя очевидным сегодня, когда Миранда пришла ко мне на работу в обед. За все годы нашей совместной жизни она ни разу не делала этого. Поэтому, увидев ее, я ментально насторожился.

— Что ты тут делаешь? — даже не поздоровавшись интересуюсь я. Господи, в последнее время я слишком часто задаю ей этот вопрос.

Она не успевает ответить, потому что телефон на моем столе начинает трезвонить. Я поднимаю трубку и слышу тихий шепот Джанет:

— Шеймус, к тебе направляется бывшая жена. Хочешь я вызову охрану, чтобы ее отсюда вышвырнули?

Я смотрю на Миранду и коричневый бумажный пакет с ланчем в ее руке.

— Да, она здесь. И нет. Спасибо, Джанет.

— Хорошо. Звони, если понадобится помощь.

— Спасибо, — говорю я и вешаю трубку.

— Секретарша, кажется ненавидит меня. Она похожа на питбуля, — восклицает Миранда, устраиваясь в кресле по другую сторону от меня.

Я правда собирался что-нибудь ответить, но потерял дар речи, когда она достала из пакета салфетки и два сэндвича и протянула один мне с таким видом, будто делала это уже миллион раз. Чего никогда не было. Теперь я еще больше убежден, что она одержима. Я разворачиваю сэндвич и изучаю начинку: говядина с острой горчицей и перцем-чили.

— Как ты узнала, что мне нравятся именно такие сэндвичи? — скорее обвиняюще, чем благодарно произношу я.

Не обращая внимания на мою резкость, Миранда пожимает плечами и кусает свой сэндвич.

— Спросила миссис Липоковски. Странная женщина, но вполне приятная. Ты ей очень нравишься, Шеймус. Как только я упомянула твое имя, у нее загорелись глаза.

— Она милая, — возражаю я. Не то, чтобы Миранда как-то оскорбила ее, но я все равно чувствую необходимость что-нибудь сказать. Я смотрю, как она ест сэндвич с таким беспечным видом, будто делает это постоянно — но я хорошо знаю, что все совсем не так. — Почему ты здесь? Хочешь отравить меня? Ты подсыпала что-то в еду?

— Разве я не могу просто сделать для тебя что-нибудь приятное? — отвечает Миранда с таким видом, будто всю жизнь была со мной мила.

— Нет. Ты никогда не делала этого раньше.

— Думаю, я это заслужила, — фыркает она. А потом с самым серьезным видом шепчет:

— Я стараюсь, Шеймус.

Я подношу аппетитно пахнущий сэндвич к носу, а потом кусаю его.

— Спасибо. — Никогда не понимал, как можно заставлять себя благодарить человека. Но за последние две недели с Мирандой, только и делаю это. — За сэндвич. А теперь говори, что тебе нужно. — Я знаю, что она пришла не просто так.

— Раньше ты был добрее, Шеймус.

— Раньше я был слеп. Ты причинила мне зло и это изменило меня.

— Тебя изменило время. И рассеянный склероз. А не только я.

Она права, но я никогда не признаюсь в этом.

— Что тебе нужно?

— Ладно. Мне нужно, чтобы ты дал мне рекомендацию.

Ее просьба сбивает меня с толку.

— Рекомендацию для чего?

Миранда переводит взгляд на обертку из-под сэндвича, которая лежит перед ней на столе. Впервые с момента своего прихода, она не смотрит на меня.

— Для работы.

Я смеюсь, не зная, как на это реагировать.

— Ты хочешь, чтобы я дал тебе рекомендацию?

Она кивает, так и не глядя на меня.

— А почему ты не попросишь об этом своих бывших коллег и сотрудников?

Миранда, наконец, отрывает взгляд от стола и ухмыляется.

— А тебе ничего не говорит фраза «сжечь за собой мосты»?

Я смеюсь во второй раз за двадцать секунд.

— Ты серьезно просишь об этом *меня*, Миранда?

Вместо ответа она пристально смотрит на меня. *Значит, серьезно.* Иногда мне кажется, что Миранда полагает, будто может делать со мной все, что заблагорассудится, раз уж я любил ее когда-то. Она творит зло, а я нейтрализую его безоговорочной любовью. Но это больше не работает.

— То есть ты признаешь, что была не права в отношении своих бывших сотрудников? И поэтому не хочешь просить их об одолжении?

Миранда пожимает плечами.

— Типа того. Да, я переходила все границы. Деловой мир очень беспощадный. Поэтому они с большим удовольствием отомстят и напакостят мне.

— А с чего ты решила, что со мной будет не так? — спрашиваю я, понимая, что не поступлю подобным образом. Как бы я к ней не относился, но не стану вредить, потому что не смогу жить с таким поступком на своей совести.

Она смотрит мне в глаза и, не задумываясь, отвечает:

— Потому что ты святой, Шеймус.

— У святых нет мыслей, полных ненависти, — качаю головой я.

— Так ты дашь мне рекомендацию? — практически умоляет Миранда.

— Да, но только потому, что тебе нужна работа. К тому же, я мечтаю о том дне, когда

ты уберешься из моей квартиры.

Она встает и с довольным видом собирает мусор.

— А на какую работу ты устраиваешься?

— На должность директора, — неопределенно отвечает она.

— В какую компанию?

— Это не важно. — Судя по тому, как Миранда вздохнула, это важно.

— Почему ты не хочешь говорить?

— Потому что ты предвзято к этому отнесешься, — уже в дверях произносит она.

— И с каких пор тебя это волнует?

— Вот с этих самых. — Миранда закрывает глаза и снова вздыхает. — В приюте для бездомных.

Я поражен. Настолько поражен, что начинаю смеяться.

Она открывает глаза и поднимает бровь, словно бросая мне вызов.

— Что? Считаешь, я не должен удивляться? — спрашиваю я.

— Удивлен — значит, предвзято относишься, Шеймус, — обиженно произносит Миранда и уходит.

Она права.

Как она может быть права?

Каким образом наш разговор повернулся против меня?

Глава 52

Выбор есть всегда

Фейт

Настоящее

Было время, когда я молилась о переменах.

О спасении.

О силе духа.

И об ответах.

Было время, когда я обвиняла других во всех своих проблемах, перекладывая ответственность на них. Потому что так было проще.

И не требовало самоанализа.

Или личностного роста.

Было время, когда я оказалась на дне жизни, подобно камню, брошенному с крыши Эмпайр-стейт-билдинг. Это было ужасно.

Душераздирающе ужасно.

И похоже на самую страшную смерть.

Которую мне удалось пережить.

Это открыло передо мной иные перспективы.

И положило начало моему исследованию. Мне нечего было терять.

Только приобретать.

Поездка в Канзас-сити казалась мне необходимостью. Желание сделать это терзало меня, как комариный укус, который хочется расчесывать. Когда я приехала, то осталась не из-за того, что хотела, а потому что думала, будто у меня нет выбора.

Клодетт напомнила мне, что выбор есть всегда.

И купила билет на автобус.

Я вышла из автобуса на улицу. Воздух был теплый и приветливый, будто старый друг, по которому я очень скучала за время отсутствия. Я сделала несколько глубоких вдохов, заполняя легкие Калифорнией, местом, которое, как я думала, навсегда останется лишь воспоминанием.

Месяц почти закончился. У меня нет денег, чтобы оплатить аренду, поэтому в следующем месяце миссис Липоковски, скорее всего, будет сдавать мою квартиру новым жильцам. Но, по крайней мере, несколько дней у меня будет крыша над головой. При мысли о Шеймусе у меня бешено колотится сердце. Я думаю о нем каждый день, но знать, что он всего лишь в нескольких милях от меня...это искушает.

Хотя, мне хорошо удается справляться с искушением. Это не вариант. Искушение ведет к разрушению.

Но ему так сложно противостоять.

Уже практически ночь, когда я пешком добираюсь до квартиры. У меня осталось всего пятьдесят долларов, но я не собиралась тратить их на такси.

Мой скутер так и стоит возле двери Хоуп. Я отдала его ей, но сомневаюсь, что она когда-нибудь станет учиться ездить на нем. Хотя, и надеюсь на это. Ее жизнь станет гораздо легче и, возможно, она, наконец, выберется из скорлупы.

Свет не горит ни в одном окне. Весь район спит.

В моей квартире пахнет сыростью, будто она была заперта целую вечность. Я открываю окна, переодеваюсь в ночную рубашку и, как только голова опускается на подушку, засыпаю.

Меня будят детские голоса. Даже будучи сонной, я знаю, кому они принадлежат — детям Шеймуса. Кира поет, а Рори жалуется на то, что ему в ланч-бокс положили салат. Я лежу несколько секунд и просто слушаю их, радуясь тому, что Шеймус смог вернуть своих детей. А потом выбираюсь из кровати и незаметно выглядываю в окно, чтобы хоть глазком увидеть его и ребят.

Но вижу не Шеймуса. А его бывшую жену.

Они явно собираются в школу — у детей за плечами рюкзаки, а в руках ланч-боксы. Может, она переехала с ними в Калифорнию? Или навещает их по будням, а не по выходным? Все возможно. Главное, что в пользу Шеймуса. Я счастлива за него. И за детей.

Я уже собираюсь вернуться в кровать, как замечаю, что кто-то спускается по лестнице. Осторожные движения. Трость и потрепанные «мартинсы». Я медленно перевожу взгляд выше. Джинсы. Темно-синий свитер. И, наконец, голова с темными и такими мягкими волосами. Шеймус. *Черт возьми*. Он выглядит даже лучше, чем я его помню.

Мне хочется открыть дверь.

И пригласить его во внутрь.

Сорвать с него одежду.

И чтобы он раздел меня.

Я снова хочу почувствовать «НАС».

Очень хочу.

Но не могу.

Он собирается на работу. Я не знаю окончания истории с опекой, поэтому не стану рисковать и встречаться с ним.

В обед я навещаю Хоуп.

— Ты вернулась. — Она выглядит удивленной. В хорошем смысле этого слова, что очень не похоже на нее.

— На несколько дней. Как у тебя дела? — Не знаю, как это объяснить, но Хоуп выглядит другой. Здоровее. И не такой бледной, как раньше. Будто бывала на солнце. Ее волосы чистые и собраны в хвост.

— Хорошо.

Она просит меня остаться и посмотреть с ней любимое кино, как раньше. Я соглашаюсь. Мы едим тосты и яблочное пюре, а потом играем в настольную игру.

В четыре часа она объявляет:

— Мне нужно уходить. Хочешь со мной? — Хоуп подходит к двери и надевает шлепки.

— Куда ты собираешься? — удивленно спрашиваю я, потому что она никогда не выходит на улицу днем.

— Помочь подруге Миранде приготовить ужин, — совершенно обыденным голосом отвечает она.

— Миранде? — Бывшей жене Шеймуса? У меня внутри все переворачивается. Жаль, что я не могу повернуть время вспять, чтобы не задавать этот вопрос. Но следующие слова Хоуп разрывают мое сердце на части.

— Миранда живет с Шеймусом. Они семья.

Мне хотелось бы выглядеть храброй и стоически принять эту новость. Он не мой. И никогда не был моим. Он много лет принадлежал ей. У них есть общее прошлое. Дети. Мне стоит порадоваться за него.

Но я не могу. Мне хочется стучать головой об стену и кричать.

Не сказав ни слова, я выхожу из квартиры Хоуп. Она даже не замечает этого и уже поднимается по лестнице. Я закрываю дверь и внезапно замечаю конверт с именем Шеймуса, который я попросила передать ему. Он так и лежит на полу, заваленный рекламными брошюрами. Что ж, учитывая новости, это к лучшему.

Вернувшись в квартиру, я опускаюсь на пол и плачу. Оплакивая мужчину, на которого у меня нет прав. Родителей, которых никогда не найду. И квартиру, которую придется покинуть через несколько дней. Неожиданно демон, которого мне удалось победить много лет назад, начинает когтями прокладывать себе путь к свободе.

Я качаю головой, повторяя: «Нет, нет, нет, нет, нет. Я победила. У тебя нет надо мной власти. Я сильнее тебя!»

Я хочу уколоться.

Очень хочу.

Я ничего не вижу сквозь слезы.

И не слышу из-за голосов, звучащих в моей голове.

Я должна уйти.

Сейчас же.

Быстро собираю сумку и выхожу на улицу.

Молясь о том, чтобы найти в себе силы.

Я не знаю кому звонить. Меньше всего мне хочется быть обузой. Но я не желаю становиться одной из цифр в статистике. Я слишком долго боролась, чтобы стать «чистой». И пообещала себе никогда не возвращаться к наркотикам. Я вытаскиваю из сумки телефон, который тоже отключат через несколько дней, и звоню Клодетт. Она единственный человек, которому я могу признаться. Она уже помогла мне один раз справиться с этим демоном.

— Алло, — отвечает она.

Я делаю глубокий вдох и быстро произношу:

— Я хочу уколиться. Прямо сейчас. — Я снова начинаю рыдать. — Мне нужна помощь.

Я не справлюсь сама, Клодетт. Я недостаточно сильная для этого.

— Фейт, милая, послушай меня. Ты сильная. Тебе не нужны наркотики. — Она говорит спокойно, но в ее голосе чувствуется дрожь. — Где ты?

— Иду на пляж. — Я не знаю куда еще идти.

— Что бы ты не делала и куда не шла, не вешай трубку. Ты слышишь меня?

— Слышу, — хлопнув носом, отвечаю я.

Час спустя я подхожу к дверям приюта для бездомных. По словам Клодетт, он предлагает и психологическую помощь.

Меня встречает мужчина за сорок, который представляется Бенито. У него седые волосы и мудрые глаза, видевшие тысячи разных историй. Выслушав мою проблему, он просит оставить сумку в его кабинете и следовать за ним.

— Сначала тебе нужно поесть.

Все столики заняты мужчинами и женщинами в разных стадиях запущенности и бродяжничества. Я пытаюсь отказаться, потому что ела несколько часов назад с Хоуп, но он ничего не хочет слышать.

— Ужинай, а потом мы поговорим.

Я сдаюсь.

Позже Бенито говорит мне:

— Ты была достаточно храброй, чтобы поделиться со мной своей историей, поэтому позволь мне рассказать свою. Думаю, что тебе стоит ее услышать. Я сидел на героине пятнадцать лет. И большую часть этого времени прожил на улице. Семья отказалась от меня, потому что я обманывал и обкрадывал их. Я поставил наркотики выше своей семьи. Предпочел кайф всему остальному. Так было пока у меня не случилась передозировка. Я очнулся в больнице и мне сказали, что я не только практически потерял жизнь, но у меня положительный анализ на СПИД. Не многие слова, способны задеть тебя так, как эти. Каждый наркоман когда-нибудь получает свой «звоночек». Повезет, если этим «звоночком» не становится смерть. Мне повезло. Одновременно с этим в мою жизнь вернулся младший брат, которого я не видел пять лет. Он устроил меня в реабилитационный центр. Мой младший брат спас мне жизнь. С тех пор я никогда не принимал наркотики. Это было двенадцать лет назад. Долгое время я носил в себе чувство вины. Но потом понял, что во мне есть потенциал и у меня есть, что предложить миру. Как и всем. В общем, если коротко, то я вижу в тебе себя. Мне нравится твой дух. Ты поборола свою зависимость. В тебе столько потенциала, Фейт. Тебе просто нужно немного помочь.

— Но я чуть не сорвалась сегодня после трех лет. — Я не чувствую себя достойной помощи, которую он предлагает.

— Самая главное, что не сорвалась. У тебя была потребность, но ты с ней справилась. И в глубине души я верю, что если бы у тебя в руках оказались наркотики, ты бы отказалась от них. Ты бы боролась. Потому что молодая женщина, которая пришла сюда за помощью, — борец. Борец с добрым сердцем. Идеальное сочетание. — Его слова звучат убедительно.

И когда я опускаюсь на кровать в женской комнате, то чувствую себя убежденной. Демон ушел. Убежал. Вот только я пока все еще безработная и бездомная.

Глава 53

От «ПАЙН-СОЛ¹⁹» у меня болит голова

Миранда

Настоящее

Скажи мне кто, год назад, что я буду руководить приютом для бездомных, я бы рассмеялась этому человеку в лицо. Никаких премий. Зарплата — гроши. Убогое здание. Но, самое главное, это работа требует сострадания и жалости — языка, на котором я не могу говорить.

Сегодня мой первый день работы. Я захожу в здание и меня окутывает запах — смесь затхлого помещения и людей. Голос в моей голове пронзительно кричит о том, что нужно развернуться и уйти домой.

На данном этапе жизни я постоянно задаю себе вопросы. Самый главный: «Почему я пытаюсь измениться?»

Можно было бы солгать и сказать, что ради себя самой. Чтобы стать лучшим человеком. Но это невозможно, учитывая мое прошлое.

Ради детей? Да, у нас потихоньку налаживается связь и мне нравится проводить с ними время, но дело не в них.

В глубине души я знаю, почему делаю это. Ради Шеймуса. Мне не нужен пропуск в рай, моя судьба предрешена в этом вопросе. Даже Шеймус не сможет помочь мне избежать ее. Просто я... люблю его. Знаю, моя любовь не такая, как у других людей. Она приправлена эгоистичностью, отвращением к самой себе и немного ревностью. Но она живет во мне и жаждет почувствовать его прикосновение или восхищенный взгляд, услышать слова любви и преданности. Боже, как же я скучаю по этому. Я знаю, что игры больше не помогут. Я столько лет потратила на них, думая, что одерживаю победу. А на самом деле, постоянно проигрывала и теряла. Теряла его.

Поэтому я здесь. Ради второго шанса с ним. А не потому, что мне нравится работа.

Эта некоммерческая благотворительная организация находится на грани банкротства. Моя работа заключается в том, чтобы найти финансирование и добиться ее выживания и процветания. Я рассматриваю это как возможность проявить креативность. Нужно разработать план, который заставит компанию работать, как по маслу. Это вызов. И я готова принять его.

Мне представляют работников, большая часть которых волонтеры. Они готовят еду, убираются, поддерживают порядок, занимаются вопросами охраны и материальными пожертвованиями, такими как одеждой, едой, предметами гигиены. Они — движущая сила этого поезда. Осмотрев все, я прихожу к нескольким выводам. Во-первых, нужно купить другую одежду для работы. Брючный костюм за пять тысяч долларов не вызовет ко мне уважения у человека в старых потертых и выцветших джинсах. Во-вторых, запах «Пайн-Сола» вызывает у меня головную боль. Я никогда не была в «Костко», но по дороге домой заезжаю в магазин и забиваю багажник моющими средствами, которые не пахнут лимоном, антисептиком или чем-то искусственным. В-третьих, Бенито, который руководит работой с кризисными ситуациями, хороший человек. Надеюсь, он пока не понял, что я сука, потому что он нужен мне, чтобы изменить это место.

Глава 54

За попытку медаль не дают

Шеймус

Настоящее

Сегодня тело плохо слушается меня. Вот уже неделю болят ноги и стучит в голове, а сегодня к этому добавилось головокружение. У меня плохое настроение и я раздражен.

Дети уже в кроватях. Мне и самому пора спать, но сначала нужно переговорить с Мирандой.

Она сидит на диване, потягивая вино. Я устраиваюсь напротив нее и начинаю разговор.

— Как твоя новая работа?

— Все нормально, — медленно кивает Миранда.

— Вот и хорошо. Твое время почти вышло, Миранда. Я хочу, чтобы ты переехала к концу недели.

Она снова медленно кивает, словно обдумывая что-то и планируя. Я знаю этот взгляд.

— Я собираюсь купить дом и хочу, чтобы вы с детьми переехали ко мне.

У меня перехватывает дыхание от злости. Наверное, не стоило сегодня заводить этот разговор. Я закрываю глаза и категорично отвечаю:

— Нет.

— Но так будет проще для всех. Ты сможешь сэкономить деньги. И мы все будем вместе.

На долю секунду ее предложение кажется мне разумным: удобство и экономия. Но меня отрезвляют последние слова: «*Мы все сможем быть вместе*».

— Нет, Миранда. У тебя будет твое место, а у меня свое.

— Но я пытаюсь, Шеймус, — мягко произносит она.

— Я знаю это. — Звучит не слишком убедительно, но сегодня я не способен на большее.

— Тогда, почему ты нет?

Я пытаюсь расшифровать ее слова.

— Что «нет»?

— Почему ты не пытаешься?

— В этом вся моя чертова жизнь, Миранда. Я постоянно *пытаюсь*, — громче, чем следовало бы, восклицаю я. — Пытаюсь быть хорошим отцом и человеком. Пытаюсь быть терпеливым и принять свое тело и болезнь. — Я мог бы продолжать и продолжать. — В этом и состоит жизнь — в постоянных попытках. За это не дают медаль. Это само собой разумеется. И ожидается от каждого человека.

Ей удастся сохранить на лице маску равнодушия, но я знаю, что Миранда хотела услышать совсем не это.

— Подумай о детях. Они рады, что мы сейчас живем под одной крышей.

Я качаю головой.

— Дети рады, потому что у них теперь есть оба родителя. Они всегда этого хотели. Черт, да я сам мечтал об этом. Отношения между родителями и детьми определяет не родство, а общение. А это возможно и из разных домов, особенно если они всего лишь в нескольких милях друг от друга.

Миранда ничего не отвечает. Я встаю, пока она не решила продолжить дискуссию.

— Ты должна съехать до конца недели. Спокойной ночи.

Я знаю, что она планирует: думает, что я не стану устраивать противостояние, если она не съедет. Так называемый, пассивно-агрессивный подход. Но я самолично закину ее вещи в машину и отвезу в гостиницу. Я покажу ей, каким агрессивным может быть этот пацифист.

Глава 55

В тебе я вижу себя

Фейт

Настоящее

— Фейт, можно тебя на минутку? — отвлекает меня Бенито от мытья полов в столовой.

— Конечно. Что-то случилось? — Я переживаю, что меня попросят уйти из-за того, что я вчера устроилась на работу. Но я не смогу снять новую квартиру пока не накоплю денег.

— Слышал, что ты вчера получила работу? — спрашивает он.

— Да. Официанткой в вечернюю смену в закусочной. Выхожу завтра в пять часов. —

Пожалуйста, не проси меня уходить. Пожалуйста, не проси.

Он по-доброму улыбается мне и я расслабляюсь.

— Поздравляю.

— Спасибо.

— У меня есть к тебе предложение, но я пойму, если ты теперь откажешься. Мы с братом открываем через несколько недель пекарню. Он всегда мечтал об этом. Я бы хотел взять тебя к нам на работу.

— Что?

Его улыбка ширится и я не могу не улыбнуться в ответ.

— Я хочу взять тебя к нам на работу.

— Но я не умею печь. Ну, если не считать хлебного пудинга. И шоколадного торта.

— Мой брат сам будет печь. Но ему нужен дружелюбный и компетентный продавец. Его жена будет работать с понедельника по среду, а ты с четверга по субботу, начиная с пяти часов утра и до двух дня. Что скажешь?

Я энергично киваю головой.

— Да. Да! Да, пожалуйста. Спасибо. Большое спасибо. — Я крепко обнимаю его, а он смеется.

— Не за что, Фейт. И вот еще что. Я живу с братом. Они переоборудовали цокольный этаж и сделали из него три небольшие спальные комнаты, которые сдают за четыреста долларов в месяц, включая коммунальные услуги. В эти выходные у них освобождается одна комната. Если хочешь, я могу дать тебе адрес.

Я жду, что он сейчас скажет, будто это была шутка. Но шутка в том, что у меня нет четырехсот долларов. Я пожимаю плечами.

— Это очень мило с твоей стороны, но у меня нет денег. Мне понадобится пару недель, чтобы заработать их.

— Я знаю. Мой брат в курсе твоей ситуации и разрешает оплатить проживание, когда у тебя появятся деньги.

Меня всегда искренне поражает чрезмерная доброта. Может быть потому, что это большая редкость. Или потому, что ты просто оказываешься не готов к ней. Подобные вещи лишают меня равновесия и каждый раз заставляют опуститься на колени. Я со слезами на глазах снова обнимаю его и плачу на плече. А потом отпускаю и смотрю ему в глаза.

— Почему? Почему я?

— Помнишь нашу первую встречу? После ужина мы разговаривали и я поведал тебе свою историю? — задумчиво произнес он.

Я киваю. Никогда не забуду тот вечер.

— В тебе я вижу себя. Помимо этого, я наблюдал за твоей работой в приюте всю

неделю: ты ни на что не жаловалась и справлялась со всем с улыбкой на лице. Ты была добра к другим и никогда не осуждала их. Как я уже говорил, в тебе есть большой потенциал, которому только нужно помочь раскрыться.

Я вспоминаю слова Клодетт о супергероях, которые находятся среди нас и которые способны заставить любого почувствовать себя особенным. Бенито определенно такой же бэтмен-ангел, как и Клодетт. И этого оказывается достаточным, чтобы тут же принять его помощь.

— Я согласна на комнату. Спасибо.

Он пишет адрес дома и булочной и вручает мне листок бумаги, в котором сосредоточены надежда, обещание и новая жизнь.

— Спасибо еще раз.

Глава 56

Никто не смеет посягать на мое

Миранда

Настоящее

Я ревнивый человек. Как и многие люди. Большую часть времени я в той или иной мере испытываю ревность. Она может быть направлена на человека, который стоит в очереди в «Старбаксе» впереди меня и с которым флиртует симпатичный бариста. Или на двадцатилетнюю бегунью с идеальным телом, которое напоминает о том, что моя молодость осталась позади и теперь остается только пытаться сохранить былую красоту. Или на Бобби Флая, который просто ас в готовке. Я ревнивая.

Но когда я вижу эту женщину, меня охватывает ярость.

Это она. Фейт. Боже, даже ее имя вызывает у меня желание сжать руки в кулаки и накоутировать ее. Фотографии, на которых Шеймус обнимает ее и целует выжглись на моей памяти. Встретиться с ней лицом к лицу было ужасно: безупречная сияющая кожа, ярко-голубые, будто отфотошопленные глаза, растрепанные волосы, которые только придают ей сексуальности, молодое идеальное тело, от которого не откажется ни один мужчина и чертов милый характер. Красивая и приятная; да будьте прокляты те, кто сотворил этого маленького ангела. Из-за нее я чувствую себя в аду.

Мне удалось разлучить ее с Шеймусом с помощью лжи. Это было не сложно. В конце концов, она была стриптизершей. Нет, я не виню ее в этом. Если бы у меня было такое тело и сиськи, я тоже была бы не прочь показать их всему миру. Но она точно не была проституткой. Я заплатила нескольким мужчинам, чтобы они сделали ей щедрые предложения, но она их отвергла. Поэтому мне пришлось солгать.

Но что Фейт делает в приюте для бездомных? Хоуп сказала, что она уехала. Как мне вернуть Шеймуса, если она снова начнет крутиться вокруг него?

Черт побери.

Чем дальше я стою и смотрю на нее, тем сильнее злюсь. Мне очень хочется ударить ее. У меня был хороший день. Во время обеда с главным благотворителем, я выбила из него пожертвование на шестизначную сумму. Сегодня утром нам удалось накормить на пятьдесят человек больше. И, как оказалось, в джинсах моя задница выглядит просто фантастически.

Я иду в кабинет и вызываю к себе Бенито.

— Что тут делала Яркая Радуга²⁰?

— Что? — Я в курсе, что в деловом мире вежливость — его неотъемлемая часть. Но все, кто когда-то работал под моим началом знают, что мне на нее наплевать. Вот и Бенито

сейчас это поймет.

— Девушка с дредами. — Они уже не такие яркие, как несколько месяцев назад, когда я впервые увидела ее.

— Ах, Фейт?

— Да, Фейт.

— Она живет здесь уже несколько дней пока устраивается на работу и ищет квартиру. — Бенито всегда отвечает уважительно, как профессионал.

И от этого мой следующий вопрос кажется еще грубее.

— Что за дерьмо? Ты шутишь?

Он недоуменно хмурит лоб.

— Нет. А в чем проблема?

— Она спала с моим мужем, — говорю я скорее сама себе, чем ему, но он все равно отвечает.

— А вы были женаты? — Я вижу, что ему неловко.

— Он мой бывший муж. А она спала с ним пока я думала, что замужем за другим мужчиной. — Я встряхиваю руками, потому что это звучит нелепо. — В общем, долгая история и у нас нет на нее времени.

Он медленно кивает, все еще ничего не понимая.

— Спасибо за информацию, Бенито. Можешь возвращаться к работе.

У меня кипит мозг. Я уже много месяцев не была в такой ярости. Она только что посягнула на мое. Никто не смеет делать этого. А уж особенно красивая молодая девушка, которая трахалась с моим бывшим мужем.

Как же мне ненавистно это слово... бывший муж. Я пытаюсь отрицать его, но не могу. Оно кажется таким стойким, жестким и незыблемым.

Глава 57

Мне не нужно засыпать, чтобы мечтать

Шеймус

Настоящее

После школы мы с детьми идем на пляж. Я постоянно замечаю за собой, что выискиваю в толпе Фейт. Надеюсь, что увижу ее, стоящей на коробке из-под молока и предлагающей бесплатные объятия. Но Фейт не оказывается на месте, и я начинаю ругать себя за то, что не стал удерживать ее. Хотя, у меня все равно не было выбора. Либо она, либо дети. Поэтому приходится мечтать о ней. Каждую ночь. Мне не нужно засыпать, чтобы мечтать. Но в последнее время я обнаружил, что нуждаюсь в фантазиях, чтобы заснуть.

Сегодня пятница. На выходных Миранда должна съехать. Вечером мы вместе с детьми посмотрели фильм по телевизору. Ребятня ела попкорн. Миранда выпила стакан вина, а я несколько бутылок пива, молчаливо празднуя ее переезд. Ну не кричать же: «Да! Наконец-то!» Это было бы некрасиво. Проще выпить и повторять эти слова про себя.

Уложив детей спать, я начинаю мечтать о Фейт. Я скучаю по ней: вспоминаю ее улыбку, глаза, как она заставляла меня смеяться и принимала таким, какой я есть, со всеми недостатками. Но сегодня я прокручиваю в памяти нашу последнюю ночь: то, какой была на вкус ее кожа и звуки, которые она издавала. Все было идеально.

Мне нужно на свежий воздух. Наверное, я слишком много выпил.

Или же недостаточно.

Как будто услышав мою последнюю мысль, на улицу выходит Миранда.

— Кажется, тебе не помешает это. — В руках у нее бутылка текилы и две стопки.

Я колеблюсь, потому что не хочу напиваться. Хотя... *Да, ты же, наконец, уезжаешь!*

— Спасибо.

Она разливает текилу, и я быстро выпиваю ее. Миранда наливает еще две стопки и говорит:

— За будущее.

— За будущее, — бурчу я в ответ и молча добавляю: «И за твой отъезд». После чего опираюсь на перила и смотрю на скутер Фейт. Текила начинает смешиваться с пивом: перед глазами все расплывается, а в ушах шумит.

— Еще одну, — предлагает Миранда.

Я качаю головой. Не хочу больше пить. Хочу вернуться в квартиру, снять одежду, забраться в кровать и мечтать о Фейт.

Она все равно наливает. Я возвращаю ей пустую стопку и, пошатываясь, иду в свою комнату. Раздеваясь, вижу перед собой Фейт. Обнаженную. И такую прекрасную. Забравшись в кровать, обхватываю член рукой и представляю себе, что это ее пальцы ласкают меня. Не проходит и нескольких минут, как я кончаю. Но все равно продолжаю фантазировать и мечтать, пока не оказываю в царстве сновидений.

Она лежит на мне. В комнате темно. Я не вижу ее, но чувствую, как она прокладывает дорожку поцелуев вдоль груди к шее.

— Поцелуй меня, — молю я.

Она выполняет мою просьбу, задевая губы, язык и зубы. Медленные, томные движения языка. Зубы, игриво прикусывающие мою нижнюю губу. И такие мягкие, нежные губы.

— Я скучал по тебе, — шепчу я между поцелуями. — Я так по тебе скучал.

Почувствовав, как ее обнаженное тело трется о мое, я, наконец, просыпаюсь.

— Я тоже скучала по тебе.

Я замираю. Я мечтал о том, чтобы Фейт сказала мне это.

Но это не Фейт.

И не сон.

Это чертов кошмар.

Я сталкиваю ее с себя, спрыгиваю с кровати и включаю свет.

На моей постели лежит обнаженная Миранда.

— Господи Иисусе, — бурчу я, пытаюсь найти на полу боксеры. Этого не может быть. — Убирайся.

Она ухмыляется и прикрывается простыней.

— Ты принял меня за другую. — Это не вопрос, а утверждение, в котором чувствуется смущение и сожаление.

Я смотрю ей прямо в глаза и киваю.

— Я пьян. Нахожусь в собственной спальне. И представлял себе другую.

— Фейт?

Я снова киваю.

— Что в ней такого, Шеймус? Что? — Я думал, что эти слова прозвучат жалобно и жалко, но, судя по всему, Миранда, наконец, поняла, что между нами все кончено и второго шанса не будет.

Я не хочу обсуждать это, учитывая ее и мое состояние, но боюсь, что если не отвечу

сейчас, то мы вновь вернемся к этому вопросу, потому что Миранда очень настойчивая.

— Все дело в сердце. Оно руководит ее действиями: каждой улыбкой, словом и прикосновением. Ты даже не представляешь, что чувствует человек, когда принимает все это.

Миранда откидывает простынь, сползает с кровати и натягивает ночную рубашку.

— Представляю. Она — это ты. — С этими словами она выходит из комнаты.

Может, в этом виноват алкоголь, но мне ее жалко. Черт возьми, когда дело касается Миранды, ненависть все же предпочтительнее.

Глава 58

Родитель — это не тот, чья кровь течет в ребенке

Шеймус

Настоящее

Миранда с риелтором смотрят дом. Она взяла с собой детей, что было разумным, ведь согласно новому соглашению об опеке, над которым работает мой юрист, половину времени они будут жить с ней. Миранда решила приобрести дом в этом же районе для удобства всех нас. Меня это очень удивило, но я благодарен ей. Очень благодарен. У нас уже есть письменное согласие Миранды на изменение соглашения, осталось доработать детали.

Сегодня суббота и я не знаю, чем заняться. В квартире слишком тихо. Мне не нравится проводить время без детей. Это пугает меня, потому что сразу вспоминаются прошедшие месяцы. Я больше никогда не хочу проходить через подобное.

Меня спасает стук в дверь. Я открываю ее, но тут же хочу захлопнуть.

— Шеймус. — В его голосе слышится одновременно официальность и дружелюбие, которое кажется совершенно не к месту.

— Лорен.

— Знаю, это неожиданно. — Он бледен и выглядит худее, чем несколько недель назад.

Я киваю.

— Полагаю, вам нужна Миранда. Но ее нет. Она вернется после обеда.

— Вообще-то, я хочу поговорить с тобой. — Его глаза с сожалением смотрят на меня.

— Хорошо, — отвечаю я, совершенно ничего не понимая. — Заходите.

Он садится на диван и ставит кожаный дипломат на пол возле ног. Ему явно неудобно. Он внимательно изучает комнату, подмечая все детали. Лорен оценивает меня, я это чувствую. Да пошел он со своим чувством превосходства.

— Шеймус, я перейду прямиком к делу. — Такое чувство, будто со мной разговаривает кто-то из администрации на работе, когда им нужно сообщить плохие новости, и эмоционально они уже отделились от проблемы.

— Я ценю это. — Пусть уже говорит, а то я начинаю нервничать.

Он откашливается, переставляет дипломат на кофейный столик и открывает его.

— Сядь, пожалуйста. — Лорен смотрит на меня и его глаза говорят, что все серьезно.

— Я лучше постою, — возражаю я. Мне хочется сесть, но я упрямо бросаю ему вызов.

Он опускает взгляд, недовольный моим решением.

— Хорошо. Я начну. После ухода Миранды, у меня через несколько дней случился сердечный приступ. За ним последовали три операции. Врачи сказали, что мне очень повезло.

— Мне жаль. — Не знаю, почему я сказал это.

Он кивает.

— Спасибо. Будучи при смерти, я переоценил свою жизнь и приоритеты. Решил выйти из бизнеса и уйти на покой. Я собираюсь продать дом, чтобы путешествовать по миру. Надеюсь, что найду место, которое окажется мне по душе и осяду в нем.

— Без обид, но я не понимаю, зачем вы приехали в Калифорнию, чтобы сказать мне об этом. — Я не хочу показаться грубым, но все это не имеет смысла. Подобные разговоры ведутся с друзьями и членами семьи. Я не принадлежу ни к тем, ни к другим.

— Я должен кое-что исправить перед тем, как уехать. — Его глаза с сочувствием смотрят на меня.

Я снова начинаю нервничать.

— Что?

В следующий момент он произносит то, к чему я оказываюсь совершенно не готов.

— Кира моя дочь.

Что? Он прав, мне нужно сесть. Я падаю рядом с ним и зажимаю голову в руках. Этого не может быть.

— Пожалуйста, скажи, что это жестокая шутка.

— Мне жаль, Шеймус. Я знал, что Миранда никогда не расскажет тебе об этом. И хотел сделать все правильно.

— Правильно? Правильно? Как, черт возьми, ты можешь сделать все правильно. Кира моя дочь. Я люблю ее. — Слезы застилают мне глаза.

— Я знаю. И ты прав, она твоя дочь. Может, в ней и течет моя кровь, но ее отцом был, и всегда будешь являться ты. — Он засовывает руку в дипломат и вытаскивает стопку бумаг. — Я знаю, что твое имя итак значится в ее свидетельстве о рождении, но вот тест на отцовство. Я бы хотел, чтобы ты оформил удочерение на случай, если Миранда попытается забрать ее у тебя. Она может быть очень коварной, а я не смогу жить с чистой совестью зная, что мог, но не защитил Киру. Я хочу уехать, зная, что она твоя.

— Как давно ты знаешь об этом? Как давно об этом знает Миранда?

— Мы оба были в курсе с самого начала ее беременности. Тест на отцовство был сделан сразу после рождения Киры.

— Что за ерунда? — шепчу я. Я разговариваю сам с собой. С ним. И с Мирандой, хотя ее и нет в комнате. Я разговариваю с Богом, в которого не верю, потому что он не позволил бы подобному дерьму случиться.

Лорен выходит на несколько минут, оставляя меня наедине с шоком. Когда он возвращается, я поднимаю на него взгляд и спрашиваю:

— Что тебе нужно? Ведь тебе что-то нужно, не так ли?

— Я хочу умереть с чистой совестью. Я совершил много вещей, о которых сожалею сейчас. Много вещей, которые не могу изменить. Но это... могу. Кира заслуживает такого отца, как ты. Я никогда не хотел детей, Шеймус, но она прекрасный ребенок и это целиком благодаря тебе.

У меня столько вопросов, но я не могу сложить буквы в слова, чтобы задать их.

— Ты хочешь, чтобы Кира знала об этом?

Он качает головой.

— Нет. Она любит тебя. Я не хочу усложнять ваши отношения.

Я беру со стола бумаги.

— Значит, я подписываю их, ты уходишь и никогда не возвращаешься?

— Да, — искренне отвечает он.

— Что, если Кира когда-нибудь узнает об этом? У Миранды длинный язык. Что, если она захочет познакомиться с тобой? Или возникнет проблема со здоровьем и нам нужно будет связаться с тобой?

— Вы с Кирой всегда можете сделать это при необходимости. В ином случае, я предпочитаю, чтобы она никогда об этом не узнала.

Мне хочется назвать его дураком. Ну, кто так поступает? Кто позволяет другому человеку воспитывать своего ребенка. Но я тут же вспоминаю тех детей, которых мне приходилось консультировать за время работы; детей, чьи родители не хотели их или жестоко обращались с ними. И тех, кого воспитывали приемные родители, которые безумно любили их. Родитель — это не тот, чья кровь течет в ребенке, а тот, кто любит его. И точка.

— Кира всегда будет в моем сердце. Бумаги этого не изменят.

— Я знаю, Шеймус. И благодарен тебе.

— Я бы хотел, чтобы мой юрист изучил документы перед тем, как я подпишу их. — Никогда не буду ничего подписывать без его одобрения.

— Я ожидал этого! Просто отправь их в мой офис, как закончишь.

— Я верну их через несколько дней, если все нормально. Если нет, то позвоню тебе.

— Конечно, я всегда на телефоне. Мой номер есть в бумагах.

— Спасибо.

Мы пожимаем друг другу руки.

И он уходит.

У меня в голове полно вопросов. Почему я не знал об этом? Почему Миранда скрывала это? Что подумает Кира, если узнает обо всем? Единственное, что не вызывает вопросов — это то, что я люблю свою дочь. И это важнее всего. Зол ли я? Да, черт возьми. Чувствую ли себя преданным? Определенно. Но важнее всего моя любовь к малышке.

Ожидание их возвращения растягивается надолго. Не в минутах, а в количестве сердцебиений. С каждым ударом сердца моя злость становится сильнее. Я чувствую, как она пульсирует у меня в крови.

Когда дверь, наконец, открывается, я обнимаю детей, чтобы успокоиться. И клянусь, что очень скоро заставлю Миранду ответить на мои вопросы... Как только все решится с удочерением.

Глава 59

Это сложный вопрос

Фейт

Настоящее

Раздается стук в дверь.

— Фейт? — Это Бенито. — Я принес тебе кофе.

Пить кофе по вечерам в моем новом жилище, когда я не работаю в закусочной, стало нашим ритуалом. Я с нетерпением ожидаю его. Обычно мы общаемся недолго, но на разнообразные темы. Бенито очень начитанный и всегда выслушивает мою точку зрения. Мне это нравится. Хорошие слушатели — это большая редкость. Он как отец, которого мне всегда хотелось иметь.

— О чем ты мечтаешь, Фейт? — Наши разговоры начинаются с вопроса, подобно этому, а через пару минут мы уже обсуждаем значимость хип-хопа в современной культуре и

дойдут ли «Доджеры» до плей-оффа²¹. Никто не знает, куда повернет наша беседа.

— Это сложный вопрос, Бенито. — Мечты всегда непросто выразить словами.

— Мне нравится заставлять твои мозги работать. — Его улыбка говорит, что это правда.

— В детстве мои мечты касались, в основном, выживания. Я мечтала о хорошей семье, любимой еде и паре новых ботинок. Со временем начала мечтать о поступлении в колледж, а сейчас о том, чтобы найти настоящую мать. Я мечтаю понять, кто я есть.

— Мне кажется, что ты и так это знаешь. Просто боишься идти вперед, к тому, чего действительно хочешь, потому что думаешь, будто не заслуживаешь этого. Но это не так.

— От пристрастия к наркотикам очень тяжело избавиться. Кажется, ты переборол эту болезнь, но она навсегда остается с тобой. Я до сих пор ощущаю, что она диктует, как мне жить.

— Каждый день — это новый день. Мне понадобилось двадцать лет, чтобы поверить в это, Фейт. Но это правда. Каждый день — это новая возможность быть тем человеком, которым ты всегда хотел стать. Иногда у тебя будет это получаться, а иногда нет. Но, в конце концов, ты *станешь* новым человеком. С новым отношением к жизни. С новыми взглядами и перспективами. Человеческий мозг удивительная штука, которая дарит нам эту возможность. — Он замолкает и улыбается. — О чем еще ты мечтаешь?

Я задумчиво отпиваю кофе, потому что эту мечту сложнее объяснить.

— О любви.

Бенито откидывается на стуле.

— О любви. Это немного обобщенно. А если конкретнее?

— В детстве я просто хотела, чтобы меня кто-нибудь любил. Но разве не об этом мечтает каждый ребенок? Но за последние несколько лет это изменилось. Нет, я все еще хочу, чтобы меня любили, но куда больше хочу любить сама. Я хочу взаимности. Хочу просыпаться утром с мыслями о нем и также засыпать. Хочу чувствовать притяжение, не только физическое, но эмоциональное и мысленное. Я хочу, чтобы меня необъяснимо тянуло к человеку. И чтобы с ним происходило тоже самое. Это было бы невероятно прекрасно... — Я замолкаю, потому что представляю себе Шеймуса.

Бенито внимательно смотрит на меня, читая между строк.

— Это и, правда, было бы невероятно прекрасно. Отлично сказано, дорогая.

Он встает, а, значит, время разговора подошло к концу. Иногда мы общаемся всего несколько минут.

— Спасибо, Бенито.

— Не за что. — Он начинает подниматься по лестнице, но внезапно останавливается.

— Фейт?

Я все еще сижу на диване.

— Да.

— Надеюсь, что он знает, как все могло бы быть невероятно прекрасно между вами.

Я улыбаюсь, услышав по-отечески добрые слова Бенито.

— Иногда в жизни все не так просто.

— А иногда все не так и сложно. — С этими словами он подмигивает мне и уходит.

Глава 60

Тебя прислали прямиком из ада, чтобы разрушить мою жизнь?

Миранда

Настоящее

Я снова молюсь на алтарь под названием Pinterest. На этот раз моя цель — лазанья.

Сейчас семь часов утра. Суббота. В восемь я забираю детей у Шеймуса. Мы договорились, что теперь, когда я живу в новом доме, они будут проводить выходные со мной.

— Черт, да, на ужин у нас будет домашняя лазанья. — Я хлопаю в ладоши и мысленно настраиваю себя на кулинарный вызов, который ждет меня впереди. Схватив ключи и сумку, направляюсь к двери. Мне нужно в продуктовый магазин, к Шеймусу и, заодно, захватить с собой мой кулинарный талисман — Хоуп. Она чертов гений на кухне. У всех есть скрытые таланты и ее, как оказалось, — это готовка.

Мы все собрались на кухне, чтобы начать операцию «Лазанья».

Я, Рори, Кира и Хоуп занимаемся приготовлением лапши с помощью хитрой штуковины, которую я купила. Неожиданно Кай изъявляет желание покататься на велосипеде.

— Далеко не уезжай, — кричу я, услышав, как открывается входная дверь.

— Хорошо, мам.

Мне бы хотелось повернуть этот момент вспять.

И прожить его заново.

Тогда бы я не разрешила Каю покататься на велосипеде.

Он бы остался, и мы бы вместе приготовили шедевр итальянской кулинарии.

А потом съели бы его за кухонным столом.

И все бы жили долго и счастливо.

Конец.

В действительности же произошло следующее:

Я поняла, что забыла купить чертову рикотту и попросила Хоуп присмотреть за детьми пока я сбегая в магазин. Вместо того, чтобы взять их с собой, как сделала бы любая нормальная мать.

Я запрыгнула в машину и завела ее, думая лишь о лазанье, потому что я эгоистичная сучка.

А потом сдала назад, позабыв, что в мире есть вещи куда важнее, чем еда.

Я услышала удар и почувствовала толчок.

И у меня.

Остановилось.

Сердце.

Говорят, что перемены приходят, когда их меньше всего ожидаешь.

Что для любого изменения нужен катализатор.

Жаль только, что катализатор оказался вот таким.

Я механически заполняю бумаги, хотя не вижу ни слова из-за слез. В голове снова и снова крутится фраза: «Ты — монстр». Я пытаюсь спорить, умолять и торговаться: *«Мне жаль. Мне так жаль. Пожалуйста, пусть с ним все будет в порядке. Я сделаю все, что угодно. Все. Забери меня вместо него».*

— Папочка, — восклицает Кира, и ее грустный голос выводит меня из транса.

Шеймус стоит в дверях и ищет взглядом нас.

Рори срывается с места и бежит к нему.

Я боюсь поднять глаза на Шеймуса. Какие бы эмоции в нем сейчас не бурлили, они будут настолько сильными, что съедят меня заживо. Я забыла, что сказала ему по телефону. Вроде бы: *«Кай. Велосипед. Машина. Авария. Больница»*.

— Новости есть, Миранда? Какие у него раны? Что сказал доктор? — дрожащим, но твердым голосом спрашивает он.

Я поднимаю на него взгляд и вижу, что все страхи, которые наполняют меня, отражаются в его глазах в десятикратном размере. Поэтому я делаю то, что умею лучше всего. Вру. Чтобы он немного расслабился, я вру.

— Мы пока не знаем детали, но с ним все будет в порядке, Шеймус.

— Ты уверена?

Я киваю, и у меня внутри все сворачивается в узел.

Он облегченно выдыхает и садится в кресло рядом со мной. Рори устраивается возле него и берет отца за руку, а Кира забирается на колени и обнимает его. Они втроем сливаются в одно любящее и поддерживающее друг друга целое, потому что знают, как работает такая штука, как семья.

Я снова напоминаю себе о том, что потерпела неудачу. Кай. Они. Я. Я все испортила. Я оставляю их наедине, а сама заканчиваю заполнять бумаги. После чего отношу их в регистратуру и спрашиваю у медсестры о том, что происходит.

— Его сейчас готовят к операции. Доктор скоро выйдет, чтобы поговорить с вами.

Скоро — это недостаточно быстро, когда жизнь моего ребенка под вопросом.

— Он потерял много крови. Перелом бедра. Разорвана селезенка. Сломаны ребра. Нужна операция. — Врач говорит что-то еще, но я запоминаю только это.

«Пожалуйста, пусть с Каем все будет в порядке. Я сделаю все, что угодно. Я изменюсь. Стану самой лучшей матерью в мире, если с моим мальчиком все будет в порядке. Пожалуйста».

Будто прочитав мои мысли, Шеймус говорит:

— Он крепкий мальчик, Миранда. Он справится. — Несмотря на то, что Шеймус услышал те же самые новости, что и я, он настроен оптимистично, не позволяя себе даже рассматривать иной вариант.

Когда умерла бабушка, мне было больно. Очень больно. Мой мир навсегда изменился с уходом человека, который был моей путеводной звездой. Но боль, которую я испытываю сейчас, другая. Я никогда не чувствовала ничего подобного. Она сильнее, намного сильнее. И я никогда не смогу от нее избавиться. Эта боль медленно сжимает мое сердце в кулак и, если все закончится плохо, оно просто разорвется на мелкие кусочки.

Эта боль помогает мне прозреть. Я люблю своих детей. Потому что только любовь может вызвать подобную реакцию. Не вина, а любовь.

Я встаю на колени перед ними, беру Киру за руку и глажу Рори по ноге.

— Я собираюсь купить нам поесть. — Когда я поднимаю взгляд на Шеймуса, то вижу, что он полностью ушел в себя. Сосредоточил всю свою энергию и мысли на Кае. — Тебе что-нибудь взять?

Мой вопрос не отражается у него в глазах, но он качает головой.

Ожидание похоже на ад. Я и не знала, что время может быть жестоким врагом. Оно сливается с мыслями и сводит меня с ума на протяжении нескольких часов. Только я убеждаю себя, что с Каем все будет в порядке, как уже обвиняю вселенную в том, что она позволяет забрать жизнь ребенка.

И виноват в этом его родитель.

Доктор приносит новости.

— Критическое состояние. Под анестезией. В отделении интенсивной терапии. Под наблюдением. Никаких посетителей.

В глазах Шеймуса нет жизни — страх и изнеможение высосали ее.

— Я должен увидеть его, — умоляет он. — Пожалуйста.

— Простите, мистер Макинтайр. Но его состояние слишком нестабильное. — Я ничего не вижу сквозь слезы, но в голосе доктора слышится грусть и сожаление.

Все это время Шеймус старался держаться. Но не сейчас. В его глазах стоят слезы. Я вижу, как дергается кадык, когда он сглатывает, пытаюсь сохранить спокойствие.

— Он мой сын. Пожалуйста. Кай должен знать, что я здесь, что он не один. Мне нужно его увидеть. Мне нужно знать, что с ним все в порядке.

— Мне жаль, — отвечает врач и уходит по коридору к нашему сыну.

Шеймус, не раздумывая, встает и идет за ним, тяжело опираясь на трость. Я не останавливаю его.

Это делают медсестры.

— Сэр, вам туда нельзя. Сэр, остановитесь.

Шеймус не останавливается и исчезает за дверью, но несколько секунд спустя появляется в сопровождении двух мужчин в медицинских халатах.

— Он мой сын! Я имею гребаное право его увидеть! — В его крике слышится боль и ничего больше. Изнеможение и страх стали настолько сильными, что превратились в чистую боль.

Мужчины крепко держат его под руки. Они выглядят маленькими по сравнению с ним.

— Он должен оставаться здесь, — говорят они мне, когда я подхожу. — Успокойте его, — грубо добавляет один из них, будто Шеймус первый человек, который ведет себя подобным образом в больнице.

Я киваю.

— Он расстроен.

— Это не значит, что можно пренебрегать правилами. — В его голосе нет никаких эмоций. А потом он повторяет: — Успокойте его или я вызову охрану. Понятно?

Я подхожу к мужчине.

— У вас есть дети?

Он качает головой.

Во мне просыпается барракуда. Никто не смеет угрожать моей семье.

— Тогда вы не имеете понятия, что он сейчас чувствует, — тихо произношу я. — Не будьте ублюдком. Я не прошу вас нарушать правила, но имейте чертову жалость и сочувствие. Его сын борется за жизнь. — Я резко выбрасываю руку в сторону двери, потому что удар в челюсть не поможет в нашей ситуации. — Так что давайте без угроз.

Он пристально смотрит на меня, но отпускает Шеймуса. Я сердито наблюдаю, как

мужчины исчезают за дверью.

— Мне нужно на воздух. Ты посидишь с Рори и Кирой? — Шеймус сильно подавлен и меня убивает то, что в этом виновата я. Я ответственна за всю боль в его жизни.

— Они спят. Иди, подыши воздухом. Мы будем здесь. — Как бы мне хотелось помочь ему. Все эти годы, когда я была ему нужна, и он бы с радостью принял мою помощь, я убегала. А теперь это делает он.

Наблюдая, как он уходит, я поняла одну вещь: если ты любишь человека, то желаешь ему самого лучшего. Мне бы очень хотелось, чтобы этим лучшим для него была я. Но нет. Этого не было и никогда не будет. Я опускаюсь на стул рядом со спящими Рори и Кирой и рыдаю. Я оплакиваю Кая. Шеймуса. Себя. Бабушку. Всех по разным причинам. Я не могу выкинуть из головы образ Кая, лежащего на улице, неподвижного и истекающего кровью. Это был несчастный случай.

Несчастный случай.

В котором жертвой стал мой маленький мальчик, сбитый моей машиной.

Или моя бабушка, которая сидела на пассажирском месте.

Для подобных вещей должно быть другое слово. «Несчастный случай» кажется слишком мягким для такой трагедии. Произошедшее с Каем и бабушкой смешивается в голове, образуя одно кровавое целое, за которое несу ответственность я. Годами я пыталась не обращать внимание на вину, которая гложила меня из-за смерти бабушки. Теперь у нее появился компаньон.

К возвращению Шеймуса у меня не остается слез. Я извиняюсь и ухожу в туалет.

Холодная вода не помогает избавиться от боли, а комната ожидания встречает меня как незваного гостя. Интересно, чувствует ли Шеймус мою вину? Ее присутствие ощущается в комнате сильнее, чем мое. Я должна рассказать ему, что произошло и встретиться лицом к лицу с его яростью.

Рори и Кира, обнявшись, спят в большом кресле, укрытые курткой Шеймуса. Часть меня тоже хочет закрыть глаза, но даже если я сделаю это, все равно не смогу уснуть. Мои кошмары куда сильнее, чем можно себе представить. Может быть, я никогда больше не смогу закрыть глаза, и мои попытки будут продолжаться вечно.

Я устраиваюсь в кресле напротив Шеймуса. Он сидит прямо, но в его глазах читается изнеможение и сильная печаль.

— Ты можешь поговорить со мной, если хочешь, — тихо, но обеспокоенно произносит он. Я уже давно не ощущала, чтобы голос укрывал подобно теплому одеялу.

— У меня умерла бабушка.

Он задумчиво смотрит на меня. Уверена, Шеймус не ожидал ничего подобного.

— Та, которая воспитывала тебя?

Я киваю.

— Что случилось? — Я знаю, он считает это странным; я всегда отказывалась говорить о ней с ним.

— Мне было восемнадцать лет. Ей — шестьдесят два, хотя я считала ее женщиной без возраста. Женщиной, наделенной мудростью, жизненной силой и энтузиазмом. Непостижимой женщиной. Человеком, который мог перехитрить смерть.

— Мне жаль, — говорит Шеймус.

— Я убила ее, это была моя вина. — Я столько раз громко произносила эти слова мысленно, а вслух они выходят тихими и жалкими. Шеймус недоуменно смотрит на меня. А

я продолжаю выплескивать свою боль.

— Мы попали в аварию. Врезались в дерево. Я была за рулем.

— Это был несчастный случай. Тут нет ничьей вины. — В его голосе все еще слышится беспокойство. Но я знаю, что это вскоре изменится.

Я делаю глубокий вдох и заставляю себя признаться.

— Это моя вина. Я так торопилась. Мне нужна была рикотта, и я думала лишь о ней.

Шеймус неверяще смотрит на меня, но постепенно на его лице появляется гримаса ненависти. Он знает, что я говорю не о бабушке.

— Что ты имеешь в виду, Миранда?

Я отвожу взгляд и отключаю мозг, потому что не могу слышать следующие слова:

— Я сбила Кая. Это моя вина. Это все моя вина. Прости. — Меня трясет не от страха, а отвращения к себе.

Шеймус прижимает ладони к лицу, и его пальцы сжимаются в кулаки, способные пробить стальную стену. Внезапно он вскакивает и, прихрамывая, уходит в другой конец комнаты. Положив руки на бедра, откидывает голову назад и смотрит в потолок, готовясь к бою.

«Давай, Шеймус», — думаю я про себя. — Дети спят; говори, что держал в себе все эти годы. Пора. Я заслуживаю это».

Он разворачивается и, сверкая глазами, тычет в меня пальцем.

— Ты. Гребаная. Сука.

Я молчу, позволяя правде разрывать себя на части.

— Тебя прислали прямиком из ада, чтобы разрушить мою жизнь? Потому что по-другому и не подумаешь, — стиснув зубы и едва двигая губами, произносит он. — Может, что-нибудь скажешь, пока я не продолжил? Давай.

— Я люблю тебя. — Это пролог к истории ужасов, которая вот-вот раскроется. Это моя единственная правда.

Какую-то долю секунды он просто в ярости смотрит на меня.

— Ты не знаешь, что такое любовь, Миранда. — В его словах слышится горечь и злость.

Из моих глаз катятся слезы сожаления, падая на сложенные на коленях руки. Год назад я назвала его сломанным. Но это не он. Это я такая. Всегда была.

Шеймус качает головой, делает глубокий вдох, а потом снова пускается в атаку:

— Ты убила моего ребенка. И даже не сказала мне об этом. — У него срывается голос. — Почему? Почему я не знал об этом? — Он пытается говорить тихо, но ему с трудом удается это. От усилия у него на шее вздулись вены. — Почему?

— Прости, Шеймус. — Я не знаю, кто ему сказал об аборте и даже не пытаюсь отрицать правду. Шеймус подходит и склоняется надо мной. — Извинения не помогут исправить всего того, что ты сделала.

Он отходит и устраивается в кресле. Его враждебный взгляд вселяет в меня ужас, но не потому, что я боюсь Шеймуса, а так как понимаю, что именно я несу ответственность за ту ярость, которая сейчас бушует в душе этого доброго и милого мужчины.

— Сколько у тебя было любовников помимо Лорена? Пока я сидел дома, слепо обожая и доверяя своей жене? Сколько членов побывало в тебе?

Меня охватывает стыд.

— Несколько десятков, — честно отвечаю я.

У него округляются глаза, и отвисает челюсть.

— Несколько десятков?

— Несколько десятков, — киваю я.

Шеймус откидывает голову назад и смотрит в потолок, наверное, чтобы не видеть меня.

— Боже мой. Несколько десятков, — повторяет он. — Я такой идиот.

— Ты не идиот, Шеймус. Ты был хорошим мужем. Это я была дерьмовой женой. Во всем виновата я, а не ты. Ты заслуживал лучшего. Ты заслуживал лучшего с самого начала. — Я вытираю нос тыльной стороной ладони.

Он проводит рукой по волосам и опускает голову.

— У тебя были угрызения совести? Когда ты трахалась с ними, то чувствовала себя виноватой?

Я мотаю головой, ощущая, как на меня накатывает новая волна раскаяния и сожаления.

— Нет. Тогда нет.

У него перехватывает дыхание, как будто из легких выбили весь воздух.

— Но сейчас... сейчас я бы отдала все, чтобы вернуть тот день, когда мы впервые встретились. Я бы отдала все, чтобы быть в тот момент другим человеком. Чтобы любить тебя так, как ты любил меня, — дрожащим голосом произношу я.

По его лицу катятся слезы, и неожиданно я понимаю, что он знает о моем секрете.

— Ты собиралась когда-нибудь рассказать мне о Кире?

Я даже не удивляюсь этому факту. Скорее, чувствую облегчение, что не придется сообщать об этом самой.

— Нет, — выдыхаю я.

Его ненависть и боль вновь изливаются на меня.

— Ты сука. Кира не пешка в твоих гребаных играх. *Она ребенок. Мой ребенок,* — шипит он.

У меня сжимается горло, и я с трудом сглатываю.

— Я знаю.

— Знаешь? — кричит он. Его голос звучит немного странно, словно буквы застревают в дыхательных путях.

Я дожидаюсь, когда его дикий взгляд падает на меня и объясняю:

— Я совершила много ошибок в наших отношениях. Много. — Сделав глубокий вдох, продолжаю: — Мне очень жаль. Но когда я вижу вас с Кирой, то знаю, что беременность не была одной из них. Не важно кто биологический отец, ты ее папочка... а она твоя малышка, Шеймус.

Из его груди вырываются рыдания. Шеймус опускает голову на ладони и пытается справиться с бурей эмоций. Когда ему удастся это, он переводит взгляд на Киру, которая спит в кресле рядом со мной.

— Она моя. В моем сердце она всегда была моей девочкой. Без вопросов. Но теперь она моя и юридически. Я подписал документы об удочерении несколько недель назад. Лорен позаботился об этом.

Моему расколотому на осколки сердцу становится немного легче.

— Он никогда не хотел детей. Я рада. — Я знаю, что у меня нет никаких шансов с Шеймусом. Наши сердца — это кусочки мозаики, которую невозможно собрать.

Шеймус

Говорят, что правда делает тебя свободным.

Это полная ерунда.

Я чувствую себя уничтоженным и раздавленным.

А Миранда выглядит как привидение. Бледное и безжизненное.

Я никогда не был настолько эмоционально истощен. Несколько минут мы молчим, а потом я вытираю мокрое лицо рубашкой. Нет смысла больше разговаривать. Все уже сказано. Обвинения выкрикнуты.

— Будешь кофе?

Она кивает.

— Да, спасибо.

Я приношу кофе, и мы молча пьем его.

Дети просыпаются, чтобы сходить в туалет и снова засыпают.

Время от времени нам сообщают о состоянии Кая. Без изменений. Они заверяют, что это хорошо. Но когда ты родитель, так не кажется.

Около пяти часов утра Миранда уходит, чтобы сделать телефонный звонок.

Через час она сообщает, что ей нужно в туалет, и я остаюсь наедине со своими мрачными мыслями.

— Простите?

Передо мной стоит сидящий мужчина средних лет. Я даже не заметил, как он подошел.

— Простите, — снова произносит он, не услышав ответа. — Я ищу мать Кая Макинтайра, Миранду. Вы случайно не знаете ее?

Я киваю.

— Она вышла в туалет. Вернется через минуту. — Я вспоминаю о манерах и протягиваю ему руку. — Меня зовут Шеймус Макинтайр. Кай мой сын.

Он крепко сжимает мою ладонь одной рукой, а второй похлопывает по плечу.

— Мне так жаль. Миранда сказала, что ему сделали операцию и сейчас он в палате интенсивной терапии.

Я киваю, и он отпускает мою ладонь.

— Меня зовут Бенито Арагон. Я работаю с Мирандой в благотворительном центре. — Он показывает пальцем в сторону коридора. — Туалет там?

Я снова киваю.

— Пойду поищу ее. Рад был познакомиться с вами, Шеймус. Я буду молиться за Кая.

— Спасибо. — Я наблюдаю, как он уходит, но не потому, что мне это интересно. Просто, чтобы отвлечься от мыслей о сыне. Когда мужчина исчезает из виду, я опускаю голову на ладони и думаю. Думаю о том, что темнота в ладонях предпочтительнее свету флуоресцентных ламп. О боли, которая сжимает голову, как тиски. О... Внезапно на мое плечо опускается рука. Я узнаю это прикосновение.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты настоящая? — умоляю я голосом, которым обычно веду внутренний диалог: вопросительным и пессимистичным. — Мне нужно, чтобы ты была настоящая. Пожалуйста.

— Я настоящая, — шепчет она мне в ухо.

Я поднимаю голову и отрываю ладони от лица. Она стоит на коленях на грязном линолеуме и со слезами на глазах смотрит на меня. Я и не думал, что увижу ее вновь. Она даже прекраснее, чем в моих воспоминаниях. Я молча обнимаю ее, и на несколько минут мир перестает существовать для нас.

— Я так скучал по тебе, Фейт. Так скучал.

— Я тоже скучала, Шеймус. — У нее срывается голос. — Как Кай?

— Он в палате интенсивной терапии. Они не позволяют мне увидеть его. Как ты узнала?

Я выпускаю ее из объятий.

— Миранда попросила Бенито найти меня, — вытирая слезы, отвечает Фейт. — Он привез меня сюда.

Я пытаюсь улыбнуться.

— Мне уже нравится Бенито.

— Да, он хороший парень, — сквозь слезы улыбается она. — Мы забрали Хоуп из дома Миранды и привезли сюда. Она хотела увидеть всех вас и узнать, как дела у Кая.

Хоуп выглядывает из-за угла, но не приближается, не желая нарушать наше уединение. Я машу рукой.

— Иди сюда, Хоуп.

Она подходит и ставит пакет на соседнее кресло.

— Я захватила немного еды. Вы ведь ничего не ели.

— Спасибо, Хоуп. Это очень мило. Дети будут рады поесть, когда проснутся.

Она признательно кивает и устраивается в углу.

Я поворачиваюсь к Фейт.

— Откуда ты знаешь Бенито?

— Я расскажу тебе о нашем знакомстве в другой раз. А вообще, я снимаю комнату у его брата и работаю в их пекарне.

На моем лице расплывается улыбка. Я рад, что Фейт изменила свою жизнь.

— Ты молодец. Я горжусь тобой.

Она краснеет и меняет тему разговора.

— Давай лучше поедим.

Рори и Кира просыпаются и сонные идут в туалет, а возвращаются голодными.

Хоуп приготовила «обезьяний» хлеб. Она их героиня.

Через несколько минут появляются Миранда и Бенито с несколькими стаканами кофе и соком. «Обезьяний» хлеб быстро исчезает, а после него остаются лишь липкие пальцы и полные животы.

Вскоре нам сообщают, что состояние Кая начало улучшаться и если ничего не изменится, то его переведут в обычную палату после обеда. Сразу после рождения каждого из детей, меня охватывала безграничная благодарность за дар отцовства. Вот и сейчас я чувствую тоже самое. «Спасибо» — мысленно повторяю я снова и снова.

Напряжение в комнате улетучивается. Все присутствующие испытывают облегчение. Мы как несовместимое племя, которое связывает общая нить — поддержка Кая. Миранда плачет на плече у Бенито. Дети обнимают меня. Фейт и Хоуп сидят в углу и держаться за руки.

— Ваши дети родились здесь? В этой больнице? — пытливо, глядя на меня голубыми глазами, интересуется Фейт.

Я бросаю взгляд на Миранду, а потом перевожу его на Рори и Киру, которые сидят по бокам от меня.

— Да, — с улыбкой отвечаю я.

— Боже, это, наверное, так захватывающе прекрасно — наблюдать за рождением своих детей. — Фейт смотрит на Миранду, а потом на меня. По ее щекам катятся слезы, но она с

улыбкой стирает их одной рукой, продолжая второй сжимать ладонь Хоуп.

— Так оно и было. Каждый раз. Видеть, как они делают первый вздох. Слышать их первый крик. Смотреть в их прекрасные лица. Пересчитывать пальчики на руках и ногах. Это было захватывающе прекрасно. Дети сразу запечатлеваются в душе.

Хоуп хлюпает носом. Ее глаза полны слез счастья.

— Это было похоже на надежду. — Я никогда не видел у нее подобных эмоций. Обычно она безразлична или мыслями где-то в своем мире.

Я не знаю, утверждение это или вопрос, но соглашаюсь. Потому что это правда.

— Это *было* похоже на надежду.

Фейт с улыбкой смотрит на меня.

— Думаешь, моя мама чувствовала тоже самое, когда родила меня? — Она выглядит довольной. Либо решила прекратить поиски матери, либо продолжает их, но не с таким отчаянием, как раньше.

— Уверен, что да. — Я действительно так думаю. Фейт обладает невероятной энергетикой. Мне кажется, что, когда она появилась на свет, сразу стало понятно, что этот ребенок — особенный.

Фейт

Неожиданно Хоуп вскакивает с кресла и тянет меня за руку.

— Пошли. Я хочу показать тебе кое-что.

— Хорошо. — Я встаю и выхожу следом за ней из комнаты ожидания.

Мы заходим в лифт, и она нажимает на кнопку четвертого этажа. Двери открываются, и нас приветствует улыбкой медсестра-регистратор.

— Доброе утро. Вы хотите узнать номер палаты?

Я ничего не понимаю, поэтому смотрю на Хоуп.

Она пытается улыбнуться женщине, но счастливые слезы в ее глазах сменила грусть.

— Палата номер четыреста.

Медсестра подвигает к нам планшет.

— Отметьтесь, пожалуйста. И мне нужно будет увидеть ваши удостоверения личности.

Я вписываю свое имя и уже собираюсь приступить к имени Хоуп, но она вытаскивает удостоверение личности и кладет его передо мной. На нем написано Джейн Мари Мартин. Женщина проверяет документы и пропускает нас в отделение.

— Тебя зовут Джейн?

Она останавливается и смотрит на меня. Порой Хоуп начинает рассказывать свои истории внезапно. И так дотошно, будто мне интересна каждая деталь ее жизни. Это одна из таких историй.

— Когда мне было восемнадцать лет, мама вышла замуж за Джонаса. Джонас переехал в дом мамы и сказал, что я не могу с ними жить. Мама знала женщину, миссис Липоковски, у которой была квартира. Миссис Липоковски была очень хорошей и дала мне работу. Но я не справлялась с ней, поэтому она заполнила какие-то бумаги за меня, и я стала каждый месяц получать деньги по почте. Она сказала, что это называется «пособие». Миссис Липоковски забирает из него немного за аренду, а на оставшиеся деньги я покупаю еду. Она очень добра ко мне. Жаль, что мама была не такая. Когда мне исполнилось двадцать лет, я сказала ей, что мне не нравится мое имя. Что Хоуп звучит лучше. И миссис Липоковски ответила, что я могу выбрать любое имя, которое мне нравится. С тех пор я называю себя Хоуп. Это особенное имя.

— А куда мы идем, Хоуп? — Я начинаю нервничать. Не знаю почему, но слезы, которые катятся по ее щекам, приводят меня в замешательство.

Она молча берет меня за руку и ведет к палате номер четыреста. Мы медленно приближаемся к открытой двери и заходим внутрь. На кровати спит женщина.

Я начинаю отступать назад, чтобы не потревожить пациентку, но Хоуп удерживает меня.

— Ты знаешь ее? — шепчу я.

Хоуп качает головой, даже не оглянувшись на меня.

— Нет, — тихо отвечает она.

— Тогда зачем мы здесь? — Я задаю этот вопрос, но уже знаю ответ на него. Я чувствую его в ее прикосновении.

Надежда.

Оно похоже на надежду.

ГЛАВА 61

У меня хорошо получается хранить секреты

Джейн

Флэшбек

— Ты хорошенькая.

Хорошенькая.

Я часто это слышу.

Иногда это говорят по-доброму, и я радуюсь.

«Ну разве она не хорошенькая?» или «Какая хорошенькая, вся в маму».

А иногда, когда эти слова произносит мама, даже несмотря на то, что она широко улыбается, мне становится грустно.

«Ум нужен только тогда, когда нет красоты, Джейн» или «Просто улыбайся и молчи, Джейн».

Моя мама настоящая красавица. Мужчины постоянно твердят ей об этом.

Но когда Дэн говорит, что я хорошенькая, у меня в груди будто жужжат пчелы, громко и щекотно. И краснеют щеки, словно я провела на улице весь день, бегая за стрекозами. Мне хочется рассказать ему о пчелах и стрекозах, но я молчу. А вместо этого, просто улыбаюсь, потому что так велит делать мама, и благодарю его, так как мама твердит, что, если кто-то говорит тебе приятное, нужно обязательно благодарить. Как на день рождения, когда я получаю подарки. Compliments ведь тоже подарки. По правде сказать, я не понимаю, что это значит, но делаю, как она просит.

Дэн широко улыбается. И в груди снова начинают жужжать пчелы. Я вижу все его зубы и начинаю мысленно пересчитывать их. Один. Два. Три. Четыре. Пять.

Но внезапно он спрашивает:

— Когда твоя мама возвращается с работы, Джейн?

— Моя мама работает в банке. Она считает деньги и возвращается домой в пять часов.

Дэн снова улыбается, и я вновь считаю его зубы, начиная с шестого. Семь. Восемь.

— Давай посмотрим телевизор?

Мы сидим на диване: я на одном конце, а он на другом.

И смотрим фильм. Я уже видела его. Он смешной.

Дэн много смеется. Мне нравится это. У него закрываются глаза, а лицо становится дружелюбным. У меня никогда не было друзей. Мама говорит, что они мне не нужны. Но я

хочу хотя бы одного.

— Хочешь леденец?

Мы сосем леденцы. Он придвигается ближе и садится рядом со мной.

Фильм мы досматриваем, держась за руки.

Я видела, как мама улыбается, когда мужчины держат ее за руку. Она выглядела очень счастливой и красивой. Мне кажется, что я знаю почему. «Потому что пчелы жужжат не только у меня в груди, но и в голове». Это так смешно и приятно. У меня уже болят щеки от улыбок, но я не могу ничего с собой поделать.

В четыре сорок пять он говорит:

— Мне пора.

— Хорошо, — отвечаю я. Пчелы превращаются в гориллу, которая крепко сжимает мою грудь. Так же я чувствовала себя, когда мама возвращалась с работы, и бабушка Тресса уходила домой. Я не хотела, чтобы она оставляла меня.

— Увидимся завтра в школе, Джейн.

— Хорошо. — Горилла больше не сжимает грудь. И мне не грустно, потому что завтра я снова увижу его в школе.

Среда мой любимый день недели, потому что Дэн провожает меня домой.

Он задает мне вопросы.

— Ты переехала сюда недавно, Джейн?

— Нет, я живу здесь всю свою жизнь, — говорю я ему. — Просто раньше не ходила в школу. — Бабушка Тресса учила меня на дому. Мама говорит, что школьная система находится в руках дьявола и они учат только лжи и пакостям. Не знаю, что она имеет этим в виду. Но бабушка умерла прошлым летом, и теперь я хожу в настоящую школу. Потому что маме нужно работать в банке весь день.

— Ну и как? Тебе нравится в школе? — спрашивает он. Его улыбка вызывает во мне желание ответить утвердительно, хотя это и не так.

— Да, — произношу я. Но дети очень жестокие. Они обзывают меня разными словами, например, «дебилка». Мне становится грустно от этого. Но Дэн делает меня счастливой, поэтому я добавляю: — Ты мне нравишься. Ты очень добр ко мне.

Он улыбается так широко, что я могу пересчитать все его зубы.

Мы заходим домой и садимся рядом на диван. Я собираюсь включить телевизор, но он внезапно целует меня. Я не знаю, что делать, но Дэн говорит:

— Просто расслабься, Джейн, и делай тоже, что и я. — Я расслабляюсь и делаю тоже, что и он. Пчелы перестают жужжать, а внизу живота все скручивается, но не так, как при тошноте. Это очень приятно, как будто что-то барахтается и щекочет в нижней части тела.

Нам не хватает времени на леденцы.

Когда он уходит, мои губы выглядят опухшими, а в животе довольно урчит. Мне хочется, чтобы Дэн снова поцеловал меня.

Я едва дождалась среды.

Дэн провожает меня домой.

Он спрашивает, могу ли я показать ему свою комнату.

Мне не хочется. Лучше сидеть на диване и целоваться.

Но я выполняю его просьбу, так как мама всегда говорит, что мужчинам не нравится,

когда с ними спорят.

Он хочет полежать на моей кровати. Сначала это кажется странным, но когда Дэн начинает целовать меня, я решаю, что целоваться на кровати мне нравится также сильно, как и на диване.

Он просовывает руку под футболку.

Прижимает ее к лифчику.

Прикасается ко мне под юбкой.

И в животе снова все скручивается.

Но когда он засовывает руку в трусики, я начинаю ерзать. Мне хочется, чтобы он прикасался ко мне, но это так странно. Приятно, но странно. Дэн останавливается. Мне снова хочется почувствовать эту странность, поэтому я сама прижимаюсь к его руке. Он продолжает целовать и касаться меня, и чем дольше он это делает, тем сложнее мне просто лежать. Внизу живота скручивает еще сильнее. Это похоже на то, когда растягиваешь резинку между пальцами. Тебе кажется, что дальше уже некуда, потому что она итак слишком сильно натянута, но внезапно она соскальзывает с пальцев и, подобно ракете, взмывает в воздух. Вот как я себя чувствую. Ракетой. Я кричу: «О Боже», — хотя мама говорит, что нельзя упоминать имя Господа всуе. Но я продолжаю выкрикивать его снова и снова. А когда ракета возвращается, я чувствую себя так, будто кто-то налил мне на голову сироп и теперь он медленно растекается по телу и по внутренностям.

Дэн целует меня в нос и говорит:

— Ты такая хорошенькая. — А потом уходит.

Мы не сосали леденцы.

Я совсем забыла о них.

Сегодня снова среда.

Пчелы начинают жужжать в груди и голове еще до того, как Дэн провожает меня домой.

Он направляется напрямиком в комнату, а я слеую за ним, потому что хочу вновь его прикосновений и целоваться на кровати.

Какое-то время мы целуемся, а потом он говорит, что я буду выглядеть симпатичнее, если сниму всю одежду. Я не желаю снимать одежду, но мне хочется, чтобы он считал меня хорошенькой, поэтому соглашаюсь. А когда я обнажаюсь, он восклицает:

— Ты такая красивая. — У меня вспыхивает лицо. Быть красивой лучше, чем хорошенькой. Мама говорит, что когда я вырасту, то стану красавицей и мужчинам будет наплевать, что я не такая умная, как остальные девочки.

Мы снова целуемся, и он снимает с себя футболку. У него на груди растут волосы, но мне нравится касаться их. Они такие мягкие и в то же время колючие, как коврик в ванной, об который я вытираю ноги, когда выхожу из душа. Он просит меня коснуться его пениса. Я не хочу смотреть на него, но прикасаюсь. Дэн издает такой звук, будто только что откусил шоколадное пирожное и оно оказалось самым вкусным в его жизни. Мне это нравится. И теперь я хочу посмотреть. Я уже видела член. Однажды к маме пришел друг, но я не знала об этом и когда зашла без стука в ее спальню, то увидела член друга. Теперь я всегда стучусь.

Но у Дэна пенис больше, чем у того мужчины. Он очень большой и выглядит таким злым. Я говорю ему об этом, но Дэн улыбается и отвечает, что он не злой, а счастливый благодаря мне.

Мы снова целуемся и когда его рука оказывается между моих ног, я трюсь об нее. Низ

живота скручивает вновь, а промежность начинает покалывать.

А потом он ложиться на меня и просит расслабиться, но я не понимаю зачем, ведь я итак расслаблена.

Внезапно я чувствую боль и жжение, будто что-то разрывает меня на части.

— Больно! Больно! Прекрати!

Дэн что-то тихо шепчет мне на ухо. Его голос все еще звучит так, будто он ест лучшее шоколадное пирожное в своей жизни.

— Шшш. Все в порядке, Джейн. Больно только в первый раз, а потом тебе будет хорошо, очень хорошо. Обещаю.

Я пытаюсь не думать о боли. Как в тот раз, когда мама выпила слишком много пива и прижала горячий утюжок для завивки волос к моей руке. Ожог болел долго, но я старалась не думать о нем, так как знала, что мама не хотела причинить мне боль. Она сама мне это сказала.

Вскоре боль прекращается, как Дэн и говорил. Его бедра начинают двигаться быстрее, и он продолжает говорить мне какая я красивая. А потом рычит, как животное и кричит: «Фак». После чего внутри меня разливается что-то теплое.

Когда Дэн скатывается с меня, моя пися принимает прежний размер.

— Сходи в ванную и приведи себя в порядок, — говорит он.

Я не понимаю зачем пока не встаю с кровати. В этот момент происходит две вещи: я вижу кровь на простынях, а когда начинаю идти, то чувствую, как по бедрам что-то течет. И то, и другое, пугает меня.

После того, как я привожу себя в порядок и одеваюсь, Дэн уходит. Он просит никому не говорить о произошедшем, иначе у него будут неприятности. Потому что люди не поймут, насколько я особенная для него.

Мне нравится, что он называет меня особенной.

Я никому не скажу.

Да мне и не с кем говорить, кроме мамы.

Каждую среду Дэн провожает меня домой.

Каждую среду мы целуемся и занимаемся сексом на моей кровати.

Мне больше не больно.

Иногда Дэн надевает на член «резинку». Так он ее называет. Иногда нет, потому что «без нее лучше».

Он говорит, что я его девушка.

Но это секрет.

Как и то, что мы проводим время вместе.

Все неделю меня тошнит. Мама не заставляет меня ходить в школу и разрешает оставаться дома пока она на работе. Я сплю на полу в ванной комнате, чтобы не бегать каждый раз, когда мне будет плохо. Мне не хочется есть.

В среду после обеда приходит Дэн. Но, увидев, что мне плохо, уходит.

Мама отводит меня в больницу. Там мне прокалывают руку иглой и наполняют кровью стеклянную пробирку. Мне не нравится. Это больно. А еще они заставляют меня пописать в пластиковый стакан. Это мне тоже не нравится.

Медсестра измеряет температуру и задает вопросы, а потом уходит.

Мы с мамой долго ждем доктора. Он какой-то неприятный и не нравится мне.

Доктор проверяет мои уши, горло, слушает сердце и задает те же самые вопросы, что и медсестра.

А потом раздается стук в дверь, и какая-то женщина вручает ему бумаги. Она приятная. Мне хочется, чтобы она осталась, а он ушел. Доктор заглядывает в бумаги и быстро изучает их.

После чего смотрит на маму и говорит:

— Она беременна. — Интересно, о ком это он. Только взрослые могут забеременеть.

Так сказала мама, когда я спросила ее, откуда берутся дети. «Когда ты вырастешь, то выйдешь замуж и родишь детей». Но я еще не выросла. И не вышла замуж.

Мама смотрит на меня; ее глаза недовольно сверкают. Мне страшно.

— Ты занималась сексом, Джейн? — Секс — это наш с Дэном секрет. Она не должна ничего о нем знать.

Я очень быстро мотаю головой. Я в курсе, что врать нельзя. «Ложь — это грех», — говорит мама.

— Ложь — это грех, Джейн. Не ври, иначе Господь накажет тебя.

Я молча сижу, ожидая, когда на меня обрушится гнев Господа или мамы. Мне не хочется ни того, ни другого.

— Я должен осмотреть ее. Вы предпочтете остаться или выйти? — говорит доктор.

— Я останусь, — произносит мама. Но по ее голосу и не скажешь. Скорее, ей хочется ударить меня ремнем, который висит в ее шкафу.

Врач просит меня снять нижнее белье и лечь на стол, а сам настраивает какие-то штуковины, которые выглядят как рожок мороженого на конце. Я делаю, как он говорит. Доктор надевает перчатки, достает из ящика пакет и разрывает его. Я не вижу, что внутри, но слышу, как он кладет что-то на небольшой металлический поднос, который стоит рядом с ним. Мне не нравится этот звук. Он слишком громкий.

Мужчина поднимает по очереди мои ноги и кладет их в рожки мороженого.

Когда он просит меня подвинуть бедра ближе к нему, я перестаю улыбаться и думать о мороженом.

— Нет, — восклицаю я. Он увидит, что у меня под платьем, а я этого не хочу.

Я слышу, как они с мамой вздыхают. У мамы это выходит зло, как когда она цитирует Библию перед тем, как наказать меня: «Я накажу мир за зло, и нечестивых — за беззакония их». Его же голос звучит раздраженно, как у моей самой нелюбимой учительницы, когда я говорю, что не понимаю ее вопросы.

— Я не смогу осмотреть тебя, если ты не придвинешься ближе и не согнешь ноги.

Я не хочу, чтобы он осматривал меня. Но мамин взгляд говорит, что она в ярости и мне лучше делать то, что просят.

Я пытаюсь не думать о происходящем и выполняю требование доктора. У меня трясутся колени, когда он раздвигает их. И я ничего не могу с собой поделать.

— Прекрати трястись и дай ему осмотреть себя, — рявкает мама. Таким голосом она обычно отправляет меня в комнату, когда к ней приходят мужчины.

И тогда я начинаю плакать, задерживая дыхание, чтобы не издать ни звука. Только слезы текут по лицу.

Перчатки доктора холодные и мокрые. А мои слезы настолько горячие, что я крепко

зажмуриваюсь.

— Ты можешь почувствовать неудобство, — произносит мужчина.

Я не понимаю, о чем это он, пока внутрь меня не проскальзывает что-то, похожее на ложку. Она холодная, но я не чувствую никакого неудобства. А потом он что-то делает и мне становится больно. Доктор, вы большой обманщик. Такое ощущение, будто он раздвигает меня изнутри.

Когда мужчина вытаскивает ложку, боль прекращается. Зато он засовывает в меня пальцы. Мне хочется вырвать. Только Дэн может дотрагиваться до меня там. Я сглатываю, пытаюсь сдержать тошноту.

— Все нормально. У нее есть гинеколог? — Он разговаривает с мамой, будто меня и нет в кабинете.

— Я запишу ее к своему, — отвечает мама.

Доктор уходит.

— Одевайся. Я буду ждать тебя возле регистратуры. Тебе нужно сдать много анализов. — Мои глаза все еще закрыты, но я вижу ее злость. Она ярко-красная, как огонь.

Не переставая плакать и дрожать, я натягиваю на себя одежду.

Все обратную дорогу мама молчит. Я знаю, что она приберегает злость и ярость до дома. Дом — единственное место, где она позволяет себе срываться на мне. И это всегда больно.

Я не говорю маме, что у меня был секс с Дэном. Я пообещала ему, что никогда и никому не расскажу об этом. А у меня хорошо получается хранить секреты.

В следующую среду, когда Дэн приходит ко мне домой, я говорю ему, что беременна. Он выглядит удивленным. У него бледнеет лицо, как у мамы в прошлом году, когда я рассказала ей, что съела четыре ее *особых* брауни. Мы идем в комнату и целуемся несколько минут, а потом он встает и просит меня встать на колени. Я так и делаю. Дэн говорит мне открыть рот. Я подчиняюсь. Он засовывает член мне в рот. Я начинаю задыхаться, но он все повторяет:

— Расслабься, Джейн. Мне будет хорошо. Ты ведь хочешь, чтобы мне было хорошо? — Я киваю.

Он говорит, чтобы я сосала его член, как леденцы, которые мне нравятся. Я так и делаю, но это совсем не похоже на леденцы. Вскоре он начинает двигать бедрами, а я продолжаю сосать. Потом хватает меня за волосы и двигается быстрее.

— Вот так, Джейн. Идеально. Продолжай. — Мне нравится, что он говорит «шоколадным» голосом. Пока рот не наполняет горячая жидкость. Я кашляю и срыгиваю ее, а остатки сглатываю. Мне не нравится эта жидкость: она липкая и соленая. Дэн обхватывает член рукой и дергает его. Это, наверное, больно, но выражение его лица делает меня счастливой.

— Хорошая девочка, — говорит он. — Очень хорошая. Я хочу попробовать кое-что еще перед тем, как уйти.

Не знаю, что он имеет в виду, но большинство вещей, которые делает Дэн, нравятся мне, поэтому я киваю.

— Хорошо.

— У твоей мамы есть какое-нибудь масло для готовки? — интересуется он.

Я снова киваю.

— Иди и принеси его, красавица.

Я возвращаюсь с растительным маслом. Он берет его и ставит на пол. А потом просит меня встать на колени.

Я встаю. Мне не нравится, когда Дэн занимается со мной сексом в такой позе, потому что он не может целовать меня. А я люблю целовать его.

Он прикасается ко мне сзади. Это приятно. Потом разрывает пакетик с «резинкой» и засовывает в меня член. Это тоже приятно, но он почему-то крепко держит меня за бедра и вбивается сильнее, чем обычно.

— Мне будет не хватать этого, — говорит он. Я не понимаю, что он хочет этим сказать. Дэн вообще много говорит, когда двигается во мне и обычно его слова не имеют никакого смысла. По большей части, он ругается. Я знаю, что это грех, но, когда он произносит их «шоколадным» голосом, я забываю об этом.

Я чувствую, как он выходит из меня, поднимает бутылку с маслом и снимает с нее крышку. Но не оглядываюсь, чтобы посмотреть, что он делает. А потом мокрые от пота волосы на его груди прижимаются к моей спине, и он шепчет мне на ухо:

— Расслабься или тебе будет больно. Я не хочу делать тебе больно, Джейн. Хорошо?

— Хорошо.

— Дыши глубоко. Дыши глубоко, пока я не закончу. Ты ведь хочешь сделать мне приятное?

— Да, — даже не раздумывая, отвечаю я.

Дэн раздвигает мои ягодицы руками. Я чувствую что-то теплое и влажное. А потом он начинает проталкиваться в меня. Но не в обычное место. Что-то не так.

— Расслабься, — напоминает он мне.

Я не могу расслабиться. Я не понимаю, что происходит.

Дэн останавливается.

— Дыши. — То, как он произносит это... мне хочется сделать ему приятное. Хотя, я и не могу расслабиться. Я делаю несколько глубоких вдохов.

— Вот так, — говорит он, как мой любимый учитель, когда я правильно отвечаю на вопрос.

Дэн снова начинает двигаться. Медленно, но мне все равно больно. Противно и хочется в туалет.

— Мне не нравится, — восклицаю я, не в силах молчать.

— Все нормально. С тобой все будет хорошо. Просто дыши. — Он выходит из меня и мне становится легче, но потом снова резко проникает во внутрь. — Прости, но это так приятно. Я быстро закончу. Просто не думай об этом.

Мне становится больно. Очень-очень больно. Дэн крепко держит меня за бедра. Я не могу дернуться. Слышу, как он говорит, но не понимаю, что. Мне слишком больно.

— Пожалуйста, прекрати! Мне больно! Пожалуйста, прекрати!

Но он продолжает до тех пор, пока не раздастся его крик:

— Черт, у тебя такая тугая задница!

Дэн вытаскивает член, но я продолжаю чувствовать боль. Мне не хочется смотреть на него.

Он уходит в ванную и приводит себя в порядок. Вернувшись, поднимает меня с пола, садит к себе на колени и нежно обнимает.

— Послушай, Джейн. Ты моя особенная девочка. Прости, что причинил тебе боль, но

мне было так приятно, красавица. Я хотел, чтобы наш последний раз был особенным. Завтра я уеду, и ты больше никогда не увидишь меня.

— А как же школа?

Он качает головой.

— Меня не будет здесь. Но ты всегда должна хранить наш секрет. И никому не рассказывать о том особенном времени, которое мы провели вдвоем.

— Я никому не расскажу, — обещаю я.

Дэн широко улыбается. Так, что я могу пересчитать все его зубы.

— Вот и хорошо. — С этими словами он снимает меня с колен, встает и уходит.

А я думаю, что он имел в виду и увижу ли я его завтра в школе.

На следующий день его не было в школе.

Я не видела его ни во время ланча, ни в коридорах во время перемен.

Мне становится грустно, ведь он был моим единственным другом.

После уроков я на всякий случай захожу к секретарю, миссис Пикок. Когда я начала учиться, она сказала мне обращаться к ней по любым вопросам.

— А Дэн уехал? Навсегда?

Она недоуменно смотрит на меня.

— Дэн? Какой Дэн, милая? Ты знаешь его фамилию?

Я не знаю, поэтому качаю головой и говорю то, что знаю:

— Дэн. Он подметает в столовой после обеда.

— А, Дэн Крестмур, сторож. Прости, милая, но он больше здесь не работает. Позвонил сегодня утром и сказал, что вынужден уволиться и уехать в другой штат по семейным обстоятельствам. У него больна мать. — Она улыбается, даже не подозревая, что ее слова причиняют мне боль.

Бедный Дэн. У него заболела мама. Надеюсь, она поправится.

Мне совсем не нравится ходить в школу беременной. Дети дразнят меня чаще, чем раньше. Называют шлюхой и проституткой. Я пытаюсь не обращать на них внимание, но мне больно. Я и так выслушиваю эти же слова от мамы каждый день.

Мой живот стал просто огромным. Мама говорит, что скоро родится моя девочка. А еще она считает, что я слишком маленькая, чтобы воспитывать ребенка, поэтому ему найдут другую семью. Это называется удочерение. Мне становится грустно, но мама говорит, что так и должно быть. Я не встречалась с новой семьей, но они, наверное, милые и добрые, потому что купили маме новую машину. Тойоту «Короллу». Она голубая, как мамин любимый цвет и в ней есть кондиционер. Теперь мама всегда улыбается за рулем. Только эта улыбка почему-то не делает меня счастливой.

Глава 62

Ты была моей надеждой

Фейт

Настоящее

И Хоуп начинает рассказывать историю, которую я мечтала услышать двадцать два года.

— Ты родилась жарким июльским днем, в этой палате. Тридцатого июля.

Я прижимаю ко рту ладонь, пытаюсь приглушить рыдания. Слезы застилают мне глаза, поэтому я вижу лишь очертания Хоуп. Я тяну ее за руку, вывожу из отделения и лишь потом прошу рассказать мне все, что она помнит.

Хоуп тихо садится в кресло.

Я устраиваюсь рядом.

Она берет мою ладонь в свою и смотрит на наши сцепленные руки.

А потом посвящает меня в события того дня.

— После обеда у меня начал сильно болеть живот. Мама вернулась с работы и, увидев, что простыни на кровати мокрые, отвезла меня в больницу.

— Она оставалась со мной во время родов. Сидела в кресле в противоположном конце комнаты. Мама ни разу не посмотрела на меня, но я знала, что она плачет. — Взгляд Хоуп подернут дымкой, будто она полностью ушла в воспоминания, пытаюсь воссоздать каждую деталь моего рождения.

— Когда все закончилось, и доктор сказал, что это девочка, ты начала кричать. Твой плач был тихим, но в тоже время громким, будто ты была крошечным котенком снаружи и львом внутри. И я улыбнулась, так как поняла, что ты сильная. Я не сказала этого вслух, но мысленно назвала тебя Хоуп, потому что именно это я чувствовала. Я чувствовала надежду.

— Медсестра положила тебя мне на грудь. Ты была крошечной, как куколка. Она улыбнулась мне так, будто была счастлива и огорчена одновременно, и прошептала: «Нам нельзя давать ее тебе в руки, но я думаю, что она заслуживает того, чтобы познакомиться с тобой. Пусть ваше знакомство и продлится лишь минуту».

— По моим щекам начали катиться слезы, и я не могла остановить их. Но мне не было грустно. Ты была такая красивая. Я погладила тебя по мягкой головке и сказала: «Я люблю тебя, Хоуп». Я никогда и никому не говорила этих слов до этого. Потому что никого не любила пока не увидела тебя. А потом я добавила: «Твои новые мама и папа будут хорошо заботиться о тебе. Ты вырастишь умной, милой, доброй и очень хорошенькой. Я рада, что первой познакомилась с тобой и никогда не забуду тебя». — Хоуп пристально смотрит мне в глаза и продолжает: — Я была права, ты стала именно такой.

— Вскоре вернулась медсестра. Я поцеловала тебя в лоб, и она унесла мою девочку. К новым маме и папе. Я не помню имен, но их фамилия была...

— Гроувс, — одновременно произносим мы. И у меня сжимается сердце от боли за себя и Хоуп.

Она кивает.

— Они жили далеко и не могли иметь своего малыша, поэтому забрали тебя. Мама сказала, что я слишком маленькая, чтобы воспитывать ребенка, поэтому я была рада, что ты будешь жить с ними. Они пообещали очень хорошо заботиться о тебе.

Хоуп задумчиво смотрит на меня, а потом с гордостью произносит:

— Ты была такой особенной. Когда я посмотрела на тебя, то сразу забыла обо всем плохом, чтобы было в моей жизни. Ты была моей надеждой.

— А ты когда-нибудь вспоминала меня? — Я задавалась этим вопросом всю жизнь. Представляла себе, что моя мама думает где-то обо мне так же, как и я о ней.

— Мама сказала, что ты теперь не моя и принадлежишь другой семье, поэтому я не могу говорить о тебе ни с кем. Она сказала мне забыть обо всем, но я никогда не переставала думать о тебе. Каждую ночь, перед тем как лечь спать, я молилась за тебя. А каждый год на твой день рождения пела «С днем рождения тебя».

— Сколько тебе было лет, когда я родилась?

— Семнадцать.

Я киваю. Она была молода и не могла позаботиться о ребенке. Не удивительно, что вмешалась ее мать и меня отдала на удочерение.

— А отец? Кто он?

Хоуп ничего не отвечает и пристально смотрит перед собой. Мне начинает казаться, что я не дождусь от нее ответа, но внезапно она произносит:

— Его звали Дэн. Я познакомилась с ним в школе. Он был моим парнем и называл меня хорошенькой.

— А где он сейчас? Ты знаешь? — Честно сказать, мне уже наплевать на это.

Она пожимает плечами.

— Не знаю. Ему пришлось уехать, когда я сказала, что беременна. Он был нужен своей маме. — В ее голосе нет грусти, скорее ностальгия. Как будто она вспоминает того, о ком не думала уже очень долго.

— А как ты узнала, Хоуп? Как ты узнала, что я твой ребенок? Ты видела меня всего лишь несколько минут, и это было двадцать два года назад.

Она крепко сжимает мою ладонь.

— Помнишь, что Шеймус сказал сегодня утром? О том, что дети запечатлеваются в душе? — Она пожимает плечами. — Я знала об этом с того момента, как ты постучалась ко мне в дверь и подарила ананас.

Я недоуменно смотрю на Хоуп.

— Но почему ничего не сказала мне?

— У тебя есть семья. Ты принадлежишь им. Я не знала, можно ли рассказывать. — Она и правда в это верит.

Я обнимаю ее.

— Можно. И они больше не моя семья.

Она отстраняется и удивленно смотрит на меня.

— Нет?

Я качаю головой.

— Они нет. Ты — да.

Хоуп дарит мне одну из своих редких улыбок, и впервые за двадцать два года я чувствую себя полноценным человеком. Поиск завершен. *Эта* часть моего исследования закончена. Я нашла свою маму. Или она нашла меня.

Мы возвращаемся в комнату ожидания, но там никого нет. Медсестра говорит, что Кая перевели в палату на другом этаже.

Я заглядываю в комнату из коридора и вижу, что все стоят вокруг кровати Кая. Шеймус замечает меня и машет рукой.

Кай спит. Он подключен к каким-то аппаратам и мониторам и получает обезболивающее внутривенно. У меня внутри все сжимается от боли за этого маленького мальчика.

Шеймус успокаивающе гладит меня по спине.

— Он поправится. Ему просто нужно время, — шепчет он мне на ухо. В его голосе нет беспокойства, и я знаю, что так оно и будет.

Но все равно не могу оторвать взгляд от маленького беспомощного тела.

— Слава богу, — тихо произношу я в ответ.

— С Хоуп все в порядке? Вас долго не было, — продолжает шептать Шеймус.

Я поворачиваю голову и в этот момент осознаю, что в моей жизни только что произошло чудо. Я не могу вымолвить ни слова, поэтому просто киваю.

Он обнимает меня и целует в макушку.

— Вот и хорошо.

Я перевожу взгляд на Кая.

— Мы пойдем. А ты позаботься о сыне. Я рада, что его перевели в эту палату, это хороший знак.

Мы с Хоуп и Шеймусом выходим в коридор. Хоуп, не останавливаясь, идет к лифту и ждет меня возле него.

Шеймус пристально смотрит мне в глаза. Как будто хочет сказать тысячу и одну вещь.

— Можно обнять тебя?

Я обхватываю его руками, и наши тела начинают вести молчаливый диалог. Они извиняются. Задают вопросы. Отвечают на них. И дают обещания.

Когда мы отстраняемся друг от друга, я вижу, что Шеймус улыбается. Это усталая улыбка, но она принадлежит мне.

— Скажи, что тоже почувствовала это?

Я киваю. Так оно и было.

Он делает глубокий вдох и, не прекращая улыбаться, выдыхает.

— Вот и хорошо. Черт возьми, я так скучал по тебе.

Мне очень хочется поцеловать его, но сейчас не место и не время.

— А ты не хотела бы...не знаю...может быть, когда Кая выпишут, мы... — Он замолкает, прикрывает глаза рукой и смеется. — Господи, какой ужас. Я так давно не приглашал никого на свидания.

У меня начинает кружиться голова, как и всегда в присутствии Шеймуса.

— Да, конечно, — улыбаясь, отвечаю я.

Он обхватывает мои щеки ладонями, нежно целует в губы и прислоняется своим лбом к моему.

— Спасибо.

— Я дам тебе домашний номер. У меня нет мобильного.

— Хорошо.

Мы обмениваемся телефонами.

— Оставь сообщение на автоответчике. Это общий телефон, но все будет нормально, я получу его.

— Хорошо. Скоро увидимся. Спасибо, что пришла проведать Кая. И меня.

Я киваю.

И уйду из больницы вместе с мамой.

И сердцем, переполненным любовью.

Глава 63

Иногда все не так и сложно

Фейт

Настоящее

Раздается стук в дверь. Это Бенито с кофе.

— Привет. — Он с улыбкой вручает мне стакан. Во второй руке, в которой он обычно держит *свой* кофе, ничего нет. — Я уйду на работу, но сначала решил заглянуть к тебе.

— На работу? Но уже поздно? — Он никогда не работает вечером по воскресеньям и обычно ходит на службу в Католическую церковь.

Бенито пожимает плечами.

— Миранды пока не будет на работе из-за Кая, поэтому я за нее. Мы одна команда, но семья всегда на первом месте.

В этом весь Бенито. Он помогает каждому.

— Спасибо за кофе.

— Не за что. Я просто хотел поздороваться и убедиться, что с тобой все в порядке.

— Я в порядке. Правда. Спасибо, — с улыбкой отвечаю я.

— Вот и отлично. Мне пора. — Он идет к лестнице, но внезапно, как обычно, останавливается. — Фейт?

— Да? — отпивая кофе, интересуюсь я.

— Он знает.

Я склоняю голову на бок в ожидании продолжения.

— Он знает, как все могло бы быть невыносимо прекрасно между вами.

Я улыбаюсь и вспоминаю разговор, который произошел у нас несколько недель назад.

— Иногда все не так и сложно, — повторяю я его слова.

Бенито подмигивает мне и поднимается по лестнице.

Глава 64

Жизнь расцветает, если дать ей второй шанс

Шеймус

Настоящее

Кая выписали из больницы на прошлой неделе. Следующие четырнадцать дней он прикован к инвалидной коляске из-за гипса на ноге. По прошествии этого времени сможет пользоваться костылями. Естественно, ему не по душе это, но несколько не останавливает от того, чтобы выезжать во двор и играть в баскетбол или бросать кольца каждый день после обеда. Я думал, что лестница станет большой проблемой, но Кай спускается и поднимается, сидя на попе, быстрее, чем я на ногах. Этого ребенка просто невозможно остановить. Если не считать шрамов на животе и ногах и специальной диеты, с ним все хорошо. Просто удивительно, какой у детей большой запас жизненных сил.

С Миранды сняли все обвинения. Мне предлагали оформить полную опеку над детьми, но я не смог этого сделать. Не только потому, что произошедшее было случайностью, но и потому, что она изменилась. Миранда стала любящей матерью, и я не стану забирать у нее детей из-за случайности. Она нужна им. Они заслуживают этого. На этой неделе мы подписали пересмотренное соглашение об опеке — дети проводят выходные с ней, а в течение недели живут со мной. Как и планировалось. Все счастливы.

Сейчас они у Миранды. За последние несколько недель я впервые остался один. А значит, могу выполнить свое обещание и пригласить Фейт на свидание.

Я сижу на пляже и наблюдаю за тем, как Фейт выходит из воды. На ней простое хлопковое платье цвета слоновой кости, подол которого она приподняла, чтобы не намочить. Ее дреды уже не яркие и разноцветные, как раньше, а белые. А сама она сияет, как лучик солнца.

Фейт подходит, раздвигает мне ноги и садится между ними на колени.

— Знаю, я уже говорила тебе это, но моему сердцу очень нравится твое, Шеймус, — искренне, но с какой-то болью произносит она и опускает подбородок.

— Эй. — Я заставляю ее поднять голову и посмотреть мне в глаза.

— Ты чего?

— Каждый день, проснувшись, я напоминаю себе, что настоящее — это возможность, а прошлое — урок. — Ее слова звучат, как хрупкое признание, которое хочется взять в руки и защитить от всего мира.

Я провожу пальцем по татуировке на ключице, которая выглядывает из-под платья, а потом спускаю лямку на плечо и читаю: *«Жизнь расцветает, если дать ей второй шанс»*.

— Это о возможностях и уроках?

Фейт кивает.

— Отличный совет, — шепчу я и целую надпись.

Она пристально изучает мое лицо, задерживая взгляд на губах.

— Мне нравится, как ты смотришь на меня, Шеймус. Никто никогда не смотрел на меня так, как ты. Твои глаза разговаривают со мной. Когда я говорю что-нибудь смешное, они смеются. Когда мне нужна поддержка, говорят, что я справлюсь. Когда напугана, поддерживают меня. А когда ты хочешь поцеловать меня, твои глаза отражают мои мысли. — Фейт замолкает и отводит взгляд, а потом вновь переводит его на меня. — Я не хочу, чтобы это изменилось.

— Это и не изменится, — обещаю я.

Мои слова не убеждают Фейт. В ее глазах плещется страсть, боль, страх и стыд.

— Фейт. — Я и не знал, что в одном слове может быть столько надежды. Я не могу объяснить этого, но чувствую, что мое будущее зависит от него. Моя психика зависит от него. И сердце. — Пожалуйста, расскажи мне. Ты можешь рассказать мне все, что угодно.

Она до боли прикусывает губу и качает головой.

— Только не это, Шеймус. В прошлом я принимала неправильные решения.

— Все принимают неправильные решения. Думаешь, я этого не делал? Господи, да я был женат на неправильном решении в течение двадцати лет. У меня магистерская степень в этом плане. Закрой глаза, — умоляю я, закрывая свои.

— Зачем?

— Чтобы не думать о своих страхах, — шепчу я. — Закрыла?

— Да. — Ее голос. Так близко. Такой доверчивый. И нежный.

— Расскажи мне обо всем. Я хочу все знать. — Очень хочу.

Мне в ответ — тишина, но в ней нет угрозы. Я чувствую, как укрепляется решимость, и рушатся сомнения Фейт.

— А давай ты расскажешь мне о своем прошлом, а я о том, что чувствую к тебе?

— Ты правда хочешь услышать это? — Я ощущаю ее легкое дыхание на своем лице и слабую улыбку на губах.

Я киваю, несмотря на то, что она не видит меня.

— Не так сильно, как хочу рассказать о своих чувствах.

Она приступает к своей истории. Ее голос становится еще тише и нежнее, вызывая у меня мурашки по коже.

— Я выросла в приюте. Ты уже знаешь это. Последняя семья забрала меня в шестнадцать лет. Я ушла от них, когда мне было почти восемнадцать. — Она останавливается. — Теперь твоя очередь.

— Моя жизнь становится проще, когда ты рядом и сложнее, когда ты далеко. Твое присутствие сводит на нет напряжение, которое я ношу внутри себя всю жизнь. Ты облегчаешь мою боль и делаешь ее терпимой.

— Это всего лишь эффект плацебо²², — возражает Фейт.

— Нет, ты и твоя доброта очень, очень реальные. Ты исцеляешь. Веришь. Заставляешь меня понять, что я — это *не* моя болезнь. Ты видишь меня, невзирая на нее, и принимаешь таким, какой я есть. Благодаря тебе, я не чувствую себя сломленным.

— Ты никогда не был сломленным, — шепчет Фейт. — Ты всегда был Шеймусом. — Я слышу, как она глубоко и размеренно дышит. И, наконец, собравшись духом, продолжает свою историю.

— Эта пара была странной. Женщина сидела дома и не работала. Она с гордостью называла себя опекуном и носила это звание, как нимб. Но ей было далеко до святой. Она была эгоистичной, злопамятной и командовала в доме, как диктатор. Он был распространителем наркотиков. Но она делала вид, что не подозревает об этом. А он притворялся, что не видит, как она с нами обращается.

Не в силах сдержаться, я спрашиваю:

— Но ты говорила, что твои опекуны были хорошими людьми?

— По большей части. Но только не последние. Твоя очередь.

Настал мой черед делать глубокие вдохи. В груди разрастается тревожная боль; она подбирается к горлу, угрожая вырваться наружу, но мне удастся сдержать ее. Фейт, сегодняшняя Фейт, — это все, что имеет значение. И она должна это знать.

— Когда ты смеешься, я чувствую радость, которой ты делишься с окружающими. Ты никогда не прячешься за улыбкой, она всегда честная и искренняя. Мне нравится в тебе это.

— Можно я буду держать тебя за руку? Мне это очень нужно, Шеймус. — Я сердцем чувствую мольбу в ее голосе.

— Да. *Пожалуйста.*

Она находит мою руку и переплетает наши пальцы.

— А еще он был наркоманом. После девяти месяцев пребывания в их доме...я тоже стала наркоманкой. — В голосе Фейт слышится невыносимый стыд.

Я наклоняюсь и целую ее в лоб. А потом прикасаюсь губами к мокрым от слез глазам. Это разбивает мне сердце.

— Когда ты плачешь, мне хочется уничтожить то, что вызвало у тебя грусть.

— Я плохо помню последний вечер в их семье. Ее не было дома, а мы ширнулись пока дети спали. Я употребляла кокаин. Ему захотелось пойти в парк, хотя на улице была полночь. Я пыталась отказаться, но он настаивал. По дороге я выпила фанту, которую он мне дал. Последнее, что я помню...я сижу на старой ржавой карусели и слушаю, как она протестующе скрипит при каждом вращении. — Она крепко сжимает мне руку. Так крепко, будто это поможет выпустить боль и гнев, которые разрастаются внутри.

И я повторяю то, что она сказала мне несколько месяцев назад:

— Выплесни на меня свою ненависть, Фейт.

— Я не могу, Шеймус.

— Выплесни на меня свою ненависть, Фейт, — громче повторяю я. — *Пожалуйста.* Тебе нужно выплеснуть ее. Я справлюсь. Кричи на меня, если нужно.

Проходит несколько секунд, и, наконец, ее ненависть разбивает молчание поспешным, рваным шепотом:

— Я ненавидела его, Шеймус. Я ненавидела ее. Ненавидела себя. Свое пристрастие. Я ненавидела свою жизнь. Я просто ненавидела. Ненавидела, чтобы выжить.

Ее слова разрывают мне сердце. Я освобождаю руку из захвата и крепко обнимаю ее. Фейт мгновенно отвечает тем же. Сила ее объятия прямо пропорциональна ненависти, которая бушует в ней.

Мне уже начинает казаться, что она просто сплющит меня, но внезапно ее объятие превращается в обычное, любящее.

— Мы. Ты и я, — хлюпая носом, произносит Фейт. — Мы должны стоять на твоём коврике, Шеймус.

Я улыбаюсь и, не открывая глаз, целую ее в лоб.

— Должны. И будем. Только позже. — Потому что сейчас мне хочется привести ее домой и никогда не отпускать.

Она обнимает меня крепче и снова хлюпает носом.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Теперь твоя очередь. Мне нужно услышать, что-нибудь хорошее перед тем, как я закончу свою историю.

— Твои объятия меняют людей. Я видел это. И чувствовал. В тебе есть искренняя доброта, качество настолько редкое и чистое, что мне хочется упасть перед тобой на колени. Я бы мог всю жизнь провести в твоих руках. — Я глажу ее по спине. Ей нужно расслабиться, чтобы договорить.

Несколько минут Фейт молчит, а потом продолжает. У нее уставший голос, будто те секреты, которыми она поделилась со мной, вымотали и опустошили ее. Но в этом и есть фишка всех секретов — они тягостные и тяжелые. Чтобы избавиться от них, нужна сила. Это не просто.

— Я очнулась в больнице. Доктора и полицейские мне все объяснили. Помимо кокаина, который я сама приняла, в моей крови обнаружили рогипнол²³. — Ее голос спокойный, слишком спокойный. У меня внутри все сжимается. — Когда я отключилась, он раздел меня и изнасиловал. На рассвете нас нашел мужчина, который вышел погулять с собакой. Мы валялись под деревом, как выброшенный мусор. Я была голая. А он мертвый. Выстрелил себе в голову из пистолета.

Я жду, что она расплачется. Но нет. Это по моим щекам начинают катиться слезы. Я только крепче прижимаю ее к себе, не зная, чем еще помочь. Просто непостижимо на что способны люди.

— Мне жаль, Фейт. Мне очень жаль. — Я знаю, что мои слова ничего не изменят. Это не помощь. Но я не могу просто сидеть и молчать.

— Теперь я вызываю у тебя отвращение? — раздается едва слышный шепот. Это вопрос, на который она сама уже придумала пессимистический ответ.

— Нет. Никогда. Спасибо, что поделила со мной свое прошлое. Только самый подлый человек способен на подобный поступок. — У меня в голове не укладывается, что можно намеренно причинить вред другим людям. — Когда ты бросила употреблять наркотики?

— В тот же день. Больше в моей жизни не было наркотиков. Хотя, я чуть было не сорвалась, когда вернулась в Калифорнию. Именно поэтому я оказалась в приюте и познакомилась с Бенито.

Я резко открываю глаза и отстраняюсь от нее. На улице тепло и на пляже никого нет.

— Фейт, открой глаза.

Влажные ресницы медленно разлепляются и на меня смотрят блестящие от слез голубые омуты.

— Ты жила в приюте для бездомных?

Она кивает.

— Срок моей аренды практически закончился. У меня не было ни денег, ни работы, ни выбора.

У нее не было выбора? А я?

— Ты могла прийти ко мне. Ты должна была прийти ко мне.

Фейт качает головой и ее взгляд смягчается.

— Ты жил с Мирандой. Хоуп сказала, что вы семья. Теперь я знаю, что неправильно поняла ее, но тогда я не захотела вмешиваться и причинять тебе и детям неприятности.

Мне так и хочется сказать о неправильных решениях и об эффекте домино.

— Миранда. Она как несчастливый «пятак». Ей нужно было где-то жить, и она решила, что мой диван подходит для этого лучше всего. Я был в отчаянии. Мне хотелось вернуть детей, поэтому я разрешил ей остаться на несколько недель.

Фейт кивает; в ее глазах светится понимание.

— Ты не обязан объяснять, Шеймус. Ты все сделал правильно. У тебя все получилось, и дети снова живут с тобой. — Она вздыхает и вытирает слезы. — На самом деле Миранда не такая плохая, как я думала. Бенито она нравится. И Хоуп любит ее. — Я уже несколько недель знаю, что Хоуп мать Фейт, но все еще не могу поверить в это. — Именно Миранда убедила ее начать работать поваром в приюте. Да, деньги небольшие, но это первая настоящая работа Хоуп и она ей очень нравится.

— Я рад, что ты нашла маму и ответы на свои вопросы.

— Я тоже. Жизнь расцветает, если дать ей второй шанс

Мне хочется гладить ее, не переставая. Хочется убедиться, что все это действительно реально.

— Конечно. Ведь ты здесь, со мной.

— А у нас есть второй шанс, Шеймус? — нерешительно спрашивает Фейт. — После того, что ты узнал о моем прошлом, твои чувства изменились?

Я встаю, опираясь на трость и, стряхнув песок с джинсов, подаю ей руку.

— Пошли. Я не могу ответить на этот вопрос здесь.

Она обхватывает мою ладонь, и я помогаю ей встать.

— Почему?

— Потому что мы одеты. А мое тело умоляет меня ответить на твой вопрос... детально... обстоятельно... с помощью прикосновений, а не слов, и за закрытой дверью, в моей спальне.

— Шеймус, ты хоть представляешь, какой ты сексуальный? — возбужденно восклицает она.

Это были последние слова, которые мы произнесли. Ну, не считая «МЫ», которое сказала Фейт, когда мы целовались на коврике с надписью «W...E».

Я исполнил свое обещание: завел ее в спальню, закрыл дверь и снял с нас всю одежду. Следующие несколько часов я обнажал душу: каждым прикосновением... поцелуем... и движением бедер. Я успокаивал ее сомнения и страхи, давал надежду на будущее.

Все без слов.

И когда мы уставшие, но удовлетворенные лежим в темноте, Фейт, наконец, нарушает молчание.

— Шеймус?

— Да?

— Я тоже люблю тебя.

На моем лице расцветает улыбка. Она услышала все, что я хотел сказать.

Глава 65

Волшебство — это звучит чертовски вкусно

Миранда

Настоящее

Я мою духовку в отвратительных желтых резиновых перчатках. После попытки самостоятельно приготовить суфле. Оно вытекло из формы и сгорело. Надеюсь, это не признак того, как пройдет мой день.

Раздается звонок в дверь.

Я смотрю на часы. Они пришли на пятнадцать минут раньше. Черт возьми. Я снимаю перчатки и бросаю их в духовку, пытаюсь скрыть улики, а потом открываю дверь.

Рори вручает мне букет цветов. Рядом с ним стоят Кай, Кира и Бенито.

— Спасибо, — искренне говорю я. Впервые я поблагодарила человека за цветы. От этого мне становится немного тошно, потому что от Шеймуса я принимала их как должное, иногда даже не удостоивая этим словом. Но, с другой стороны, я только что произнесла его от чистого сердца. Это большой шаг вперед для меня. За шесть месяцев после произошедшего с Каем, я сильно изменилась. Теперь я другой человек. Не совершенно другой, естественно. Я все такая же напористая, нетерпеливая и властная. Но я, наконец, поняла, что является самым главным в жизни. Это мои дети, друзья и люди, с которыми я работаю. Люди — вот, что делает нашу жизнь ценной. Способность жертвовать. Любить. Сострадать. Кто знал, что это может быть чертовски приятно?

— Вот только не стоит растекаться передо мной лужицей, Миранда. — Мое имя больше не звучит как оскорбление, когда Рори произносит его. Он показывает на Бенито. — Это была его идея. — Тот факт, что именно он вручил мне цветы, подтверждает, что наши отношения на правильном пути. Мы с ним многого достигли за короткое время.

Дети заходят и приветствуют меня объятиями. Бенито подмигивает Рори.

— Я предложил купить цветы. Кай и Кира согласились. Рори настоял на барвинках, — шепчет он мне на ухо.

Дети расходятся по своим спальням, а Бенито следует за мной на кухню. Я ставлю цветы в вазу, а он принохивается.

— Суфле не получилось, — признаюсь я, пока он чего-нибудь не сказал. — Я могу приготовить тосты с высокой вероятностью успеха или можно сходить куда-нибудь поесть. Я пригласила Бенито на ланч, и по дороге он захватил детей из квартиры Шеймуса.

— Тут недалеко есть пекарня, — смеется Бенито. — Слышал, там готовят вкуснейшие круассаны.

— Прямо-таки вкуснейшие? И ты говоришь чистую правду?

Он с невинным видом кивает головой, а потом улыбается и подмигивает мне.

— Мой брат просто волшебник, когда дело касается теста.

— Ммм, волшебство — это звучит чертовски вкусно. Я согласна.

Волшебство — это и, правда, чертовски вкусно. Я рада, что суфле не получилось.

Остаток выходных я провела с детьми. Мы ходили на пляж и плескались в море. А потом допоздна смотрели фильмы, ели вредную еду и болтали обо всем на свете. Самое главное, что наше общение протекало естественно. Я смеялась с ними. Обнимала их и прижимала к себе.

Сейчас я ощущаю себя мамой, которая любит своих детей. По-настоящему, бесхитростно и глубоко. Не думала, что способна на такое чистое чувство.

Сегодня вечер воскресенья. Шеймус только что забрал Кая, Рори и Киру. Я сижу в гостиной со стаканом вина и размышляю о своей жизни. В ней было столько сожалений. Столько лжи. И боли, которую я причинила людям. Слава богу, все изменилось. И как же мне повезло, что, не смотря на все произошедшее за эти годы, я, наконец, смогла подружиться с бывшим мужем, — что было нелегко, но я не виню его за это — наладить отношения с детьми и завести хороших друзей. Теперь я сама себе «пропуск в рай». Я поступаю правильно по доброй воле. Намерения и старание — вот, к чему сводится все. Ты стараешься или не стараешься. Выбираешь хорошее или плохое.

Я стараюсь изо всех сил.

И выбираю хорошее.

Делай добро даже ценой жизни.

Это мой новый девиз.

ГЛАВА 66

Это невыносимо прекрасно

Фейт

Будущее

Шеймус выглядит таким красивым в черных брюках со стрелками и в белой рубашке с закатанными до локтей рукавами. Он босой, так же, как и я. Мы стоим на коврике с надписью «W...E» на песке в окружении Кая, Рори, Киры, Хоуп и друзей. Перед нами стоит Бенито с Библией в руках. Он с гордостью выполняет свою обязанность регистратора — по крайней мере, на сегодня.

Когда подходит мой черед давать обещание, я пристально смотрю в карие глаза Шеймуса и, счастливо улыбаясь, говорю:

— МЫ. Это будет невыносимо прекрасно. Согласна.

А он в ответ клянется:

— Это будет намного больше. Согласен.

Эпилог

Что такое любовь

Попросите сто человек объяснить, что такое любовь.

И вы получите сто различных ответов.

Потому что любовь, как искусство, она — субъективна.

Постоянно меняется.

Эволюционирует.

Хороший тому пример...

Миранда

Любовь существует.

Она не притворство, как Санта Клаус или Вегас. Она осязаема и полна надежд.

Это мои дети.

И мой выбор.

Это намерения.

И сострадание.

Да, она чертовски реальна.

Думаете, что только дураки верят в любовь?

Тогда я дура.

Шеймус

Любовь — странная штука. Она приходит из ниоткуда. В ней нет логики или системы. Она не поддается научному объяснению. Любовь — это чистое чувство и страсть. А чувства и страсть прекрасны, потому что они подпитывают любовь.

Я являюсь экспертом в любви. Я знаю о ней из личного опыта.

Я влюблялся в Фейт медленно и с осторожностью. Потому что был жалок и подавлен из-за развода.

Она стала моей мечтой.

И мечта превратилась в реальность.

И любовь.

Намного больше, чем любовь.

Фейт

Любовью движут инстинкты, когда сердце заглушает голос разума. Ее можно предугадать. Я узнала ее, когда почувствовала, потому что она была пронзительно прекрасна.

Намного больше, чем пронзительно прекрасна.

И имя ее было «МБІ».

Шеймус и я.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Notes

[

←1

]

Американское кабельное телевидение.

[

←2

]

Константа — постоянная.

[

←3

]

Джéнис Лин Джóплин — американская рок-певица, выступавшая сначала в составе Big Brother and the Holding Company, затем в Kozmic Blues Band и Full Tilt Boogie Band.

[

←4

]

Два пальца, поднятые вверх: указательный и средний.

[

←5

]

В переводе с немецкого *kindergarten* буквально означает «детский сад», детские сады существуют отдельно в США и дословно называются «пред-школой».

[

←6

]

Легко перемещаемый контейнер с готовой едой.

[

←7

]

Серебряный язык — это выражение используется для описания человека, который весьма убедителен и красноречив для того, чтобы люди делали все то, что им необходимо.

[

←8

]

Рассеянный склероз (РС) — это хроническое заболевание, которое поражает головной и спинной мозг. Основная причина возникновения рассеянного склероза — это сбой в работе иммунной системы. Рассеянный склероз — это заболевание, которое поражает молодых людей. В отличие от других неврологических болезней, которые чаще возникают в пожилом возрасте, эта возникает у людей от 15 до 40 лет.

[

←9

]

Эпидуральная анестезия — это по сути игла-катетер введенная в окружение спинного мозга, через которую затем подается лекарство, блокирующее прохождение болевых импульсов от нижней части тела в спинной мозг и будущая мама не чувствует боли.

[

←10

]

Коммутатор в телефонных сетях — устройство для ручного или автоматического соединения абонентских линий.

[

←11

]

«Тема Дарта Вейдера» (или «Имперский марш») — музыкальная тема из кинофильма «Звёздные войны» сочинения Джона Уильямса.

[
←12

] Рамен — японское блюдо с пшеничной лапшой. Фактически представляет собой недорогой фастфуд, обладающий большой энергетической ценностью и хорошим вкусом.

[
←13

] Кимвалы — медные тарелки, употреблявшиеся евреями во время богослужения; ими хлопали друг о друга, и они издавали резкий звон.

[
←14

] Прим. пер.: «Время приключений» — мультипликационный сериал, повествующий о приключениях мальчика Финна и его друга — волшебного пса английского бульдога Джейка в постапокалиптическом мире, называемом «Земли Ооо».

[
←15

] Прим. пер.: Fortune 500 — рейтинг 500 крупнейших американских компаний, критерием составления которого служит выручка компании. Список составляется и публикуется ежегодно журналом Fortune.

[
←16

] Прим. пер.: Бетти Крокер — рекламный образ, запущенный мукомольной компанией «Уошберн Кросби».

[
←17

] Прим. пер.: Энсел Истон Адамс — американский фотограф, наиболее известный своими чёрно-белыми снимками американского Запада.

[
←18

] Прим. пер.: Рэйчел Рэй — известная телеведущая, писательница, издательница журнала о еде.

[
←19

] Прим. пер.: Моющее средство.

[
←20

] Яркая Радуга — персонаж серии мультфильмов, представленный компанией Hallmark.

[
←21

]

Плей-офф — этап спортивных соревнований, на котором участники выбывают после первого проигрыша.

[
←22

]

Прим. пер.: термином «эффект плацебо» называют явление улучшения здоровья человека благодаря тому, что он верит в эффективность некоторого воздействия, в действительности нейтрального.

[
←23

]

Прим. пер.: снотворный, седативный препарат. Употребление препарата в комбинации с алкоголем и/или опиатами может привести к провалам в памяти. Благодаря этому эффекту рогипнол снискал себе славу «наркотика изнасилования».